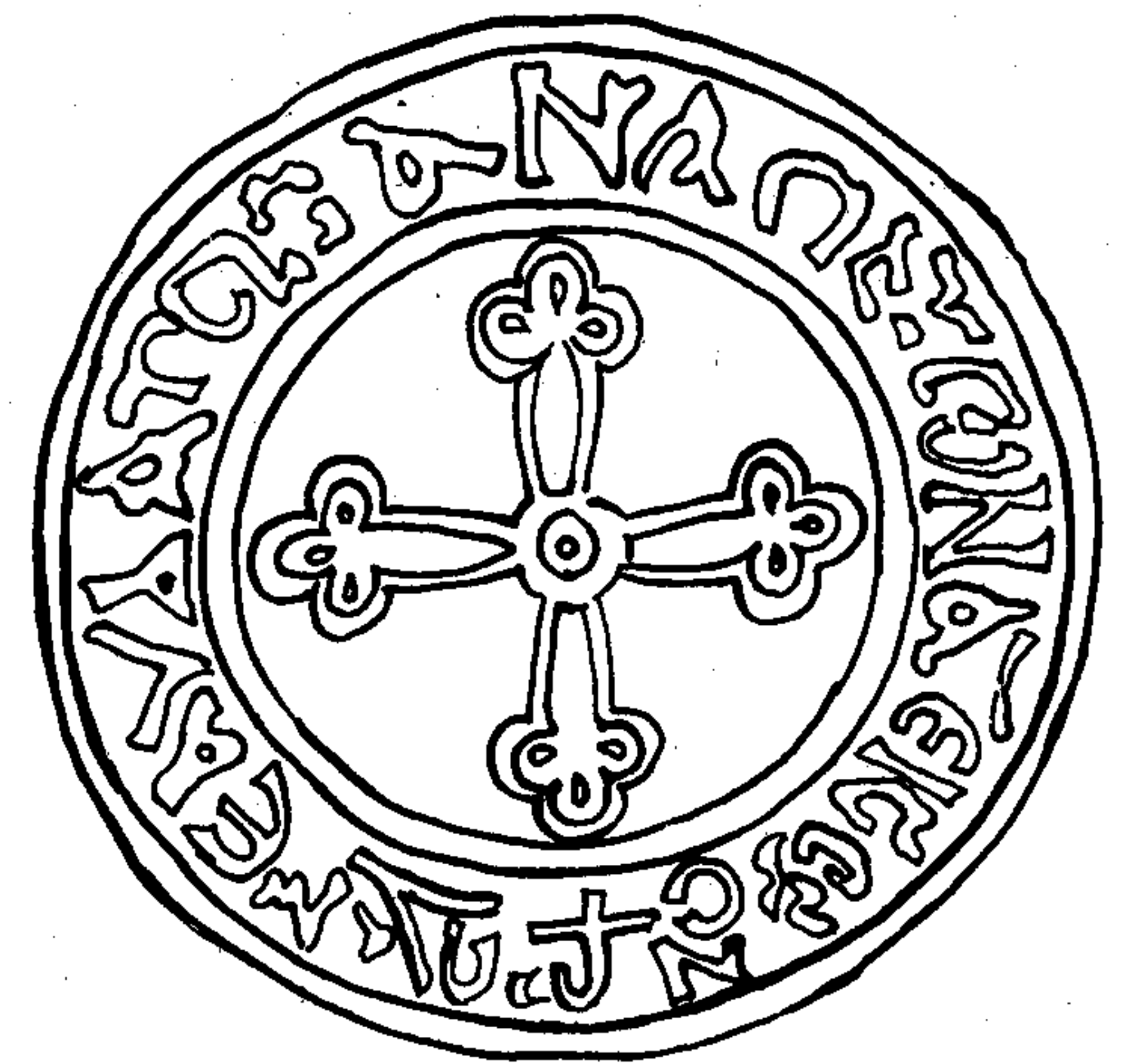


Г.Ф.ТУРЧАНИНОВ

**древние
и средневековые
памятники
осетинского эпоса
и языка**



**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИР»
ВЛАДИКАВКАЗ. 1990.**

63.2 (2p-6 Осет)

Т 89

Научный редактор *М. И. Исаев*, доктор филол. наук, профессор

Рецензент *Т. А. Гуриев*, доктор филол. наук, профессор

Турчанинов Г. Ф.

Т 89 Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. — Владикавказ: Ир, 1990. — 240 с.

ISBN 5-7534-0167-8

Книга посвящена осетинской эпиграфике — чтению и интерпретации древних и средневековых памятников осетинского письма и языка. Они утверждают наличие у осетин в древнейший период истории своей оригинальной письменности, которая была утрачена.

Однако памятники служат надежным вспомогательным материалом для ученых, изучающих историю и духовную культуру осетинского народа, неотъемлемой частью которой является письменность.

Т 4602010000-66
М 131(03)-90 110-90

ГЕОРГИЙ ФЕДОРОВИЧ ТУРЧАНИНОВ

**ДРЕВНИЕ И СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
ОСЕТИНСКОГО ПИСЬМА И ЯЗЫКА**

Редактор *А. У. Голиева*. Художник *Ф. Цаллагова*. Художественный редактор *Х. Т. Сабанов*. Технический редактор *А. В. Ядыкина*. Корректор *Э. Дз. Баликоева*.

ИБ № 1766

Сдано в набор 30.03.89. Подписано к печати 12.10.90. Формат бумаги 84·108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Гарн. шрифта литературная. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 12,81. Уч.-изд. л. 12,66. Тираж 15 000 экз. Заказ № 0308. Цена 1 руб. 20 коп. Издательство «Ир» Государственного комитета Северо-Осетинской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 362040, г. Владикавказ, проспект Мира, 25. Издательско-полиграфическое и книготорговое производственное объединение «Адыгея» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома. 352700, г. Майкоп, ул. Пионерская, 268.

ISBN 5-7534-0167-8

© Издательство «Ир», 1990

От редактора

Автора данной книги — профессора Георгия Федоровича Турчанинова — представлять ученым-филологам нет необходимости, так как его имя в науке давно известно. Разве только следует напомнить, что Г. Ф. Турчанинов один из самых крупных советских кавказоведов-адыговедов и уникальный специалист по дешифровке эпиграфических памятников письма.

Последнюю четверть века Г. Ф. Турчанинов выступает, пожалуй, чаще как эпиграфист. У него немало напечатанных и еще неопубликованных работ, посвященных раскрытию тайн древних и средневековых памятников письма народов Северного Кавказа, Закавказья и Восточной Европы. Они уже получили оценку довольно большого количества специалистов. В рецензиях и отзывах на труды Г. Ф. Турчанинова отмечаются как их достоинства, так и недостатки, слабые и спорные места.

В положительных оценках подчеркивается поисковый характер эпиграфических разысканий Г. Ф. Турчанинова, их значение для истории культуры многих народов и регионов нашей страны.

Напутствуя данный, не во всем бесспорный труд Г. Ф. Турчанинова, хотелось бы заметить, что сам он проявляет порой определенную нетерпимость к мнению других ученых, требуя от них скорейшего признания своих достижений. При этом не учитывается особенность исследовательской манеры того или другого ученого. Этим объясняются некоторые критические замечания в адрес В. И. Абаева.

Широко известно, что В. И. Абаев свои обобщения и выводы всегда подкрепляет надежным фактическим материалом и утверждает лишь то, что уже обосновано им всесторонне и прочно. Он не сторонник необузданной фантазии, в которую порой пускаются некоторые ученые, не имея под рукой необходимых фактов. Поэтому

заведомо можно было ожидать, что В. И. Абаев проявит настороженное отношение ко многим идеям Г. Ф. Турчанинова, работающего обычно на скудном языковом материале и старающегося, в то же время, выдвигать чрезвычайно далеко идущие гипотезы. Степень спорности выводов его как бы обратно пропорциональна объему анализируемого в каждый данный момент фактического материала (т. е. расшифровываемых знаков письма).

Для меня, как для редактора публикуемого труда, было чрезвычайно интересно и поучительно следить за движением мысли его автора, за его своеобразным, очень смелым путешествием в глубь тысячелетней истории. В случае удачи в таком путешествии перед нами может приподняться завеса над малоизвестным еще миром, мы можем почувствовать дыхание самой истории, соприкоснуться с духовной культурой древнейших народов...

Вызывает чувство уважения большой и кропотливый труд автора, сопряженный со сбором и многолетним анализом немалого количества эпиграфических памятников, обнаруженных и разбросанных по всей нашей необъятной стране. Публикация памятников, представленных в определенном тематическом подборе и с научными комментариями, уже сама по себе очень ценна.

Что касается достоверности результатов их трактовки, то тут и самому автору не все понятно. «Я далек от мысли,— пишет он в введении,— что мое толкование надписей и их датировка во всех случаях отвечают полной истине и что в том и другом нет ни сучка, ни задоринки».

Думаю, ни автор, ни читатели не должны питать иллюзии, что все сказанное тут же будет всеми принято и пущено в дальнейшую исследовательскую работу. Будет много скепсиса, что определено самим характером труда и особенностями исследовательской методики его автора, но это не повод для уныния.

Хочется закончить свое предисловие словами: пусть ветер времени рассеет плевелы, и пусть обнажатся все имеющиеся в работе зерна истины, могущие дать новые ростки для дальнейших научных разысканий!

М. И. Исаев,
доктор филол. наук, профессор

Введение

Эпиграфика... помогает нам достигать точности в определениях и быть всегда настороже по отношению к целому ряду утверждений, лишь наполовину содержащих правду.

С. К. Дикшит. Введение в археологию

В осетинской эпиграфике различаются памятники двух видов. К первым относятся осетинские надписи собственного древнего письма арамейского дукта и средневекового салтово-маяцкого и сиро-несторианского дуктов. Это памятники письма и языка. Ко вторым относятся только памятники языка. Они написаны чуждой осетинскому языку письменностью, к нему неприспособленной. О случайности последних говорит их количество. Если надписей первого вида насчитывается сейчас свыше пятидесяти, то надписей второго вида имеется только три: две греческого письма и одна собственно несторианского.

Осетинская эпиграфика — наука молодая. Ей каких-нибудь двадцать лет. Первая публикация памятников собственного осетинского письма была сделана нами в 1964 году. Это были надписи на камнях Маяцкого городища VII—X вв. на Дону¹.

Они принадлежали подонским аланам, именуемым в русских летописях ясами. В дальнейшем в книге «Памятники письма...» к маяцким мы присоединим еще 10 средневековых осетинских надписей и 17 древних, названных скифо-сарматскими. В этой книге к ранее известным древним и средневековым надписям прибавлено несколько новых.

¹ СА, 1964, № 1, с. 72—87. Повторена в книге: Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л. 1971, с. 67—79 (в дальнейшем в сокращении — ТППЯ).

Настоящая книга была задумана как «Корпус осетинских надписей», в котором предполагалось сосредоточить все, что было до сих пор опубликовано по осетинской эпиграфике в разных изданиях и добавить к этому собранию ряд новых памятников, еще неопубликованных. Издания такой книги не получилось — отпущенный для этого объем оказался недостаточным. Книгу пришлось перестроить, сосредоточив в ней из ранее опубликованных только надписи, имеющие фундаментальное значение для истории осетинского языка: одни из них содержат приличное количество слов и форм и могут именоваться связными текстами, другие характеризуют какую-то ступень в развитии языка.

Ряд новых средневековых надписей осетинского языка подсказал необходимость опубликовать в этой книге и несколько иноязычных надписей, в которых ярко проявилось влияние аланского письма на письменную культуру их соседей. Этому влиянию подверглись касоги, хазары и ранние восточные славяне. Влияние это было недолговременным, оно длилось какие-нибудь два-три столетия, но настолько ощутимо, что пройти мимо него оказалось совершенно невозможным.

Осетинская эпиграфика — бесценный материал. В ретроспективе она характеризует осетинскую речь в ее развитии с VIII в. до н. э. по XIV в. н. э., к сожалению, пока что со значительными лакунами по векам.

Интерес к древнейшим ираноязычным надписям Восточной Европы был пробужден археологом А. А. Формозовым. В 1953 г. он пытался обратить внимание ученых, занимающихся историей письменностей, на тот факт, что среди «археологических материалов, относящихся к срубной культуре, распространенной в степной полосе Восточной Европы в конце II — начале I тысячелетия до н. э., имеется весьма интересная группа сосудов со знаками неизвестного происхождения². Через десять лет, в 1963 г., он снова вернулся к поднятому ранее вопросу³.

В статье 1953 г. А. А. Формозов приводил четыре строчных прописей знаков на баночных сосудах из погре-

² Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1, с. 191—200.

³ Формозов А. А. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности // ВДИ. 1963. № 2, с. 180—184.

бений и отсылал читателя к другим объектам с подобными надписями, общим числом свыше десятка⁴.

Проверка опубликованных и неопубликованных надписей по указанным А. А. Формозовым объектам, к которым мы добавили несколько новых со своей стороны, показала, что поставленный им вопрос заслуживает самого пристального внимания и изучения, хотя археолог не во всех случаях оказался прав. Кое-какие из знаков следует отнести к орнаментике и знаковой магии. В тех случаях, где археолог был прав, перед эпиграфистом предстало письмо, хабит знаков которого не представлял загадки. В целом это письмо оказалось письмом арамейского дукта, но несколько своеобразной формы. Своеобразие его заключается в том, что письмо, за редким исключением, читается слева направо, буквы в нем не всегда занимают обычное положение в строке; в письме почти отсутствуют словоразделы, и при всех своих особенностях надписей в них преобладает скоропись. Надписи уставного, монументального письма единичны. В палеографическом отношении памятники письма указанного дукта при их общей малочисленности и растянутости во времени весьма пестры. В них частенько отсут-

⁴ Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губ. // Труды XIII археологического съезда, т. I. — М. 1907, табл. XIII, рис. 1; Лукин Б. В. Загадочный сосуд // Советский Северный Кавказ. — Ростов-на-Дону. 1930, № 3, с. 37; Синицын И. В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане // КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 97—105, рис. 4, 35 и 37; Тереножкин О. И. Поселения білогрудівського типу біля Умани // Археологія, т. V. — Київ, 1951, с. 173—182, табл. II, рис. 5, 6. Paul Ra u. Die Graber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skyphischen Pfeilspitze. Mitteilungen des Zentralmuseums der Aut. Soz. Röte-Republik der Wolgadeutschen. Pokrowsk, 1929, Hft. I, s. 108, tabl. XX, D; Сібільов М. В. Стародавня посудина з письменами // Археологія, т. VI. — Київ, 1952, с. 139—141, рис. 1 и 2; Телегін Д. Я. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці // АП, т. VI, 1956, с. 75—84, рис. 4, 10; Либеров П. Д. Курганы у села Константиновки // КСИИМК, XXXVII, 1951, с. 137—143; рис. 3, 44; Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловайка и Политотдельское Сталинградской области. Курганы у села Политотдельское // МИА, 60. Памятники Нижнего Поволжья, т. I, 1959, с. 230, рис. 2, 12, 15, 16; Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА, 88, 1960, с. 48, табл. XIII, 2.

ствуется привычное для эпиграфиста единство. Наряду с архаическими формами букв в одной и той же надписи могут встретиться буквы более позднего времени. Грамотность была весьма низкой. Писали не часто, и письмо, вследствие этого, говоря словами славянского монаха Черноризца Храбра, было «без устроения».

Письмо надписей на сосудах баночной и острореберной форм, как оказалось, выходит за пределы времени срубной культуры. Оно засвидетельствовано на предметах, и не связанных с этой культурой как по форме, так и по времени. Рамки его употребления расширились и растянулись, захватив начальные века нашей эры. Явление это не противоречит археологической истории⁵.

В целом это письмо, поскольку по дукту оно арамейское, едва ли можно считать созданным ранее VIII в. до н. э. Самые старые памятники собственно арамейского письма почти не выходят за пределы IX в. до н. э., а если говорить о скорописи — за пределы VII в. до н. э. Памятники эти не сопредельны с территорией распространения срубной культуры позднего времени, к которой относятся наиболее старые находки из интерпретируемых нами надписей. Для того, чтобы арамейскому письму, даже без учета его иноязычной и иноплеменной акклиматизации, оказаться в пространствах Восточного Казахстана, Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья, нужно было преодолеть время и расстояние.

Приспособленное к иранской речи письмо, интерпретируемое нами, возникло где-то в местах, сопредельных древним Хорезму, Согду и Бактрии, и оттуда двинулось сначала в Восточный и Северный Казахстан, а затем в Нижнее Поволжье и Северное Причерноморье. Памятники такого письма, когда речь идет о надписях на сосудах срубной культуры, оказываются на этих территориях. Этническая приуроченность носителей срубной культуры до сих пор оставалась для археологов дискуссионной проблемой, но эпиграфика вносит в этот вопрос определенную ясность. Правы оказываются те, кто пола-

гал носителей срубной культуры принадлежащими к индоиранской этнической группе. Эпиграфика свидетельствует: язык носителей исследуемого письма относится к восточноиранским. Формы и значения его ближайшим образом разъясняются, исходя из норм иранской речи, конкретно и ближе всего из норм дигорского диалекта осетинского языка. Поэтому можно считать эти надписи памятниками древнеосетинской речи, не деля их на скифские, сарматские и, тем более, киммерийские, поскольку вопрос об этническом облике, материальной и духовной культуре последних не получил еще необходимой в этих случаях четкости. Не оспариваем мы в данной книге и временной периодизации срубной культуры, которая принята археологами⁶.

Исследуемые памятники арамейского письма древнеосетинской речи выходят за пределы этой периодизации. Volens volens приходится стать на ту точку зрения, что срубная культура с ее надписями на баночных и острореберных сосудах просуществовала дольше отведенного ей археологами времени. Она, как показывает язык надписей на сосудах, вошла составным элементом в культуру, именуемую скифской.

Своеобразие дукта древнеосетинского письма арамейского происхождения не должно никого смущать. Видный арамеист и семитолог проф. И. Н. Винников, характеризуя арамейский язык с письменно-графической стороны, писал, что в первом тысячелетии до н. э. он представлял собой совокупность форм, «имевших разное происхождение и разную основу, оформлявшихся и функционировавших в разной среде и при разных обстоятельствах, подвергавшихся разным влияниям и разным наслоениям и вследствие всего этого значительно отличавшихся друг от друга»⁷.

Какая из многих форм арамейской письменности была положена в основу древнеосетинского письма, сказать трудно. В связи с этим нельзя определенно решать и вопросы, связанные со своеобразием данного письма. Изложенные выше соображения на эту тему носят предварительный характер. Нужно, однако, полностью отказаться от мысли, что на левостороннее направление

⁵ Кривцова - Гракова А. О. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955, 46; Тереножкин А. И. Предскифский период на Днепровском правобережье. — Киев, 1962; Смирнов К. Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА, 1957, № 3, с. 3—19; Толстов С. П. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1963, № 2.

⁶ Кривцова - Гракова О. А. Указ. соч.

⁷ Винников И. Н. Словарь арамейских надписей // Палестинский сборник. Вып. 3. (66). — М.-Л. 1958, с. 171—172.

древнеосетинского письма арамейского дукта могла оказать влияние греческая письменность.

Наиболее старые памятники древнеосетинского письма найдены на территории Восточного Казахстана и Нижнего Поволжья, в местах, далеких от непосредственного влияния древних греческих поселений Причерноморья и Средней Азии. К тому же, чтобы письмо изменило свое направление под влиянием другого, на него должно оказываться длительное, каждодневное, а не эпизодическое воздействие. Здесь такого воздействия не было. Никаких памятников греческого письма в поселениях и погребениях срубной культуры не найдено.

Нет также оснований думать, что на направление древнеосетинского письма оказало влияние древнегреческое письмо в пределах Средней Азии, где первоначально оформилось и получило свой путь в пространства Восточного Казахстана, Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья интерпретируемое нами письмо срубной культуры. Самое раннее проникновение греческой письменности в иранскую среду можно было бы связать с территорией Греко-Бактрийского царства (середина III—II вв. до н. э.), но, как верно отметил один из исследователей, «оставшийся в Бактрии греческий гарнизон был немногочисленным, и греческий язык не оказал почти никакого влияния на окружающие его иранские языки»⁸. К тому же хабит большинства букв древнеосетинского письма говорит за то, что это письмо было по крайней мере на пять столетий старше Греко-Бактрийского царства.

Направление письма слева направо в древнеосетинских надписях арамейского дукта могло быть первоначально продиктовано его религиозно-магической функцией. Если обратиться к археологической литературе, то окажется, что «группа сосудов со знаками неизвестного происхождения», о которых писал археолог А. А. Формозов, относится в целом к так называемому могильному инвентарю. Сосуды, на которые наносились письмена еще по сырому тесту, заготавливались специально и имели ритуальное значение. Они наполнялись пищей и сопровождали покойных в загробный мир. В зависимости от воли хоронивших, на них писались то слова

сожаления или хвалы, составлявшие своеобразные эпиграфии, то название пищи. Имена погребенных указывались редко. Слова и предложения, написанные слева направо, а не справа налево, часто с необычным положением букв, должны были, по убеждению писавших, сбивать с толку и запутывать «нечистую силу», отводить ее от погребенного. Со временем, когда вера в магическую силу письма, с изменением обстоятельств жизни, была забыта и потеряла свое значение, по установившейся традиции продолжали писать в том же левостороннем направлении вообще и на любых вещах хозяйственного, бытового назначения. Это особенно хорошо заметно по надписям I—III вв. н. э. из Северного Причерноморья.

Надписи ритуального назначения на сосудах из погребений срубной культуры позднего времени, имена богов на жертвенных культовых горшочках с поселений, слова заклятия на стрелах первоначально были более распространены и употребительны, чем надписи дарственного, владетельного и посвятительного характера. Так можно объяснить, почему древнеосетинское письмо, когда оно стало употребляться в различных сферах жизни, предпочло направление слева направо. Оно отнюдь не является обязательным. Может быть, кому-либо посчастливится найти другое, не связанное с культом объяснение. Есть два случая, обязывающие предполагать, что в древнеосетинском письме могли иногда писать и справа налево. Так выполнена надпись на бронзовом зеркальце I в. до н. э. — I в. н. э. с именем владельца из курганного погребения в районе Тирасполя, так же вырезан фрагмент надписи на каменной плите из Ольвии с сарматским знаком и царским титулом. Первая надпись сделана старым монументальным арамейским письмом⁹.

Присматриваясь к хабиту отдельных букв древнеосетинского письма и почерку надписей в целом, можно с достаточной уверенностью говорить, что это письмо было и многолико и широко локализовано в пределах срубной культуры того периода, который захватил и скифо-сарматское время. Иначе говоря, письмо имело многих исполнителей во многих местах. Его графическая диалектальность была широко развита. Употреблявшиеся от случая к случаю, при весьма низкой общей грамотности

⁸ Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. — М. 1960, с. 160.

⁹ ТППЯ, с. 59—60, табл. XXIV, рис. 1 и 2, с. 65, табл. XXIX, рис. 1 и 2.

населения (надписи в погребениях встречаются далеко не на всех сосудах) древнеосетинское письмо не имело местных «школ» и выходивших из них стилей, не имело единого или даже нескольких направляющих графических центров. Родовой характер общества, в стадии которого находились ираноязычные племена, употреблявшие данное письмо, не способствовал этому. Письмо не имело устойчивых «международных» связей. Оно в основном употреблялось внутри данного племени и, следовательно, мало подвергалось влиянию тех или иных форм собственно арамейского письма. Однако какие-то связи, несомненно, были. Какими-то незримыми, неизвестными нам путями в древнеосетинское письмо проникали графические особенности существовавших вовне памятников собственного арамейского письма. Если стать на путь отрицания вероятных связей, то невозможно будет объяснить палеографическую общность ряда форм в древнеосетинском письме арамейского дукта и в собственно арамейском письме соответственного времени. В частности, невозможно будет понять, каким образом в публикуемых нами надписях после букв ранней формы могли появиться буквы поздние, идентичные памятникам собственно арамейского письма.

Есть одна сторона в развитии письменностей вообще, которая до сих пор, насколько нам известно, никем не объяснена. Она касается такого спонтанного развития хабита знака или буквы, которое в конечном счете ведет к фигуре, повторяющей аналогичные, уже существующие в письменности формы. Оказывается, что графические возможности развития форм письма сами собой ограничены.

Древнеосетинское письмо, засвидетельствованное в надписях VIII в. до н. э. — III в. н. э., использует все буквы арамейского алфавита. Одни из них представлены во многих формах и на них можно проследить путь их графического развития, другие представлены единично.

Буква *f* (*φ*) древнеосетинского письма, которой не было в арамейском письме и которая появляется в осетинском на месте старого *p* (*n*), создана самими осетинами. Она представляет собой соединение в одну графему арамейских *p* и *w*. Подавляющее большинство древнеосетинских надписей содержит на месте звука *f* (*φ*) звук *p* (*n*). Впервые буква *f* (*φ*) на месте старого *p* (*n*) встречается в надписи на сосуде из курганного погребения

скифо-сарматского времени близ деревни Переездной Днепропетровской области (бывший Бахмутский уезд Екатеринославской губ.). Слово, в котором эта буква встречается, не подлежит никакому сомнению. Это древнеосетинское *f* (*i*) *ta* — «пища», соответствующее иран. *pītu* в том же значении¹⁰.

Надпись на сосуде хорошо датируется V в. до н. э. Очевидно, процесс спирализации взрывного *p* (*n*) в *f* (*φ*) в древнеосетинском языке начался как процесс спонтанный, независимый от германского или какого-либо иного языкового влияния. Эпиграфика, в нашем ее истолковании, не поддерживает довод В. И. Абаева, что появление звука *f* (*φ*) в древнеосетинском языке относится ко времени не ранее III в. н. э. В. И. Абаев исходит из того факта, что большинство скифо-сарматских имен со звуком *f* (*φ*) *p* (*n*) зафиксировано, мол, в танаисских надписях II—III вв. н. э. Во-первых, количество этих имен не так уже велико. По нашим подсчетам, скифо-сарматских имен со звуком *f* (*φ*) — *p* (*n*) в танаисских эпиграфических памятниках II—III вв. н. э. всего 16 (с учетом повторяемости — 47). Вот эти имена: *Φαδιαρναζσξ* (1 раз), *Φαδινσμοξ* (4 раза), *Φαζίναμοξ* (4 раза), *Φαζίουξ* (5 раз), *Φαδίοξ* (1 раз), *Φαλδαρνασξ* (3 раза), *Φορῶβαχσξ* (8 раз), *Φηδαναχσξ* (1 раз), *Φιδανουξ* (5 раз), *Φόδαχσξ* (1 раз), *Φιδαξ* (5 раз), *Φοροξ* (1 раз), *Φοζαχοξ* (2 раза), *Φόνουταξ* (2 раза), *Φορίαναξ* (1 раз), *Φορήρανοξ* (2 раза). Во-вторых — повторяемость, т. е. излюбленность имен, нельзя не учитывать. В обществе может существовать мода на те или иные имена. Так, из иранских личных имен самыми излюбленными и самыми распространенными на Боспоре, куда входил и Танаис, было имя с корнем *farṇ* (*фарн*). Имя *Φαρνάχηξ* встречается в эпиграфических памятниках Боспора 85 раз, имя *Φαρνάχιων* — 68 раз, а в общей сложности, с учетом других производных от корня *farṇ*, свыше 150 раз. Только в Танаисе иранское имя с этим корнем повторяется 15 раз. Имя *farṇ*, в котором звук *f* (*φ*) восходит не к *p* (*n*), а к *hv* (*хв*), не могло косвенно не влиять на процесс спирализации звука *p* (*n*), а если прибавить сюда достаточное количество греческих имен с компонентами типа *φάν-* (*фан-*), *φίλ-* (*фил-*), которые носили боспорские, а в их числе и танаисские сарматы, то едва ли можно будет

¹⁰ ИЭСОЯ, т. I, с. 488—489.

связывать спирализацию/р (п) в і (ф) преимущественно с гото-германской языковой струей. Роль протогерманского фактора в развитии звука і (ф) в древнеосетинском языке В. И. Абаевым на конкретном языковом документированном материале не показана. Что же касается влияния абхазских и адыгских языков, то здесь также нет фактов¹¹.

Адыги (черкесы) и особенно абхазы не могли оказать в этом фонетическом явлении сильное влияние на сарматскую (осетинскую) речь. Абхазское воздействие исключено тем, что в абхазском языке звук і (ф) слабо развит и, по эпиграфическим данным, в прошлом замещался звуками п, η, а влияние языка адыгов (черкесов), где звук і (ф) представлен достаточно, в этой области не изучено и говорить о нем даже предположительно невозможно.

По нашим наблюдениям, в древнеосетинском письме в отдельных случаях различались звуки z (з) и ζ (дз). Для той и другой букв использовались разной обращенности *zajin*. В области гласных в надписях древнеосетинского письма поначалу отмечались долгие и краткие звуки. Для долгого *ā* использовалась по принципу *matres lectionis* арамейская согласная *h* (*he*), для краткого *ā* (в дальнейшем *æ*) арамейская буква *'* (*'ajin*). Буква *'* (*'alef*), по нашим наблюдениям, введена в письмо позже, когда количественная сторона гласных *ā* и *ā* была утрачена и они перешли в разряд качественных (сильные, слабые). К этому заключению приводит материал надписей: *'* (*'alef*) употребляется безразлично на месте то *ā*, то *ā* (*<æ*), то одновременно и тут и там. Долгота и сила гласного *a* не были эквивалентны, и противопоставление двух *a* по силе было для пишущих не столь ощутимо, как противопоставление по количеству (долготе и краткости). Отсюда смешение двух *a*. По принципу *matres lectionis* обозначались также через *jod* ^t и *ē*, а через *w* (*waw*) — *ū* (*ū*). Поскольку графемы *jod* и *waw* обозначали одновременно *i* краткое и *o*, *u* (*y*) краткие, различать их в словах и формах надписей приходится, исходя из исторических параллелей в каждом отдельном случае. Однако нельзя не заметить того факта, что иногда для осетинского *o* в ранних надписях используется удвоение *waw* в лигатуре, дающей подковообразный знак, в то

время когда для *u* (*y*) используется единичное *waw*. Буква *jod* употребляется с самого начала преимущественно в форме вертикального, то наклонного, то прямо стоящего штриха для обозначения *i* и *e*. Буквенный знак в виде короткой горизонтальной черточки (-) служил для обозначения дифтонга *ia*.

Из всего вышеизложенного не трудно уяснить, что процесс создания далекими предками осетин своего письма на арамейской графической основе был процессом творческим. Создателем и пользователем письма был простой народ, отсюда бытовой, житейский характер всех известных нам надписей древнеосетинского письма, независимо от того, относились ли они к срубной или скифо-сарматской культуре. До конца своего существования, т. е. до начальных веков новой эры, древнеосетинское письмо окончательно не оторвалось от материнской основы, от тех норм, которые были свойственны собственно арамейскому письму как письму консонантному. Это хорошо видно из того, что в древнеосетинских надписях в тех или иных словах гласные пропускались или обозначались по принципу *matres lectionis*.

Наряду с буквами арамейского дукта в древнеосетинском письме (как и в средневековом осетинском) в надписях используются знаки арамейского счета. Этот факт является дополнительным аргументом в пользу северо-семитического происхождения исследуемого письма, поскольку буквенные и счетные знаки ведут к единому источнику культурного заимствования.

Палеографические сопоставления букв древнеосетинского письма с соответственными арамейскими, т. к. древнеосетинское письмо представляет уже извод арамейского, носят у нас не столько историко-графический характер, сколько конструктивно-графический. Объясняется это не только тем, что древнеосетинское письмо является изводом арамейского, но и тем, что памятников письма у нас на целое тысячелетие (с VIII в. до н. э. по III в. н. э.) оказалось пока что не так много, и они разобщены не только во времени, но и локально.

Это обстоятельство вынудило нас пока что отказаться от сводной палеографической таблицы по всем памятникам и вести палеографические сопоставления букв исследуемых надписей с арамейскими в пределах более узких временных рамок. Если в этих случаях имеется отсылка на определенный исторически известный памят-

¹¹ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. — М. 1965, с. 34—35.

ник арамейского письма, то следует иметь в виду, что он привлекается более в конструктивно-графических целях, показывающих палеографическую сторону, чем в историко-культурных, хотя какие-то неизвестные нам связи, как уже говорилось выше, могли существовать.

Датировка исследуемых надписей древнеосетинского письма носит относительный характер. Палеография, когда к ней относятся скрупулезно, во многом способствует точности датировки, но она всегда относительна — никогда не удастся довести датировку до абсолюта. Поскольку древнеосетинских надписей не так много и они растянуты во времени на целое тысячелетие, в датировке мы придерживаемся комбинаторного метода: данные языка и письма не отрываются от того археологического комплекса, который сопровождает и определяет вещественно-исторически ту или иную эпиграфическую находку. Одно корректирует другое, но преимущество отдается все же письму, особенно, когда приходится решать вопрос о хронологически узких рамках, не везде и не всегда доступных археологии.

Этой же методики мы придерживаемся при датировке надписей средневекового осетинского письма и далеки от мысли, что толкование надписей и их датировка во всех случаях отвечают полной истине и что в том и в другом «нет ни сучка, ни задоринки». Наличие письма у предков осетин, к какой бы археологической культуре они не относились, до сих пор науке было неизвестно. Скепсис и неверие в этой области увеличиваются тем, что археологи, как правило, оказываются неосведомленными в истории развития письменной культуры, а филологи и историки письма не всегда дружат с археологией и даже с эпиграфикой, хотя последняя — наполовину филологическая наука. Чтобы убедиться в этом, обратимся к литературе. В книге «Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки» мы дважды столкнулись с утверждением, что связных текстов на языке предков современных осетин, скифо-сарматских племен южной России, не имеется¹².

Это категорическое утверждение принадлежит двум опытным и хорошо осведомленным в вопросах иранистики

ученым. Странно оно прежде всего своей категоричностью — «не имеется», и все тут, в то время когда каждый из них располагал экземпляром книги, где есть глава «Памятники скифо-сарматского (древнеосетинского) письма»¹³.

«Связных текстов на этих наречиях до нас не дошло» В. И. Абаев мог говорить в 1949 г.¹⁴, но говорить это в 1979 г. было уже нельзя.

Среди опубликованных нами древнеосетинских надписей письма арамейского дукта есть несколько таких, которые, по археологическим данным, относятся к скифо-сарматским и которые, как ни кинь, представляют собой связный текст. Чтобы в дальнейшем не было недоразумений, напомним, что принято у филологов понимать под текстом вообще и связным текстом в частности.

Текст есть произведение речи, зафиксированное в письме, а связный текст — не только произведение речи, зафиксированное в письме, но и произведение речи, объединенное внутренней последовательностью. Есть ли такие связные тексты среди опубликованных нами скифо-сарматских надписей? Да, есть.

Возьмем для примера текст круговой надписи V в. до н. э. на глиняном горшочке из курганного погребения с Золотой Косы близ Таганрога. Находка территориально относится к южной России. Надпись по языку восточно-иранская, хорошо выдержанная в нормах дигорского диалекта осетинского языка, того диалекта, который является, в частности, и по В. И. Абаеву, основополагающим в определении принадлежности надписи к скифо-сарматской. Текст надписи связный, объединенный внутренней последовательностью, законченный. В нем шесть словоформ.

В латинской транскрипции арамейских букв надписи текст безукоризненно читается:

St(w)t attā ata Atiaga p(a)t S(a)hhati, с переводом на современный осетинский язык он звучит так:

Студ адтæ æдта Ацаг фæтæг Сагкати и по-русски означает: 'Именитым ты был же Ацаг предводитель (рода) Сагкаевых'.

Эпиграфический текст невелик, но иранисту и осетиноведу он дает в руки такой материал, который невоз-

¹² Оранский И. М., Абаев В. И. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. — М.: Наука, 1979. с. 13; 272—273.

¹³ Имеется в виду ТППЯ, с. 43—65.

¹⁴ Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. — М.— Л., 1949, с. 148.

можно извлечь из собственных скифских или сарматских имен в греческой их передаче, если пользоваться *только ими* без учета публикуемых и опубликованных ранее надписей.

Начну с собственного имени предводителя рода Сагкаевых — Ацага.

Среди собственных скифо-сарматских имен, с вероятной конкретной семантикой 'Правдивый', в греческой записи 'Αζίαροξ это имя у В. И. Абаева, как и у нас, встречается только однажды. В. И. Абаевым оно извлечено из Ольвинской посвятельной надписи, опубликованной акад. В. В. Латышевым¹⁵.

В надписи, наряду с почетными ольвийскими гражданами — стратигами, носящими греческие имена, 'Αζίαροξ оказывается, как это можно судить по имени отца — Ο'υαχώζαχοξ то ли огреченный скиф, то ли огреченный сармат¹⁶.

Атиаг нашей надписи не был элинизированным осетином. Для исследователя истории языка это имеет немаловажное значение. Ольвийская надпись, по палеографическим данным, датируется I—II в. н. э.¹⁷, наша надпись с Золотой Косы V в. до н. э. Между ними лежит по меньшей мере пять столетий. А эти пять столетий дают возможность **не вообще**, а конкретно заключать, что имя нашей надписи Атиага по сравнению с 'Ατίαγ(οξ) является реальной древней формой, звучавшей в устах реальных предков современных осетин V в. до н. э. Ученый-иранист такими конкретными данными не располагает¹⁸.

Язык нечасто преподносит историку языка факты хотя бы и относительно датируемые, и поскольку в нашем связном тексте есть еще и другие собственные и нарицательные имена, мы должны признать эпиграфическую находку с Золотой Косы близ Таганрога бесценным памятником живой древнеосетинской речи V в. до н. э.

Среди личных собственных скифо-сарматских имен

¹⁵ Basilius Latyschev. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini, vol. I, Petropoli (сокращенно IPE) MCMXVI (1916), p. 120—121.

¹⁶ В отношении этих имен как ираноязычных см. ОИЯ, с. 291 (под hatya) и с. 307 (под vahu).

¹⁷ К н и п о в и ч Т. Н. Греческое лапидарное письмо в памятниках Ольвии//Нумизматика и эпиграфика.— М. 1966, т. VI, табл. X, 3, с. 10.

¹⁸ ОИЯ, с. 334.

в греческой передаче, из корнеслова которых В. И. Абаев воссоздает скифский язык, у него нет ни одного фамильного осетиноязычного имени. В нашей надписи на горшочке с Золотой Косы это имя есть: S(a)hhati. Имя дано в форме множественного числа (формант — t —) в родительном падеже (флексия — i) — Сагкаевых. В среде осетин эта фамилия общеизвестна. Сегодня мы знаем, насколько она древняя. Фамилия образована от имени *sağ* — 'олень' со свойственной осетинскому языку геминацией. В. И. Абаев по поводу осетинского *sağ* пишет: «В соответствии древнеиндийскому *sakha* ожидали бы и ир. *saḥa*, однако скифские факты указывают на существование параллельной арийской формы *sākā*¹⁹.

Как показывает наша надпись, ожидаемая форма *sākā* существовала, и не где-нибудь, а в скифском, на берегах Меотиды, в V в. до н. э. Совершенно другой вопрос: бытовало ли в это время слово в форме *saḥa* или даже *saḥa* как нарицательное? Ответить на это утвердительно нельзя. Личное имя или фамилия представляют собой застывшую лексическую форму. Фамилия Сагкаевых могла образоваться задолго до V в., к которому относится надпись. Так в принципе могло быть с любым из личных имен, которые кладет в основу своего исследования В. И. Абаев.

Реалии скифо-сарматской *живой* народной речи приходится собирать по крохам. В этом случае любая фраза, даже самая короткая, например, название содержимого сосуда, во много раз дороже собственного имени, из которого извлекаются те или иные нарицательные слова. Имя собственное, взятое само по себе, еще не может сказать нам, являются ли живыми, ходячими образующие его компоненты (или компонент) или они уже выбыли из языка и мертвы.

В этом отношении текст надписи с Золотой Косы и интересен, и полезен. В числе собственных скифских имен иранского корня В. И. Абаев приводит в своем словаре имена «Páteis», «Patias»²⁰ с отсылкой на нарицательное *pati* — 'господин', при авест. *paiti*, др. инд. *pāti*. Но было имя *pat* или нет в этой его форме *живым, ходячим* словом скифо-сарматской речи в пору фиксации личного имени Páteis, Patias — на этот

¹⁹ ОИЯ, с. 300, сн. 5.

²⁰ ОИЯ, с. 298.

вопрос В. И. Абаев утвердительно ответить не может. У него нет текста с нарицательной формой этого слова. На этот вопрос утвердительно отвечает наш связный текст с Золотой Косы. В нем мы находим слово *paŋ* в значении 'вождь', 'предводитель'. В этом значении оно смыкается с корневой основой современного осетинского *fætæg* — 'вождь'. В нашем связном тексте остается еще три слова, каждое из которых важно само по себе. Причастие прошедшего времени *st(w)t* — 'именитый', 'прославленный', соответствующее современному диг. *студ* интересно и начальным *s* и конечным глухим *t* вместо звонкого *d*. Форма с *s* и глухим согласным *t* в исходе слова является более ранней, чем форма со свистяще-шипящим «*šš*» и звонким согласным *d*. Поскольку текст надписи, по палеографическим данным, датируется не позже V в. до н. э., это явление представляется для истории осетинского языка фактом немаловажным. Весьма интересным представляется наличие во фразе вспомогательного глагола 'быть' в форме 2-го лица прошедшего времени *atta* (совр. *адтæ*). Интересна эта форма и своей ассимиляцией звонкого *d* перед глухим *t*, и своим конечным *a* кратким, давшим в дальнейшем *a* слабое (*æ*) и, наконец, особенно тем, что личная форма глагола — находка уникальная. Ее не извлечешь из собственного личного имени.

Интересна в надписи и усилительная эмфатическая частица *ata*, соответствующая совр. диг. гедта — 'же'. В надписи ожидаемая графическая '*ajin* передана через '*alef*', что отражает живой процесс утраты количества гласным *a*. Связный текст с Золотой Косы из-под Таганрога небольшой, всего шесть словосочетаний, а какую обширную информацию он дает о живой древнеосетинской *gesp* скифской речи V в. до н. э. Разве можно проходить мимо такой информации, тем более, что среди опубликованных нами древнеосетинских надписей-информаций она не единственна. Есть и другие.

Из этих других заслуживает внимания надпись на глиняном биконическом пряслице II в. н. э. История находки такова. В августе 1956 г. сотрудником Одесского археологического музея И. И. Козыренко был произведен раскоп на территории колхоза им. Ленина сел. Калиновки (б. Сербы) Кадымского района Одесской области. Раскопом обнаружено древнее поселение, условно названное Калиновка II. Среди инвентаря поселения — серо-

глиняной кружальной керамики, глиняных грузил, кусков железного шлака — было обнаружено и биконическое глиняное пряслице с круговой надписью. Надпись археологами не читалась, и пряслице, как и вся находка, по типу керамики поселения была отнесена к черняховской археологической культуре, якобы характеризующей ранних славян. Эпиграфика внесла существенную поправку. По языку надпись оказалась не протославянской, а восточноиранской. Она была написана на древнем осетинском языке, языке позднего периода скифо-сарматской культуры.

В надписи по ее прочтению оказалось 12 словоформ, т. е. вдвое больше, чем в тексте с Золотой Косы. Текст калиновской надписи прост и не вызывает никаких сомнений. На сегодня в него надлежит внести только одну поправку. Второе слово первой строки, представляющее собой личное мужское имя-прозвище, следует читать *K(a)l*, а не *Xъ(a)l*, т. к. оно написано с *каф*, а не с *коф*. Собственное мужское имя-прозвище *Кал* представляет собой иранское, точнее, персидское слово со значением 'вол', 'бык'. В осетинском оно ныне звучит *Гал* и существует в огрузиненной форме личного имени *Гало*²¹.

Мнение В. И. Абаева о том, что «в осетинский слово (гал) вошло, вероятно, из кавказского субстрата»²², приходится пересматривать. Слово на Кавказе подверглось местному влиянию, приобрело звонкую форму вместо прежней глухой.

Однако надпись на пряслице из Калиновки II интересна не этой деталью, самым существенным является тот факт, что в ней налицо некоторые диалектальные особенности осетинского языка, которые характеризуют не дигорский, а иронский диалект. Этими особенностями в надписи являются: нуль графема при обозначении иронского гласного *ы*; послелог *l* (-ыл) вместо диг. *bæl* (-бæл); слово *shk* (-сыхаг) — 'сосед' вместо диг. *синхон*, *синхаг* прош. вр. глагола: *p(y)m...* [-ным[ста>*ныста>фыста (диг. **pinsta*>финста)] — 'писал'. Из известных ныне надписей древней осетинской речи эта, в которой зафиксированы иронские формы и слова, самая ранняя.

²¹ Миллер Вс. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. — Л. 1927, т. I, с. 380.

²² Абаев В. И. ИЭСОЯ, т. I, с. 506.

В науке существуют две точки зрения на время появления иронского диалекта. Вс. Миллер, Гарматта и Л. Згуста считали и считают, что иронский диалект возник примерно в III—IV вв. н. э. Мы поддерживаем их мнение. Шёльд и Абаев датируют появление иронского диалекта примерно VIII в. н. э. Эпиграфический материал говорит в пользу первой группы ученых. Кроме надписи на биконическом пряслице с поселения Калиновка II, мы располагаем хорошей, целиком иронской, надписью начала IV в. н. э., исполненной греческим письмом и найденной в Абхазии.²³

Присутствие в надписи Калиновка II некоторых четко выраженных особенностей иронского диалекта осетинского языка может быть воспринято в двух планах: либо в калиновской надписи мы имеем дело со смешанным ироно-дигорским диалектом, и, следовательно, иронский диалект как самостоятельная единица где-то уже существовал, либо калиновская надпись являет нам первую по времени надпись дигорского диалекта, в которой появляются иронские черты, в дальнейшем возобладавшие и оформившиеся в самостоятельную языковую единицу. На основе одной калиновской надписи этот вопрос решить невозможно, нужны дополнительные факты. В Северном Причерноморье такие факты есть.

Так, например, В. И. Абаев, рассматривая скифо-сарматское ольвийское собственное имя *Ναμῦν* (ирон. стар. *намгин* при также диг. стар. *нангин*) — 'именитый', засвидетельствованное надписью II в. н. э., оспаривает мнение Вс. Миллера и М. Фасмера о том, что суффикс *-ῦν* в имени в означенное время мог в осетинском произноситься *-γιν* (*-гин*), по той причине, что, мол, «первые признаки смешения *η* и *ι* в аттических надписях отмечаются с середины II века н. э.»²⁴ а здесь — периферия, и, по Абаеву, эти новшества сюда пришли много позже. Суждение это ошибочно. Выход в свет «Корпуса боспорских надписей»,²⁵ где сосредоточены все известные эпиграфические находки Северного и Восточного Причерноморья, входящих в Боспорское царство греческих поселений, дает возможность установить, что в именах собственных итацизм (т. е. произношение *η* как *ι*) имел место здесь

²³ См. здесь главу III, очерк I.

²⁴ ОИЯ, с. 324.

²⁵ Корпус боспорских надписей. — М.-Л. 1965, с. 1—951.

уже в I—II вв. н. э.²⁶ Имя *Ναμῦν* (ирон. стар. *намгин* при диг. *нангин*) не устраивает В. И. Абаева потому, что оно иронское, а не дигорское. Иронские особенности калиновской древнеосетинской надписи II в. из Одесской области, в частности, наличие в ней чередования ирон. *м//* диг. *н* в слове *ρ(υ)τ-η(ν)μ* [*ста>*ныста>фыста* (диг. *финста*)] — 'писал', говорит о том, что ольвийское (тоже из Одесской области) имя *Ναμῦν* наверняка произносилось по иронским нормам, т. е. «*намгин*», как это предполагали Вс. Миллер и М. Фасмер.

Характерный для иронского диалекта «итацизм» засвидетельствован в Северном Причерноморье, в Танаисе, в написанном собственно осетинским письмом на арамейской графической основе слове *φῖυ* — 'жир', 'сало'. Это слово выписано красной краской на одной из танаисских местных (не синопских) амфор конца II — начала III вв. н. э. На этот факт мы обращали внимание еще около двадцати лет тому назад²⁷, но он оказался В. И. Абаевым незамеченным, так же, как и насыщенная иронизмами калиновская надпись II в., о которой говорилось выше.

Слово *φῖυ* — 'жир', 'сало', может быть, в значении 'масло' было на Боспоре среди местного ираноязычного населения, по-видимому, нередким. Об этом свидетельствует, в частности, скифо-сарматское личное имя из Пантикапея в надписи, датируемой примерно 70-ми годами III в. н. э.²⁸

Это имя, сохранившееся с пропуском одной буквы, на камне выщербленной, звучит *Φῖαῦουζ* т. е. *Φῖαῦουζ* — 'фиуаг'. Сохранилось слово *φῖυ* — 'жир', 'сало' здесь и в другой ираноязычной, не осетинской, а персидской форме *qī*²⁹ *пй* в сложном слове *п(и) се лут// п(и) се лутан* — 'жирный алуто́н' — 'жирное пиво', как написано

²⁶ Корпус боспорских надписей. — М.-Л., 1965, с. 800. Из списка литературы при ОИЯ (см. с. 369) видно, что В. И. Абаев пользовался этим источником, а поэтому представляется весьма странным, что он не отказался от своей точки зрения на итацизм и повторяет ее в том виде, как она была высказана им 30 лет назад в ОЯФ, т. I, с. 204.

²⁷ СА. 1964. № 1, с. 76—77, рис. 8. Повторено в ТППЯ, с. 71, табл. XXX, рис 11.

²⁸ Корпус боспорских надписей. Посвятительная надпись № 36, Б, строка 47. Комментарий, с. 42.

²⁹ ИЭСОЯ, т. I, с. 477.

также красной краской на двух танаисских амфорах того же образца, что и со словом *фиу*, датированных тем же II—III вв. н. э.³⁰

Понятие 'жирный алуто́н' или 'жирное пиво' не является притянутым. Технология приготовления алутона, как это в свое время выяснил В. И. Абаев, вполне отвечает названию: «Один старик-дигорец сообщил, что в пору его молодости приготовление алутона было распространено в Дигории; это было пиво, в котором вываривались бараньи курдюки или целые бараньи туши»³¹.

После того, как калиновская осетинская надпись II в. н. э. и иронского звучания слова *Намгун* (*намгин*) и *фиу* явились фактами, утверждающими существование во II—III вв. н. э. в Северном Причерноморье иронского диалекта, пусть еще в неразвитой форме, у нас есть достаточно оснований заняться рассмотрением засвидетельствованных танаисскими надписями личных ираноязычных имен *Ἰράμβουτοζ*, *Ἰράναδιζ*, *Ἰρβιδοζ* и *Ἰράνοζ*.

Как видно из сводного труда проф. Ладислава Згусты³², этими именами интересовались такие видные иранисты, как Вс. Ф. Миллер, М. Фасмер, Гарматта и другие. Как бы не относиться к этимологиям этих ученых, личные имена с компонентом *Ir* представляют тот интерес, что этот компонент существует как самоназвание осетин. В. И. Абаев считает, что самоназвание *ир* получило право своего исторического утверждения на Кавказе, хотя этимологию его не дает³³.

Группу танаисских имен с компонентом *ир*- с вероятным значением этого компонента как самоназвания предков осетин — иров, В. И. Абаев не приемлет. В ИЭСОЯ, т. 1, на с. 545 и далее он пишет, что «обычное сближение с др. иран. агуа-, агуапа- перс. *jān* (Вс. Миллер, ОЭ, II, 55, Gr. 17, -Nibschmann. Oss. 41) встречается настолько серьезные фонетические трудности, что от них приходится отказаться». И здесь же указывает: «Если

³⁰ Книпович Т. Н. Танаис. — М. 1949, с. 73, рис. 28, а; с. 75, рис. 4, 5, 29.

³¹ ОЯФ, т. 1, с. 339.

³² Ladislav Zgusta. Die Personennamen griechischen Städte der nordlischen Schwarzmeerküste. Praha, 1955, s. 101—103. В сокращении: Zgusta.

³³ ИЭСОЯ, т. 1, с. 545—546.

бы начальный *j* восходил к образовавшемуся через эпентезу дифтонгу *aj*, то в дигорском диалекте мы ожидали бы закономерную форму *ег ср. *jv/ēv* (преверб) из *aibi*; *mīdaq/mēdaq* — 'внутри' из *maid-qaqa*; между тем в дигорском мы имеем *ig*, а не *ег.» Но хотелось бы в этом случае спросить у В. И. Абаева, как же быть с собственным скифо-сарматским именем главного аланского переводчика на Тамани *Ἠραχᾶζ* — как *aiguaka*, как интерпретирует это имя сам В. И. Абаев со ссылкой на М. Фасмера³⁴. В. И. Абаеву должно было быть известно, что впервые это имя этимологизировал Вс. Ф. Миллер, руководствуясь в исходной форме теми же доводами, что и М. Фасмер³⁵, и если В. И. Абаев привел имя Ерак в словаре скифо-сарматских собственных имен, то, надо полагать, он руководствовался теми строгими условиями, с которыми принял работу М. Фасмера: «Мы избегали натянутых и сомнительных сближений и толкований и отваживались на анализ лишь тогда, когда чувствовали твердую почву под ногами»³⁶.

По поводу эпиграфического имени *Ἠραχᾶζ* — Ерак Вс. Ф. Миллер писал: «Следует думать, что Ирак был сам аланином по происхождению и носил аланское имя. Оно, по-видимому, восходит к иранскому **Agiaka*, образованному из *Agia*, с обычным иранским суффиксом -ka. То же имя сохранилось в названиях этнических и географических: *Īgān*, старинная форма *Ēgān* (Иран), *Ir* (Осетия), Ирон (осетин). Переход начального *a* в *e* и далее в *i* объясняется обычной иранской эпентезой; ср. при санскритском агуа, авест. *a' gua*, при санскритском апуа (другой), осетин. *inná* «...» быть может, в имени, *Ἠλαχᾶζ* начальный гласный еще приближался в произношении к закрытому *e*, т. е. средней ступени между *ai* и *i*; ср. старинное

³⁴ ОИЯ, с. 281.

³⁵ Вс. Ф. Миллер рассматривает имя *Ἠραχᾶζ* в своей статье «К иранскому элементу в припонтйских греческих именах». (ИАК, 47, 1913, с. 194—195, № 62), на десять лет раньше М. Фасмера. Уточняя: плита с именем Ерака найдена в 1910 г. на Тамани, на месте крепости Фанагория (Гермонасса), а не в Пантикапее, как это у В. И. Абаева со ссылкой на Фасмера. Впервые опубликована в ИАК, 40, 1911, с. 112, № 28 с фото. Надпись датирована 208 г. н. э. Вторично опубликована без фотографии в «Корпусе боспорских надписей», № 1053, с. 613—614 в чтении со *spiritus asper*, которого в нем не было.

³⁶ ОИЯ, с. 276. (курсив мой. — Г. Т.).

название Eḡān с современным Igān. Но можно так же предположить, что начальное η произносилось как в других именах ι и сохранилось только в графике, как буква, не соответствуя действительному произношению»³⁷.

В свете тех фактов, которые приведены выше, взгляд Вс. Ф. Миллера отражает не теоретические, а реальные формы: итацизм в греческих собственных именах I—II вв. н. э., пусть незначительный, здесь был; «иканье» в осетинской форме (слово *фиу* как надпись на местной танаидской амфоре III в. н. э.), пусть также незначительное, но было; иронские слова и формы слов в тексте надписи на пряслице II в. н. э. из Калиновки II Одесской области — были, и деться от них некуда, а все это на общем фоне в целом дигорской по строю осетинской речи в сарматских и в греко-сарматских поселениях Северного Причерноморья дает исследователю право утверждать, что иронские особенности осетинской речи в I—II вв. н. э. в этих местах были уже реальным явлением.

Отрицать элемент *ир* в местных собственных скифо-сарматских именах, как элемент иронский, нет возможности. Такое отрицание будет выглядеть просто-напросто тенденциозным.

При раскопках северной части городища Танаиса в 1853 г. была найдена известняковая плита со строительной надписью, датированной 188 г. н. э. и посвященной восстановлению башни для порта. Среди лиц, надзирающих за строительством, значатся в надписи два сармата, братья: Сиавак сын Ирамбуста и Ирбид сын Ирамбуста.

Обращая внимание на иранизм этих имен, Вс. Ф. Миллер в свое время писал: «члены танаидской семьи 'Ιραμβουστοζ'α подчеркивали свое сарматское происхождение»³⁸. Судя по всему, он был прав. Этнический патриотизм до сих пор свойствен осетинам, горцам Кавказа. Это, как писал В. И. Ленин, «одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»³⁹.

Самым «доходчивым» из приведенных выше имен

³⁷ См. аналогичное суждение у В. И. Абаева в ИЭСОЯ, т. I, с. 545.

³⁸ ИАК, 47, 1913, с. 91, № 49.

³⁹ Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Сочинения. 4-е изд. — М. 1950, т. 28, с. 167.

оказывается Σίαβαχοζ — Сиавак, представленный корнем имени *syava* (ср. авест. *syava*) — 'черный' с суффиксом *κ* — *ка*. Имя — прозвище 'Черный' здесь, в Северном Причерноморье, известно нам из надписи на биконическом пряслице II в. н. э. из Калиновки II Одесской области, где оно зафиксировано в осетинском тексте арамейского дукта в форме *Saw* — Шав. По сравнению с корнем в танаидском собственном имени *syava*, калиновская форма *šaw* является новой, ходячей. Она зафиксирована в осетинской бытовой надписи, исторически первой, в которой присутствуют иронские слова.

Сохраненное в греческой записи иранское имя Σίαβαχοζ — Сиавак 'Черный' для северопричерноморских осетин II в. н. э. рядом с именем *Šaw* — Шав 'Черный' было, вероятно, не более доступно, чем моим современникам русским имя *Вячеслав*, в котором до их сознания если что и доходит, так это компонент — *слав*, как у осетин II в. н. э. из имени *Сиавак* компонент — *ак*.

Наибольшее затруднение для этимологии представляет отцовское имя Сиавака — 'Ιραμβουστοζ, а в нем второй элемент композиты 'Αμβουστοζ. Как самостоятельное имя оно встречается в Танаисе в списке фиасов под 220 г. н. э. Вс. Ф. Миллер объяснял это имя, исходя из осет. *æмбузун* — 'всходить', 'расти' (Журнал, 248, № 39), по поводу которого В. И. Абаев заметил: «*æmbuzun* — 'увеличиваться', привлекаемое для разъяснения скифского имени 'Αμβουστοζ нам неизвестно»⁴⁰.

В. И. Абаев в ОИЯ, с. 278 толкует имя 'Αμβουστοζ как 'возвеличенный' (под вопросом). Следовательно, имя 'Ιραμβουστ(οξ) могло иметь семантику 'возвеличенный ир' *gesp* 'возвеличенный иронец'. Вторым сыном Ирамбуста Ирбид ('Ιρβιδοξ) принимается нами в семантике, предложенной Вс. Ф. Миллером, по связи с осет. ирон. *уид-аг* — 'корень'. Значение компонента *Ιρ* здесь то же, что и в предыдущем имени⁴¹.

⁴⁰ ИЭСОЯ, т. I, с. 25 при этимологии осет. *abūzyn*: *abūzt* — вздуться, вспучиваться, разрастаться.

⁴¹ При интерпретации этого имени нужно устранить одну ошибку. У В. И. Абаева (ОИЯ, с. 285, *brin*) и у Л. Згусты (*Zgusta*, s. 102, № 119) имя 'Ιρβιδοξ воспринято как генитив от 'Ιρβιξ. В тексте танаидской надписи имя 'Ιρβιδοξ стоит в именительном падеже. Это имя сына при отце 'Ιραμβουστοζε. У Вс. Ф. Миллера этой ошибки нет, но есть другая. При интерпретации имени 'Ιρβιδοξ он ссылается на эпиграфическое

В толковании Вс. Ф. Миллера имя 'Ιρβιδος (Ируид) интересно тем, что оно по огласовкам целиком иронское. Человек 'иронского корня', 'иронского происхождения' — имя в этой семантике представляется более подходящим, чем 'стриженный' — *илвид*, как то у В. И. Абаева.

Хорошо изучившая жизнь Танаиса во всех его проявлениях археолог и эпиграфист Т. Н. Книпович писала, что «имена обитателей Танаиса не отражают вполне отчетливого деления на эллинов и танаидов»⁴². Для I—III вв. н. э. трудно сказать, какая из этнических струй — эллинская или сарматская — преобладала. Иллюстрацией в этой области могут служить такие имена фиасов — членов единоверческой религиозной общины, как 'Ιρσβαδῖς Δημητρίων, где отец носит греческое имя, а сын — сарматское (осетинское). Имя 'Ιρσβαδῖς, состоящее из основ Ир+æвад может быть истолковано как 'бездетный Ир, не оставивший потомства Ир', особенно, если вчитаться в семантику сарматских имен и убедиться в том, что они представляют собой имена-прозвища, которыми носители их наделялись уже в зрелом возрасте. Надпись, в которой встречается имя 'Ιρσβαδῖς, датирована 225 г. н. э.

Другое имя с компонентом Ιρ — 'Ιρϕανος представляет собой, как я полагаю, сармато-греческое образование. Ιρ — это уже известное этническое имя 'иронец', 'осетин', а ϕανος древнегреческое нарицательное имя со значением 'красота', 'радость', 'утешение'. Для отца, носящего сарматское имя Χοµενος — Хомева, т. е. hu+meuæ — 'искусный в работе' (ОИЯ, с. 291), сын мог быть и красой, и радостью, и утешением ир(он)ской фамилии. Надпись, в которой встречается сармато-греческое имя 'Ιρϕανος, датирована 244 г. н. э.

Нам представляется, что тот языковой материал, который приведен нами выше в пользу существования если не иронского диалекта, то начатков его на Северном Причерноморье, вполне достаточен. Движение иронских масс (вместе с дигорскими) на Кавказ шло отсюда и шло довольно быстро, если в первой половине IV в. н. э.

боспорское (пантикапейское) имя βαδα χ ηξ. Такого имени в боспорских надписях нет. Есть βαδα[χ]ηξ. По-видимому, методика работы многих авторов была такова, что, доверяя своим предшественникам, имя по надписи заново они не сверяли.

⁴² Книпович Т. Н. Танаис, с. 99.

мы читаем на инталии, найденной в Абхазии, во всех отношениях иронскую надпись греческого письма. См. главу III, очерк 1. Обратного движения быть не могло, ибо в этом случае невозможно объяснить появление во II в. н. э. насыщенной иронизмами надписи на пряслице из Калиновки II Одесской области.

Пренебрежительное отношение к эпиграфическому материалу оказалось чревато последствиями, исказившими действительный ход истории народа и истории осетинского языка. В отношении к новому изданию труда В. И. Абаева «Скифский язык» под заглавием «Скифо-сарматские наречия»⁴³, я не могу не присоединиться к мнению чл.-кор. АН СССР О. Н. Трубачева, который писал: «Не скрою, хотел бы видеть этот ценный труд обновленным и дополненным (спустя тридцать лет после выхода его в том «Осетинский язык и фольклор») хотя бы минимальными и очевидными вещами...»⁴⁴ К сожалению, этого не произошло, а между тем иронство осетинской речи было тем переломным моментом, с которого начался новый, средневековый период осетинской истории и истории осетинского языка. Начался он в Северном Причерноморье, и немаловажную роль сыграл здесь Танаис. Новые буквенные знаки, которые мы встретили в дальнейшем в средневековом осетинском письме В. Салтова и Маяцкого городища VIII—X вв., а также в аланских надписях Надь-Сен-Миклоша X в., впервые появляются в Северном Причерноморье в осетинских надписях, выполненных красной краской на амфорах местного производства II—III вв. н. э.⁴⁵ Но самым любопытным оказывается тот факт, что эти оригинального хабита знаки тянут нас в Среднюю Азию, в Приаралье, в древнее аланское государство Яньцай, существовавшее здесь, по китайским источникам, во II в. до н. э. — IV в. н. э.

Как показала Таласская эпиграфическая находка, приаральские аланы имели свое, оригинального хабита письмо, существовавшее здесь еще в XII в. н. э.⁴⁶ Свое государство приаральские аланы называли Ново-Асией, а себя асами//ясами.

⁴³ ОИЯ, с. 272—364.

⁴⁴ Трубачев О. Н. От редактора//Исаев М. И. Васо Абаев. — Орджоникидзе. 1980, с. 7.

⁴⁵ Книпович Т. Н. Танаис, с. 29—30.

⁴⁶ ТППЯ, с. 89—96, табл. XXIX, здесь, глава I, очерк II.

Появление термина ас/яс в степных просторах Северного Причерноморья и на Северном Кавказе мы связываем с экспансией среднеазиатских алан в эти места. Экспансия, вероятно, проходила время от времени, волнами. Самой большой волной, с которой сюда хлынули обильные массы среднеазиатских алан, было гуннское нашествие. Приаральские аланы принесли с собой свое письмо, здесь оно влилось в уже существовавшее древнеосетинское письмо на арамейской графической основе. Так получились новые изводы осетинского письма В. Салтова и Маяцка VIII—X вв. н. э.

В Венгрию оно было занесено либо вместе с гуннской волной, либо позже, с волной мадьярской. Отсюда не случайные связи надписей Надь-Сен-Миклоша, датированных X в., с письмом В. Салтова и Маяцка, а также с письмом приаральских алан-ясов, каким мы его знаем по таласской надписи XII в. н. э.

При рассмотрении хабита букв средневекового осетинского письма ираноязычных насельников В. Салтова и Маяцкого городища резко бросается в глаза специфический характер некоторых буквенных знаков, не имеющих ничего общего с арамейским письмом. Я имею в виду слогографемы *ан*, *ум*. Создание их самими носителями языка иранского языкового корня, предками осетин, исключено. Иранские языки, в их числе и осетинский, не имели носовых гласных, которые могли бы графически отражать слогографемы *ан*, *ум*.

Более чем вероятно, что эти графемы могли быть принесены в письмо В. Салтова и Маяцка среднеазиатскими приаральскими аланами, входившими в состав гуннских орд, или они были заимствованы из гуннского письма, о котором, мы, к сожалению, ничего не знаем, но которое, как можно судить по надь-сен-миклошским письмам, вероятно, существовало.

Иначе говоря, как это ни парадоксально, но чем больше материала получает исследователь, чем он пестрее, тем глубже и шире становятся лакуны и тем труднее делать определенные выводы. Салтово-маяцкий и надь-сен-миклошский изводы средневекового осетинского письма просуществовали сравнительно недолго, каких-нибудь два столетия, но тот след, то влияние, какое они оказали на другие, не ираноязычные письменности соседящих с ними народов, оказались весьма заметными.

Мы имеем в виду средневековую письменность ка-

согов — предков кабардино-черкесов, от которой осталось свыше десятка надписей, и раннюю, докириллическую письменность восточных славян — типа Алекановской. Разрешать этот вопрос на основе писем В. Салтова, Маяцка и в некоторой мере надь-сен-миклоша весьма трудно по двум причинам: во-первых, количество памятников как ираноязычных, так и касожских и восточнославянских не так велико, а, во-вторых, к салтово-маяцкому и надь-сен-миклошскому изводам средневекового осетинского письма присоединяется, как органическая часть этого письма, письмо несторианское, которое в конечном счете вытеснит и салтово-маяцкое и надь-сен-миклошское письма. Несторианское письмо средневековых осетин напластовывалось у средневековых алан на древнеосетинское письмо арамейского дукта. Различия в знаковой части здесь были минимальными, т. к. и то и другое было письмом арамейского дукта.

О несторианстве средневековых осетин мы знаем сегодня весьма немного, но когда народ пользуется письмом религиозной секты христиан-несториан, едва ли можно сомневаться в том, что несторианская письменность у средневековых осетин не была органическим фактором их жизни.

Памятником первой, датированной по селевкидской эре, которой пользовались несториане, является фрагмент осетинской надписи из Херсонеса 1001 года (690—689 г. н. э.) Осетины-несториане в Крыму и в Северном Причерноморье были пришлыми поселенцами. Так же, как и приаральских алан-ясов, их принесла сюда волна гуннского нашествия.

Крым (Таврида) и северо-восточный угол Причерноморья в V—X вв., т. е. после гуннского нашествия, представляют для историка вообще и историка письменной культуры особый интерес. В этих местах в означенные столетия жизнь представляла собой многоцветный, сложный клубок межэтнических отношений. Здесь сталкивались интересы многих народов и племен: потомков причерноморских греков (танаидов, ольвийцев и др.), потомков скифо-сарматов — средневековых осетин, предков современных кабардино-черкесов — касогов, ранних восточных славян, мадьяр и тюрок (напр., хазар).

Кроме греческих колонистов, самобытной письменностью в этих местах обладали только потомки скифо-сарматов — средневековые осетины. Касожские, ранние

восточнославянские и тюркские (хазарское) письма были производными от средневекового осетинского. Осетинское письмо не было явлением государственности. Оно употреблялось только в быту, и то от случая к случаю, к нему как нельзя лучше приложимо то определение, которое дал раннему докирилловскому славянскому письму монах Черноризец Храбр — письмо употреблялось «без устроения», т. е. не было кодифицировано.

Крымская средневековая надпись 1001 (690—689 г. н. э.) в своем буквенном составе имеет значительное количество модификатов сиро-несторианского письма, напластанного на старом, древнеосетинском письме арамейского дукта (см. главу II, очерк 1, табл. I).

Так же, как и древнеосетинское письмо, средневековое имело направление слева направо, в нем соблюдались нормы, свойственные северосемитскому письму вообще и арамейскому письму в частности. Сиро-несторианский дукт средневекового осетинского письма в Крыму особенно подчеркивается херсонесскими надписями более позднего времени, чем надпись 1001 (690—689 г. н. э.).

Надписей таких обнаружено пока что немного: обломок кувшина с граффито IX—X в. — *фых æх(сыр)* — «кипяченое мол[око]» и два граффито на доньшках сосудов XIII—XIV вв. н. э. с личным именем Сах (>Саг).

Надписи Верхнего Салтова и Маяцка менее насыщены буквами сиро-несторианского хабита, может быть, потому, что создатели этих надписей — средневековые осетины — отошли от Черноморского побережья в глубь Подонских степей несколько раньше, чем эти места захватили волны гуннского нашествия, в составе которых, как мы полагаем, было немало среднеазиатских средневековых осетин-несториан. Письмо В. Салтова и Маяцка нуждается в еще более глубоком и пристальном изучении.

Средневековое осетинское письмо оказало заметное плодотворное влияние на соседящих с осетинами (ясами) на Нижнем Дону касогов (*кæсæг*) — предков кабардино-черкесов. Дукт письма и хабит букв касожских надписей настолько тесно связан с осетинскими надписями Подонья, что можно совершенно определенно сказать — касожская письменность была создана «по образу и подобию» письменности осетинской, а посему древнейшие касожские памятники отнесены нами к памятникам письма осетинского (ясского) дукта.

В дальнейшем касожской письменности удалось оторваться от своего источника и обрести хотя и недолгий, но свой путь развития. То же самое можно сказать о хазарской письменности, какой она выявлена нами на керамике из Саркела (см. главу IV, очерк 1, табл. XXV).

Но не всегда сожителство двух разноязычных народов ведет к непременною заимствованию одним народом у другого его письменности. Так, например, на поселении восточных славян X в. Тытчиха, что на среднем Дону, при обнаружении фрагментов средневековой осетинской письменности сиро-несторианского дукта, не обнаружено совершенно никаких следов письменности у восточных славян Тытчихи, хотя поселение было явно славяно-яское (см. главу II, очерк 8, табл. XIX). Возможно, что препятствием к заимствованию письменности служили разные религиозные убеждения славян и ясов. Первые были здесь еще язычниками, а вторые пусть инославными, но все же христианами.

Надписи выполнялись писцами-ремесленниками. На ранних этапах развития письменности эту работу выполняли горшечники, медники и другие мастера, которые делали утварь, ковали оружие и так или иначе украшали предметы своего труда.

Живя в смешанной языковой среде, писцы чаще всего были двуязычны и могли по просьбе выполнить надпись для своего соседа иноплеменника. К таким надписям ясского произведения мы относим восточнославянскую надпись на Алекановском горшке 1007 года из Рязанской области и надписи 908 и 918 гг. на шиферном пряслице со славянского поселения Борки, что под Рязанью (см. главу IV, очерк 2, табл. XXVI).

В Алеканове была погребена старая женщина, судя по символике на горшке в виде креста — христианка, и если иметь в виду, что официальное принятие христианства на Руси произошло в 988 г., т. е. в конце X века, наличие восточнославянской надписи не кодифицированного церковью и государством письма в 1007 году, где-то среди вятичей, не вызовет удивления.

VIII—X века, к которым относится подавляющее число письменных памятников Нижнего и Среднего Поволжья, принадлежавших ясам, касогам, хазарам и восточным славянам, были уже не тем временем, когда на основе идеографической символики местными народами создавались свои, независимые письма.

VIII—X века были тем временем, когда азбуки строились на основе уже готового чужого письма, приспособленного к своим нуждам. Путь приспособления был сложным и не непрерывным, так же, как сложными и не непрерывными были взаимосвязи населяющих Подонье и Северное Причерноморье народов. В VIII—X веках здесь в области письма над всеми довлела по-прежнему иранская струя. Средневековое осетинское письмо было уже не только исторически сложившимся, но и самым старым из всех других письменностей этого региона.

Находки новых памятников средневекового осетинского письма подтвердили нашу мысль, высказанную еще в 1964 году: «У средневековых осетин Крыма, Северного Кавказа и Подонья, независимо от того, именовались ли они аланами, асами или ясами, существовала единая письменная культура»⁴⁷. Графическая диалектальность в данном случае не берется в расчет.

В 60 году IX в. Крым, Саркел и Нижнее Подонье посетил с религиозно-политической миссией Константин (Кирилл) Философ. Трудно поверить, что захваченный идеей создания славянской письменности, он не поинтересовался самым пристальным образом существовавшими здесь уже письменностями, тем более, что один народ из носителей письменности — осетины (ясы) — оказался христианским.

Достаточно взглянуть на сопоставительную таблицу букв осетинских, касожских, алектановской и других надписей, чтобы убедиться, что славянский просветитель не прошел мимо предоставившейся ему возможности увидеть письмо в практике повседневного использования.

Средневековое осетинское письмо салтово-маяцкого и несторианского дукта располагает не меньшим, а большим количеством эпиграфических памятников, однако среди них таких, которые в полной мере можно назвать связными текстами, так же немного, как и древнеосетинских. Письмо было принадлежностью простого люда, а этот простой люд был немногословен и выражал свои мысли в надписях весьма кратких. Писали, как и в древности, не часто и вследствие этого придавали значение положению букв в строке текста, формам их соединения.

⁴⁷ Турчанинов Г. Ф. Разведки памятников древнеосетинского (сармато-аланского) письма//ИСОНИИ, т. XXIV, вып. I — Орджоникидзе. 1964, с. 52.

Исследователю письма постоянно нужно иметь это в виду.

Конструктивная палеография, которую не всегда удается подкрепить соответственной временной палеографией, является при общности дукта письма основной мерой оценки принадлежности надписи тому или иному народу. Письмо поддерживается историко-фонетической системой языка, его историческими, грамматическими и синтаксическими нормами. При исходной общности дукта письма эпиграфист всегда может определить, с какой надписью он имеет дело: осетинской (ясской), касожской или тюркской. Нужно только строго следовать методу эпиграфических исследований, знать эти методы. Примером того, куда может завести отсутствие строгого метода исследования, является отнесение ясских маяцких надписей на камнях и касожских надписей на баклажках с Нижнего Дона к тюркским, как это сделал в свое время проф. А. М. Щербак⁴⁸.

Несмотря на то, что со времени публикаций А. М. Щербака прошло около трех десятилетий, археологи до сих пор продолжают говорить о полной ассимиляции в Подонье VIII—X вв. тюркским элементом иранского. Чтобы не быть голословным, приведу одно из свежих высказываний: «После нашествия гуннов в степной полосе Восточной Европы преобладающее положение заняли тюркоязычные племена, истребившие, изгнавшие и ассимилировавшие ее старое ираноязычное население»⁴⁹.

Сила инерции велика. Автор обнаруживает полное незнание эпиграфических памятников, найденных за последние два десятилетия на территории степной полосы Восточной Европы. А находки эти не тюркоязычные, а ираноязычные⁵⁰.

⁴⁸ См. в этой книге главу II, очерк 2.

⁴⁹ Бетрозов Р. Ж. Захоронение вождя гуннского племени у сел Кишпек в Кабардино-Балкарии//Северный Кавказ в древности и в средние века.— М., 1980, с. 122 (курсив мой.— Г. Т.).

⁵⁰ Турчанинов Г. Ф. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы.— М.— Л., 1971; Турчанинов Г. Ф. Средневековая аланская надпись на амулете из Донецкой области//Вопросы иранской и общей филологии.— Тбилиси, 1977, с. 292—296. Надпись датируется IX в.; Флеров В. С., Турчанинов Г. Ф. Средневековая аланская надпись из-под станицы Милютинской Ростовской области//Известия Юго-Осетинского НИИ.— Цхинвали, 1980, вып. XXIV, с. 181—185. Надпись датируется X—XII вв.

Глава I. ДРЕВНИЕ ОСЕТИНСКИЕ НАДПИСИ СОБСТВЕННОГО ПИСЬМА

Очерк 1. Надпись на острореберном сосуде с поселения близ д. Мало-Красноярки на протоке Иртыша (VIII в. до н. э. Восточный Казахстан)

Поселение, при раскопках которого был найден сосуд, относится к андроновской культуре. Оно расположено на правом берегу протоки р. Иртыш, в 2,5 км. на восток от д. Мало-Красноярки (Восточный Казахстан). Раскопки производились в 1950, 1952, 1953 и 1956 гг. экспедицией под руководством С. С. Черникова. Относительно интересующего нас сосуда Черников пишет: «Особенно нужно отметить... сосуд, острореберный, украшенный по ребру четырьмя близко посаженными продолговатыми вдавлениями, повторяющимися через 8 мм. На шейке сосуда до обжига процарапаны непонятные зигзагообразные знаки, вероятно, смыслового значения. По своей форме он стоит ближе к сосудам срубной культуры и резко отличается от всей остальной керамики поселения»⁵¹. Размеры сосуда при описании не указаны (см. табл. I, рис. I).

В сноске, при описании сосуда, С. С. Черников указывает, что в андроновской культуре такой сосуд встречен впервые и что знаки на нем сходны с теми, что процерчены на сосуде срубной культуры с. Горная Пролейка Волгоградской области. Замечание это верно только в своей общей форме, так как ни один буквенный знак надписи на баночном сосуде из погребения Горная Пролейка (см. очерк 2 данной главы и табл. II) ни по форме, ни по значению не совпадает с буквенными знаками со-

суда Мало-Красноярки (см. табл. I, рис. 2). Культура поселения близ Мало-Красноярки, по данным раскопок, разновременна и включает в себя два этапа развития андроновской культуры. Самый поздний из них С. С. Черников датирует IX—VIII вв. до н. э.

Надпись читается слева направо. Направление строки подсказывается наклоном и иной обращенностью некоторых букв. Надпись следует непосредственно после четырех овалообразных вдавлений и состоит из четырех знаков, представляющих шесть букв, ибо последние два знака являются простейшим буквенным соединением, которое нельзя назвать лигатурой (см. табл. I, рис. 2). Все буквы надписи весьма архаичны: они относятся к IX—VIII вв. до н. э.⁵² (см. табл. I).

Первая буква надписи — небольшая горизонтальная черточка с наклоном вправо вниз — представляет собой оригинальный знак, выступающий уже в самых ранних памятниках древнеосетинского письма арамейского дукта. Кроме данной, см. этот буквенный знак в надписи на скифской щипастой стреле рубежа VII—VI вв. до н. э.⁵³ и на сосуде V в. до н. э. из кургана близ д. Переездной на Украине (здесь очерк 6). Эта оригинального хабита буква передавала звук ia. То, что буква прочерчена не в строку, а над lamed, может свидетельствовать о том, что она передавала в надписи определенный артикль дигор. i<ia) при имени, вписанный дополнительно.

Вторая буква надписи представляет собой не совсем округлую lamed в ее обычном для арамейского письма положении. Такого хабита lamed известна в арамейском письме в IX—VIII вв. до н. э. Необходимо отметить, что обращенность lamed в строке в древнеосетинском письме, начиная с этой древнейшей надписи и по III в. н. э., почти не изменилась. Менялся частично лишь ее хабит. Третья буква надписи представляет зеркальную tem, типичную для арамейских памятников того же времени. Четвертая буква в соединении с tem в нижней ее части представляет открытую угловатую 'ajin, используемую в древнеосетинском письме на арамейской основе в значении ѣ. Буква 'ajin обращена раствором вправо. Пятая буква представляет типичную pip опять-таки раннего времени, хотя

⁵¹ Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы, с. 48, табл. XLII, 2.

⁵² Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik, III, Giessen, 1909—1912, S. 218, надпись Kilamuwa.

⁵³ ТППЯ, с. 48—49, табл. XIV.

и немного своеобразную. При обычной обращенности она в средней части удлинена и оттянута вниз (ср. ее с арамейской пип в табл. I). Небольшая горизонтальная черточка с легким наклоном, почти примыкающая к букве пип, справа внизу представляет шестую букву надписи. Это ia той формы, о которой уже говорилось выше.

Палеографическая датировка надписи не противоречит датировке археологической. В целом слово на сосуде читается: ial(i) mǎpai. Предшествующие слову четыре овалообразных вдавления не имеют смыслового значения и являются орнаментальным элементом, украшающим сосуд.

Надпись, транскрибируемая как ial(i) mǎ pai, означает: 'друга', 'приятеля', или 'подруги', 'приятельницы', но определенного или определенной. Не исключена возможность, что мы имеем здесь дело не с именем нарицательным, а собственным. Ср. скифское имя Λέριανοῦ в греческой передаче⁵⁴ с осет. диг. *лимæн*. Возможность включения артикля в имя собственное для скифских имен отмечена В. И. Абаевым⁵⁵. Древнеиранская форма этого слова восстанавливается в виде *frīman. Ср. древн.-иран. frī 'любить', др. евр.-инд. rēman 'любовь'. В начале слова перед г согласная f имела в древнеосетинском языке особую судьбу: f исчезла, а г в группе гу переходила в l. Процесс перехода г в l произошел раньше исчезновения f, поэтому в собственно скифских именах, которые, как всякие имена собственные, обладали большей устойчивостью и консервативностью формы, мы встречаем во второй половине I тысячелетия до н. э. и в начале н. э. такие образования, как Φλίριανοῦ. Данная надпись показывает, насколько рано начался процесс перехода г в l (гу > ly) и исчезновение начального f. Весьма интересна и фиксация родительного падежа в форме ia(>i), какой ее предполагал Вс. Ф. Миллер⁵⁶.

В связи с текстом данной надписи обращаем внимание на тот факт, что интересующий нас сосуд с надписью, как указывает археолог С. С. Черников, не типичен для андроновской культуры. По форме горшка (а мы добавим — и по форме письма) сосуд должен быть отнесен к срубной культуре. Следовательно, горшок с интерпре-

тируемой нами надписью, по-видимому, был подарком лица, представлявшего срубную культуру, поселянину или поселянке андроновской культуры, безразлично, понимать ли имя на сосуде как нарицательное или как собственное. Форма принадлежности в надписи выражена по свойствам осетинского языка родительным падежом. Факт контактирования андроновской культуры со срубной в археологической практике общеизвестен. Интересным с лингвистической точки зрения оказывается здесь то, что андроновцы были, по-видимому, также носителями иранской речи, иначе трудно представить действительность надписи на подарке. Для осетинского письма арамейского дукта, эта надпись, относимая нами к VIII в. до н. э., является сейчас самым древним из известных нам памятников.

Очерк 2. Надпись на баночном сосуде из срубного погребения близ с. Горная Пролейка (вторая половина VI в. до н. э. Нижнее Поволжье)

В 1949 г. экспедиция под руководством археолога И. В. Сеницына (Саратов), обследуя курганный комплекс в 7 км к северо-востоку от с. Горная Пролейка в местности, называемой «Красные камни», повела раскопки кургана. «В кургане, — пишет И. В. Сеницын, — обнаружено пять погребений. Грунтовые могилы прямоугольной формы, сверху накрытые бревнами. Во всех могилах отмечен один и тот же способ захоронения: покойники положены скорченно, на левом боку, ориентированы головой на север (лицом на восток. — Г. Т.), руки согнуты в локтях так, что кисти расположены перед лицом. Во всех могилах одиночные захоронения. Только в одной могиле (№ 5) два скелета — подростка 10—12 лет и ребенка 4—5 лет. Погребальный инвентарь оказался бедным: при каждом погребении находился лишь глиняный горшок. Все горшки баночной формы и имеют прямые или слегка выпуклые стенки».

«Особого внимания заслуживает, — продолжает И. В. Сеницын, — горшок из могилы № 5 детского погребения. Он имеет обычную баночную форму, слегка выпуклые стенки, высота его 11 см, диаметр горла 11 см, дна — 8 см. По краю обреза венчика идет ряд глубоких вдавлений, нанесенных путем зажима пальцами. При

⁵⁴ Миллер Вс. Язык осетин. — М.-Л., 1962, с. 18.

⁵⁵ ОИЯ, с. 296—297.

⁵⁶ Миллер Вс. Язык осетин, с. 78.

отсутствии другого орнамента на одной стороне у верхнего края нанесены своеобразно пересекающиеся линии, представляющие ряд отдельных знаков. Несомненно, эти знаки имели не декоративное, а смысловое значение. Подобные знаки известны на сосудах из погребений эпохи поздней бронзы степей юго-востока»⁵⁷.

Надпись, как и все другие на сосудах, читается слева направо. Текст выполнен полукурсивом. Словораздел отмечен только в одном случае — точкой между двумя буквами (см. табл. II, рис. 1 и 2).

Буквы надписи занимают в строке не всегда обычное положение. Форма букв надписи, их положение и значение в сравнении с арамейскими видны из сопоставительной палеографической таблицы (см. табл. II). Сопоставление букв древнеосетинского письма данной надписи с арамейскими говорит за то, что надпись в палеографическом отношении не моложе V в. до н. э., а скорее — несколько старше его. По-видимому, она относится ко второй половине VI в. до н. э.⁵⁸ Надпись с расчленением вязи содержит 13 буквенных знаков, образующих четыре слова (см. табл. II, рис. 2), укладывающиеся в исторические и диалектные нормы осетинского языка.

С переводом данной надписи в плоскость современной осетинской речи она будет отвечать нормам дигорского диалекта. В полном соответствии с этими нормами надпись будет звучать так: *е жй боц ждзард* или: *е жй боз ждзард* 'он есть дорогой безвременно почивший', 'он есть благодарный безвременно почивший'. О возможности читать эпигр. *bwjz* как *bwjc* (*bwjs*) см. ниже.

Приступим, однако, к интерпретации отдельных образующих надпись слов и их форм, а затем и надписи в целом.

1) *ē* — указательное местоимение 3-го л. ед. ч. 'он', 'тот', 'этот'. Ср. совр. диг. *e* 'он', 'тот'. В надписи передано через *jod* принципом *matres lectionis*. В виде *ē* налично в перс., пехл., белудж. Возводится к указательному местоимению *ay* (**ai*) 'этот', 'тот', 'он'. Ср. авест. *ay-am*; др.-инд. *ay-at-* 'этот'⁵⁹.

⁵⁷ С и н и ц ы н И. В. Археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане, с. 104—105, рис. 35, 41 и 37.

⁵⁸ Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitische Epigraphik nebst ausgewählten Jnschriften. Tabl. XLV.

⁵⁹ ИЭСОЯ, т. I, с. 410; Миллер В. С. Язык осетин, с. 91.

2) *āḏi* — 3-е л. ед. ч. настоящего времени глагола 'быть'. Совр. диг. *жй* '(он) есть'. На возможность совр. диг. *жй* возводить к *asti* указал Э. Бенвенист. Он пишет: «диг. *жй* независимо от *asti*: оно допускает восстановление на материале фонетики самого дигорского диалекта. Мы знаем, что дигорское окончание *-и* — дифтонгический элемент, предполагает **ti*, которому предшествует слогообразующий гласный: диг. *куй* 'собака' (ирон. *ку-ыдз*) из **kuti*, согд. **kwtu*; диг. *инсжй* 'двадцать' (ирон. *ссждз*) из **vinsati*, санскр. *vimsati*; диг. *афжй* 'год', (ирон. *афждз*) из **afati*, ср. *афон* 'время'. Кажется теперь вероятным, что диг. *жй* '(он) есть' предполагает **hati* и соответствует, как форма 3-го л. ед. ч., форме 3-го л. мн. ч. диг. *анцж* (древнему **hanti*)⁶⁰. С Бенвенистом соглашается В. И. Абаев⁶¹. Текст нашей надписи подтверждает справедливость бенвенистовой реконструкции исходной формы для диг *жй* 'есть'. Одновременно, не делая пока никаких выводов из нашего наблюдения, мы хотим обратить внимание на то, что эпиграфическая форма фиксирует *ḏi*, а не *ti*. В публикуемых нами древнеосетинских надписях сочетание *ti*, переходящее в *с(ц)* и *ј(й)*, везде пишется как *ḏi*.

3) *bwjz* соответствует совр. диг. *боз* 'благодарный' или *боц* 'дорогой', 'лелеемый', 'нежный'. Трудно решить, какое из этих двух слов использовано в надписи. Поскольку в языке надписей широко представлено то явление, которое называют интерсонорным озвончением согласных, за словом *bwjz* можно видеть и *bwjc* (*bwjs*). В конечном счете это не так уж важно, потому что оба слова налицо в осетинском и оба принадлежат к иранскому слою речи⁶². Если горшок предназначается покойному подростку, то кажется более уместным значение 'благодарный', (*боз*) или 'дорогой' (*боц*), если ребенку, то, пожалуй, 'лелеемый', 'нежный' (*боц*). Наличие *j* перед конечным согласным корня — черта диалектальная. Это явление мы встретим и в других надписях, притом во всех случаях, даже поздних, средневековых, оно будет характеризовать дигорскую речь. В определенной позиции, а именно «перед конечным согласным или полугласным корня в производных словах» (типа *гайуат* —

⁶⁰ Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. — М., с. 85—86.

⁶¹ ИЭСОЯ, т. I, с. 11.

⁶² ИЭСОЯ, т. I, с. 268—269, 174—175.

гайууат) оно отмечено в стур-дигорском говоре Ирафского района Северо-Осетинской АССР А. Дз. Цагаевой⁶³. Вероятно, в прошлом такая йотация была налицо не только в словах производных, но и в корневых, независимо от суффикса.

4) *ǰazard* — причастие прошедшего времени, соответствующее совр. *ǰдзard*, употребляемому в двух значениях: 1) 'мертвый', 'неживой'; 2) 'безвременно скончавшийся', 'умерший в молодости'. Второе значение как нельзя лучше отвечает содержанию надписи, ибо в погребении, как мы уже знаем, оказались костяки подростка 10—12 лет и ребенка 4—5 лет. Причастие образовано от глагола диг. *цǰрун* 'жить' (основа прош. вр. *цард*). Эпиграфическое начальное *ǰ-* (совр. *ǰ*) — негативная частица со значением 'без'. В надписи должно разуместь *ǰцард* 'неживой', 'безжизненный', с озвончением *ц* в *дз* в интерсонорном положении. Причастие вместе с эпигр. *ǰθi* (совр. *ǰθi*) образует именное сказуемое: 'есть безжизненный', *geθr* 'есть безвременно умерший'.

В целом текст надписи применительно к современному его пониманию гласит: 'Он есть благодарный (или: дорогой, лелеемый), безвременно умерший'.

Синтаксическая конструкция, предложенная с именным сказуемым: «настоящее время вспомогательного глагола быть + причастие прошедшего времени» в осетинском языке не представляет явления исключительного. Впервые она отмечена А. Шёгреном⁶⁴.

То, что в этой маленькой эпитафии-сожалении не обозначено имя собственное покойного, отвечает похоронным обычаям осетин. Н. Я. Габараев пишет: «...об умершем старались упоминать как можно реже. Особенно строго избегали произносить его имя».⁶⁵

Наличие в погребении одного, а не двух сосудов не вызывает удивления. Погребение бедное, а в таких погребениях, как показывает практика раскопок, часто обходились даже без сосудов и вообще без каких-либо вещей. Вероятно, дети были скошены какой-то болезнью один за другим. Второй умер, когда для первого был уже

заготовлен сосуд и все необходимое для *хист'а* (поминок). Новая могила, новые затраты на погребение были не под силу и экономически, и по времени.

Очерк 3. Надпись на баночном сосуде из погребения близ с. Рубцы (V — начало IV в. до н. э. Северное Причерноморье)

Летом 1937 г. украинский археолог Н. В. Сибилев (М. В. Сібільов) при раскопке кургана близ с. Рубцы Краснолиманского района Донецкой обл. обнаружил впускное погребение со скорченным положением костяка. При погребенном оказался баночной формы сосуд высотой 17 см с диаметром горла 18 см. На сосуде, богато орнаментированном разнохарактерными значками в виде вертикальных и горизонтальных штрихов и точек, оказалась надпись (см. табл. III. рис. 1), о чем Н. В. Сибилев и сообщил в своей публикации⁶⁶.

Надпись, по нашему расчету, содержит 10 букв (см. табл. III, рис. 2). Читается, как и все другие, слева направо. Некоторые буквы надписи занимают непривычное положение. Первая буква слева представляет зеркальное *šip* того хабита, который характерен для нее, начиная с V в. до н. э. Если поставить букву в обычное для нее положение, то она в своей форме легко распознается. Вторая буква должна быть признана за 'alef, используемую в древнеосетинском письме для передачи утративших количество гласных *ā* и *ǰā*. Для 'alef здесь непривычно то, что горизонтальный штрих не пересекает вертикальный, а сходится с ним, в то время как в типичной 'alef штрихи пересекаются. Третья буква надписи — вне сомнения *geš*, не только зеркальная, но и поставленная «на голову». Такого типа *geš* мы встретим в дальнейшем в одной средневековой осетинской салтово-маяцкой надписи. *Reš* с закрытой «головкой» в палеографическом отношении весьма архаична, и в общем «ансамбле» букв данной надписи она выглядит как анахронизм. Датировка надписи от ее присутствия не меняется. Четвертая буква надписи, типичная для древнеосетинского письма *jod*, здесь в значении *i*.

Первые четыре буквы надписи образуют графему

⁶⁶ Сібільов М. В. Стародавня посудина з письменами, с. 139—141.

⁶³ Цагаева А. Дз. Некоторые особенности стур-дигорского говора // ИСОНИИ, т. XXIII, вып. I. — Орджоникидзе, с. 68.

⁶⁴ Шегрен А. Осетинская грамматика... Спб., 1844, с. 461.

⁶⁵ Габараев Н. Я. Об отражении в осетинской лексике условий жизни осетинского народа // ИЮОНИИ, вып. VIII, 1957, с. 285.

šagi, представляющую самостоятельное слово. Дальнейшая интерпретация надписи показывает, что пятая буква надписи — не что иное как šade. По форме она ближе всего стоит к šade Ассуанского папируса, датированного V в. до н. э.⁶⁷ Ее незначительные отличия можно хорошо видеть из сопоставительной палеографической таблицы (см. табл. III), где шестая буква надписи — lamed. Положение ее обычное. Раствор несколько широк, чем она, пожалуй, и отличается от такой же lamed надписи Тейма, датированной V в. до н. э.⁶⁸ Седьмой буквой является teth. Форма ее довольно необычна. В нижней части она угловата, левый вертикальный штрих почти вдвое выше правого, причем последний не закрывает устья буквы, как это привычно для teth в подавляющем большинстве случаев. Близкая к данному хабиту, но с одинаковыми по величине вертикальными штрихами буква teth отмечена в таблице М. Лидзбарским⁶⁹. Восьмой буквой надписи, почти слитой с teth является jod в форме типичного для древнеосетинского письма вертикального штриха. Пятая — восьмая буквы надписи образуют графему slθi. Slθi, как и šagi — самостоятельное слово надписи.

В надписи остаются два буквенных знака. Девятая буква надписи, вправо от teth, — опять типическая для древнеосетинского письма jod в виде вертикального короткого штриха. Десятая и последняя буквы надписи весьма оригинальны. Если не обратить внимания на маленький горизонтальный штрих, пересекающий крайний справа вертикальный штрих, то это зеркальная šin, в которой все три штриха выходят из одного основания. В палеографии такая šin хорошо известна для V — начала IV в. до н. э. Однако наличие небольшого горизонтального штриха, пересекающего крайний, вертикальный, наводит на мысль, что писавший колебался, написать ли ему šin или samech. Это, по нашему мнению, может говорить о том, что в осетинском языке времени надписи, т. е. в V в. до н. э., уже имел место процесс об-

разования на месте š звука среднего между š и s, каким сейчас характеризуется этот консонант.

Оставшиеся девятая и десятая буквы надписи образуют графему jš, вероятно, j^sш. Это также самостоятельное слово надписи. Надпись состоит из трех слов: Šari slθi j^sш.

1) Šari — родительный падеж ед. ч. имени собственного от нарицательного šar 'голова' (др. иран. sahar). В надписи ожидалось бы šāgi с ā, для которой в древнеосетинском письме использовалась 'ajin. Замена ее буквой 'alef свидетельствует о том, что в V в. до н. э., к которому должна быть по палеографическим данным отнесена надпись, ā уже потеряла или теряла свое количество. При недостаточно грамотном и не обладающем хорошим слухом писце ā могла выражаться через букву 'alef. Имя собственное šar (сær) 'голова' входило в состав многих скифских имен собственных⁷⁰.

2) slθi соответствует совр. осет. диг. цæлæ 'кушанье', 'угощение' с суффиксом ц того же происхождения, что и в слове диг. хуæлц, ирон. хæлц 'пропитание' (← xvaθi при xvaθ-un//xvaθ-un 'есть', 'кушать')⁷¹. Слова *цæлæц (—s(ā)l(ā)θi) в современном осетинском языке нет. Есть только цæлæ//цæл. В отношении ц из θi, а не ti, см. лингвистический комментарий в очерке 2 к слову āθi. О вероятном происхождении совр. диг. цæлæ, ирон. цæл см. у В. И. Абаева⁷².

3) j^sш — эту форму следует транскрибировать как ē^sш-j^sш, поскольку здесь для передачи ē через j употреблен matres lectionis. Судя по долготе ē, Вс. Ф. Миллер, вероятно, был прав, когда связывал указательное местоимение 3-го л. ед. ч. e с корневой основой глагола 'быть' в 3-м л. настоящего времени e-c ('он есть')⁷³.

В целом эпиграфическая фраза Šari s(ā)l(ā)θi ē^sш отвечает совр. осет. диг.: Сари *цæлæц ес — 'Сара угощение есть'. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что в известных нам надписях это уже третий случай, когда на сосуде обозначается хранимая в нем еда (см. ТППЯ,

⁶⁷ Sayse A. H. Aramic Papyri Discovered at Assuan. London, 1906; Lidzbarski M. Ephemerik für semitische Epigraphik, II, Ciessen, 1903—1908, s. 221.

⁶⁸ Répertoire d'épigraphie sémitique, publié par la Commission du Corpus Inscriptionum Semiticarum, t. III (1816), 1916—1918.

⁶⁹ Lidzbarski M. Handbuch... Tabl. XLV.

⁷⁰ ОИЯ, с. 312.

⁷¹ ОЯФ, с. 573.

⁷² ИЭСОЯ, т. I, с. 299

⁷³ Миллер Вс. Язык осетин, с. 127; Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку, с. 84—85.

очерки 4 и 5). Становится совершенно очевидным, что во всех среднего размера баночных и острореберных сосудах при погребениях срубной культуры хранилась пища, предназначенная для покойных в их загробном существовании. Для истории осетинской этнографии этот факт является чрезвычайно важным и интересным.

Очерк 4. Надпись на горшочке с поселения эпохи поздней бронзы близ г. Умани (V в. до н. э. Украина)

В 1949 г. археолог А. И. Тереножкин (Киев) произвел разведывательные раскопки в Синицком лесу, что расположен в 7 км к западу от г. Умань. Археолог сообщает: «В Синицком лесу частично был раскопан один бугор, состоявший в основе из культурных остатков, а в центре открыты три очага. Никаких признаков погребений на бугре не было обнаружено. Характер находок указывает, что бугры белогрудовского типа не погребальные курганы, а остатки жилых построек.

Материальная культура этих памятников имеет характерные черты конца эпохи бронзы и начала железного века: горшки с гладким валиком на плечике, лощеная керамика, каменные сверленные топоры, кремневые орудия — вкладыши для серпов. Но вместе с тем имеются уже признаки местной обработки железа (шлаки). Экономической основой общества этого времени являлось, по-видимому, земледелие; скотоводство играло второстепенную роль. Анализ материалов позволяет думать, что носители белогрудовской культуры могли составлять основное ядро в образовании скифо-пахарей, племена которых населяли, согласно сведениям Геродота, лесостепь между Днестром и Днепром»⁷⁴.

Среди многочисленных фрагментарных сосудов поселения А. И. Тереножкин обращает особое внимание на целый маленький горшочек со знаками. «Перед нами какая-то пиктограмма, указывающая на культовое значение этой посуды»⁷⁵, — пишет он. Эта догадка археолога, как мы увидим ниже, оказывается верной. Знаки сделаны по сырому тесту. Обмера посуды при ее описании не дает-

⁷⁴ Тереножкин О. И. Поселения. Білогрудівського типу біля Умані, с. 173—182, табл. II, рис. 5 на с. 177.

⁷⁵ Там же, с. 187.

ся. А. А. Формозов сообщает, что высота горшочка составляет всего 4 см⁷⁶.

При ближайшем рассмотрении знаков на горшочке с поселения близ г. Умани в них можно видеть 4 буквы уже известного нам древнеосетинского письма арамейского дукта и цифры арамейского счета, выражающие числа 2, 3, 4 и 1 (см. табл. IV, рис. 1).

Первая буква надписи представляет собой ту специфическую фигуру, которая передает осет. о (геср. дифтонг уæ). Она, как мы уже однажды говорили, образовалась из соединения двух встречных waw, что особенно хорошо видно на надписи из Горной Пролейки Волгоградской обл.

Вторая буква представляет арамейскую heth того хабита, в котором она засвидетельствована весьма рано и знакома, например, по арамейской надписи из Нераба близ Алеппо (VII в. до н. э.)⁷⁷.

Третья буква, соединенная в верхней части со второй длинной горизонтальной чертой, представляет geš той формы, которая появляется примерно в V в. до н. э. (ср. близкую к ней г в надписи Šaqqāḡah, датируемой 482 г. до н. э.)⁷⁸.

Последняя, четвертая буква надписи sameš помещена между ħ и г и соединена с ħ тонкой линией. Sameš этого хабита также не встречается раньше V в. до н. э.⁷⁹

Исходя из хабита букв г и s как более поздних, надпись на горшочке датируется нами V в. до н. э. (см. табл. IV).

Цифры арамейского счета, поскольку они отличаются большой стабильностью, ничего нового в датировку не вносят. После надписи, которая состоит из букв oḥrs, сразу же помещена цифра 2, затем, через небольшое расстояние, — 3, за ней 4 и, наконец, 1. Цифра 4, в которой крайняя справа вертикальная черточка имеет не-

⁷⁶ Формозов А. А. Сосуды со знаками эпохи энеолита и бронзы и история письменности, с. 183.

⁷⁷ Hoffman G. Aramäische Inschriften aus Nêrab bei Aleppo. Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete, XI, 1896, 207—292; Кокорцов П. Древнеарамейские надписи из Нираба близ Алеппо // ЗВО РАО, XII (1899), с. 145—178.

⁷⁸ Lidzbarski M. Ephemeris für semitische Epigraphik, II, s. 220.

⁷⁹ См.: Euting J. Tabula scriptura aramaicae. В приложении к труду: Chwolson D. Syrisch nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. St. Petersburg. 1890.

большой наклон, подтверждает еще раз направление древнеосетинского письма — слева направо. Обычно в арамейском счете в цифре 4 наклонная линия помещается слева (см. табл. IV)⁸⁰.

Надпись на горшочке, переданная в транскрипции буквами ohgs, воспринимается нами в следующем осетинском ее чтении: о, хрс! (Через о(-уæ) передано осетинское междометие восклицания, обращения. Слово хрс в нашей интерпретации соответствует названию древнего осетинского (скифского) божества х(уæ)рс, сохранившегося в пантеоне языческих богов восточных славян под именем Хорсь⁸¹. Выясняя лингвистическую историю этого имени, В. И. Абаев пришел к выводу, что имя Хорсь происходит от осет. хуарз//хорз 'добрый', 'хороший'⁸². Наша надпись не только подтверждает древнерусскую форму имени Хорсь, но определяет и исходную осетинскую. Конечный глухой с вместо осетинского звонкого з в восточнославянском (древнерусском) оказывается наследием осетинского языка. В восточнославянском глухой с вместо звонкого з в конце слова мог появиться только после отпадения глухого гласного и не раньше XI в. н. э. В осетинском же языке это явление собственно диалектное, до сих пор известное⁸³. Насколько рано оно появляется, можно видеть по опубликованным нами памятникам древнеосетинского языка, где оно встречается в ряде надписей (см. ТППЯ, очерк 5, 10). Продолжается оно и в средние века как одна из диалектных особенностей асской (ясской) речи. Для XV в. это явление отмечено Немом⁸⁴, для XIII—XIV вв. — нами в средневековых осетинских надписях. В лингвистической истории имени Хорсь не оправдалось только одно предположение В. И. Абаева. Он думал, что в скифской (геср. аланской) среде слово, давшее имя Хорсь, первоначально (в значении

'добрый') было эпитетом какого-то бога. А оказывается уже в V в. до н. э. это имя существовало как самостоятельное название божества. Кстати, в скифской среде оно не могло звучать как хрс, так как эта норма позднего — иронского диалекта. Здесь оно произносилось хуæрс. А вот в древнерусскую языковую среду оно могло попасть уже в иронской форме — хрс. Первый ярко выраженный памятник иронского диалекта датируется IV в. н. э.⁸⁵

Итак, на горшочке из поселения близ г. Умани начертано имя скифского божества: Х(уа)рс — Хорс. Надпись целиком подтверждает догадку археолога А. И. Тереножкина о культовом, ритуальном назначении горшочка, не говоря уже о том, что поселение действительно оказывается скифским.

Значение цифровых величин, следующих после имени божества — неясно. Цифры прочерчены, как и надпись, по сырому тесту до обжига и, может быть, имели магическое значение.

Очерк 5. Надпись на сосуде из погребения с Золотой Косы близ г. Таганрога (V в. до н. э. Северное Причерноморье)

Сосуд баночного типа найден близ г. Таганрога на Золотой Косе, в насыпи кургана № 1 со скорченным погребением, при раскопках, произведенных в 1926 г. археологом М. А. Миллером⁸⁶. Хранится в Таганрогском историко-краеведческом музее.

Надпись круговая. Размещена по венчику сосуда. Сделана по сырому тесту и содержит 24 буквенных знака, из которых только один дефектный (см. табл. V, рис. 1). Сосуд в этом месте имеет выбоину. Словоразделителей в надписи нет. Между концом и началом надписи имеется небольшой интервал. Надпись читается слева направо, хотя большинство букв наклонено влево. При членении на словоформы в надписи выделяется 6 слов (см. табл. V,

⁸⁰ Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst ausgewählten Jnschriften. Tabl. XLVI. Zahlentafel.

⁸¹ Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. Спб., 1914.

⁸² Абаев В. И. Происхождение древнерусского Хорсь и сванского žgærgæ — Св. Георгий//ОЯФ, с. 595—596; Скифо-европейские изоглоссы. — М., 1965, с. 115—116.

⁸³ Абаев В. И. Очерк расхождений иронского и дигорского диалектов//ОЯФ, с. 382—383.

⁸⁴ Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. — Орджоникидзе, 1960, с. 16, 20.

⁸⁵ Турчанинов Г. Ф. Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа// ИСОНИИ, т. XXII, вып. 4, 1960, с. 189—195, а также здесь, гл. III, очерк 1.

⁸⁶ Лунин Б. В. Загадочный сосуд//Советский Северный Кавказ, 1930, № 3, с. 37.

рис. 2). С палеографической стороны в надписи интересна *taw*, которая в подавляющем большинстве представлена в архаичной форме четырехконечного креста с длинным стержнем. Из восьми *taw* надписи семь имеют эту форму креста, и лишь одна буква представлена в виде крючкообразного знака. Архаичны обе *heth* в форме параллелограмма с пересекающимися вертикальными и горизонтальными линиями и обе *samesh* в виде вертикальной или горизонтальной черты с двумя пересекающими ее параллельными штрихами. Такая *samesh* встретила нам в надписи на шипастой скифской стреле из Нижнего Поволжья⁸⁷. 'Alef во всех случаях в надписи крестообразна и с палеографической стороны характерна для скорописи типа элефантинских папирусов. По форме буквы 'alef как самой поздней в надписи и по смещению *a* и *æ* надпись едва ли можно датировать ранее V в. до н. э. (см. табл. V).

Надпись в транскрипции представляется в следующем виде: *st(w)t att'a ata Atiaga p(a)t S(a)h̄hati* — 'Именитым ты был же Ацаг предводитель (рода) Сагкаевых'.

1) *St(w)t* — соответствует осетинскому дигорскому причастию прошедшего времени *студ* 'прославленный', 'именитый' (от глагола *стаун* 'хвалить', 'славить'). Ср. др.-инд. *stutis*.

2) *att'a* соответствует осет. диг. *адтæ* 'ты был' с ассимиляцией *ð* в *t* перед глухим *t*. Конечный гласный *æ*, как то и должно, передан эпиграфически через 'ajin (-ǣ).

3) *ata* соответствует диг. *æдта* 'же', усилительной эмфатической частице, чаще не переводимой. В надписи в данном случае налицо графическая замена 'ajin (*æ*) через 'alef (*a*).

4) *Atiaga* соответствует осетинскому историческому имени собственному **Atiaka* → *Atiaga* → *Aciag* → *Æсæг*. Совр. общеосет. *æцæг* 'истинный', 'правдивый'. Как личное имя собственное известно среди скифских в греческой передаче 'Αζιαγος⁸⁸.

5) *p(a)t* соответствует общеосет. *фæтæг* 'вождь'. В надписи без суффикса — *æг*. Исторический корень-основа *pat*⁸⁹.

6) *S(a)h̄hati* родовая фамилия в родительном падеже

⁸⁷ ТППЯ, с. 48—49, табл. XIV.

⁸⁸ ОИЯ, с. 291, под *hatya*.

⁸⁹ ОИЯ, с. 298, под *pati*; ИЭСОЯ, т. I, с. 464.

мн. ч. -*t-i*. Сопоставляется нами в современном осетинском с родовой дигорской фамилией *Сагкаты* — 'Сагкаевы'⁹⁰. Фамилия образована от имени *саг*. 'олень' со свойственной осетинскому гемминацией. В эпиграфической форме интересен исходный корень *saḥ(a)*. В свое время В. И. Абаев по поводу осет. *саг* 'олень' писал: «В соответствие древнеиндийскому *sākḥā* ожидали бы в иранском *sāxā*, однако скифские факты указывают на существование параллельной арийской формы *sākā*⁹¹. Как показывает наша надпись, ожидаемая параллельная форма *sāxā* существовала.

В целом надпись на сосуде из погребения на Золотой Косе хорошо выдержана в исторических, грамматических и синтаксических нормах дигорского диалекта осетинского языка.

Очерк 6. Надпись на баночном сосуде из погребения близ д. Переездной (V в. до н. э. Украина)

По данным ГИМа, сосуд найден археологом В. А. Городцовым в 1903 г. при раскопках кургана № 1, погребение № 2 близ д. Переездной (бывший Бахмутский уезд Екатеринославской губ.). Любопытно, что сам В. А. Городцов при описании «Результатов археологических исследований в Бахмутском у. Екатеринославской губ.» совершенно не упоминает об этой надписи, хотя в приложении к изданию дает хороший снимок сосуда с надписью⁹².

По фотоснимку, сделанному в год публикации Городцова, в надписи насчитывается пять буквенных знаков древнеосетинского письма арамейского дукта (см. табл. VI, рис. 1). Остальные четыре знака — два по краям надписи и два между ними — представляют собой фигуры геометрического орнамента эпохи бронзы, как правильно отметил археолог А. А. Формозов⁹³.

Первый слева буквенный знак надписи, в виде креста

⁹⁰ Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. II, с. 1026—1027.

⁹¹ ОИЯ, с. 300, прим. 5.

⁹² Труды XIII археологического съезда, т. I, М., 1907, табл. XIII, рис. 1.

⁹³ Формозов А. А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками, с. 193.

с изогнутым горизонтальным штрихом и загнутым вправо вертикальным, представляет, как уже говорилось, букву *f*, заменившую старую *p*. Буква эта образована из соединения *pe* и *waw*. Ее поздний вариант можно видеть в одной надписи на амфоре III в. н. э. из Танаиса и в настенном граффити Маяцкого городища VIII—IX вв. на Дону⁹⁴. Второй знак, в виде стоячего креста с длинным вертикальным штрихом, знаменует уже знакомую нам из очерка 5 букву *taw*. Маленький полулежащий крестик представляет третью букву надписи — 'alef того же хабита, что несколько раз засвидетельствовано в очерке 5. Четвертая буква — это *he* той формы, которая характерна для памятников арамейского письма второй половины I тысячелетия до н. э. Его можно найти и в надписях Асуана⁹⁵. В древнеосетинском письме, как известно, эта буква передавала *ā*. Последний буквенный знак надписи, в виде горизонтальной слегка вогнутой черточки, представляет уже знакомую нам древнеосетинскую букву, передающую звук *ia*. В горизонтальной прямолинейной, а не слегка вогнутой форме эта буква известна нам из очерка 1. По данным палеографии, надпись на сосуде из кургана у д. Переездной относится примерно к тому же времени, что и описанная в очерке 5, т. е. едва ли раньше V в. до н. э. (см. табл. V).

Надпись транскрибируется: *fitaāia*. Она состоит из двух слов и с восстановлением одной опущенной гласной читается по-древнеосетински: *f(i)ta āia*.

Первое слово надписи, *fita*, восходит к иранск. *ritu* — 'пища' (см. здесь, очерк 4). В современном осетинском это слово в закономерной форме диг. *фид* сохранилось только в значении 'мясо'⁹⁶. В надписи на погребальном сосуде *fita* имеет старое значение 'пища'. Здесь оно более чем уместно. Эпиграфическое конечное *a* в слове *fita* соответствует совр. диг. *æ* в исходе ряда слов. В надписи на месте 'alef ожидалось бы 'ajin, которая в древнеосетинском письме арамейского дукта передавала *a*. Графическая замена буквой 'alef буквы 'ajin свидетельствует

⁹⁴ Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища на Дону и флягах Новочеркасского музея//СА, 1964, № 1, с. 77, рис. 8, с. 76, рис. 7, с. 79.

⁹⁵ Saucе A. H. Aramaic Papyri Discovered at Assuan. London, 1906; M. Lidzbarski. Ephemeris für semitische Epigraphik, II, s. 221.

⁹⁶ ИЭСОЯ, т. I, с. 488—489.

о том, что в древнеосетинском языке того времени количественное различие в гласных было уже утрачено. Что касается пропуска буквы *j=i* после *f*, то это скорее всего явление графическое, а не фонетическое, ибо едва ли здесь уже намечалось качественное перерождение *i>æ*, которое в дальнейшем появляется в иронском диалекте и в слабом положении могло редуцироваться.

Второе слово надписи *āia* представляет собой указательное местоимение *a* 'этот' в старом родительном падеже.

В целом надпись читается: 'пища этого (его)'.

Очерк 7. Фрагмент надписи на баночном сосуде из погребения у с. Константиновка Запорожской обл. (V в. до н. э. Северное Причерноморье)

В 1949 г. экспедиция под руководством проф. Б. Н. Гракова провела раскопки курганов у с. Константиновки Мелитопольского района Запорожской обл. Из очень краткого описания раскопок, которое дает археолог П. Д. Либеров⁹⁷, мы узнаем, что в пойме р. Молочной, в кургане № 1 группы II, в погребении срубной культуры, был обнаружен баночного типа сосуд, на котором оказалась круговая надпись, сделанная по венчику сосуда. Археолог П. Д. Либеров в очерке об этой надписи не сказал ни слова. Возможно, что он принял надпись за орнаментику, но и об этом ничего не сказано. Погребение скорченное, скелет лежал на левом боку, головой на север, лицом на восток. Сосуд стоял перед лицом погребенного. П. Д. Либеров не дает обмера сосуда, не приводит надписи в целом. Мы видим на рисунке сосуда только часть ее, для эпиграфиста легко читаемую (см. табл. VII, рис. 1 и 2).

Надпись, как и все другие, читается слева направо. Она выполнена арамейским письмом того дукта и направления, который мы называли древнеосетинским письмом. Об этом дукте данной надписи убедительно говорит буква *o* (= гласному *o* и дифтонгу *wa*). Во фрагменте надписи она представлена первой буквой слева. Эта буква древнеосетинского письма впервые встретилась в надписи на баночном сосуде из срубного погребения близ с. Горная Пролейка Волгоградской обл., датируемой, по па-

⁹⁷ Либеров П. Д. Курганы у села Константиновки//КСИИМК, вып. XXXVII.— М.— Л. 1951, с. 137—143.

леографическим данным, второй половиной VI в. до н. э.⁹⁸ Даже беглого взгляда эпиграфисту достаточно для того, чтобы видеть при сравнении хабита букв надписи из Горной Пролейки и надписи из погребения у с. Константиновки, насколько они схожи. Это надписи одного и того же извода арамейского письма. По хабиту букв константиновскую надпись можно с уверенностью отнести к V в. до н. э. (см. палеографическую табл. VII). Судя по фрагменту надписи, она была выдержана в консонантной форме. Вероятно, кроме буквы *o* (= гласному *o* и дифтонгу *wa*) гласные в ней не были обозначены. В латинице фрагмент константиновской надписи уверенно транскрибируется так: ...*od·mmdson*... Точка после *d* перед *m* означает словораздел и в моем понимании надписи знаменует одновременно ее начало и конец. Такая же точка — словораздел имеется и в надписи из погребения близ с. Горная Пролейка.

С подстановкой не выписанных в надписи гласных и предположительным восстановлением отсутствующего текста (он дан в квадратных скобках), константиновская надпись в моей интерпретации транскрибируется так: *·m(ă) m(a)d(ă) so(j)n(ă) [dăon ăhsăon ră] od*. Она соответствует современной дигорской осетинской: *м(æ) м(а)д(æ) со(й)н(æ) [dæŷæn æxɕæuœn фæ] ŷуæд* — 'мой материнский сой [тебе приятен да] будет!'

На дигорский диалект фразы указывает слово *сойнæ*, (в иронском *сой*) — 'жир', 'сало', (топленое). С. ниже п. 3.

В сохранившейся части надписи представлены следующие лексико-грамматические формы:

1) *m(ă)* — энклитическая форма притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч. — 'мой'. Совр. диг., ирон. *мæ* местоимение согласовано со словом *so(j)n(ă)*. Написано по нормам консонантного арамейского письма без гласной, традиции которого частично сохранились в древнем осетинском письме. С гласной *ă* в этой форме и значении местоимение встречается в калиновской надписи II в. надписи II в. н. э. в Одесской обл. (см. здесь, глава I, очерк 10).

2) *m(a)d(ă)* — 'мать'. В тексте 'материнский'. В соответствии со словом *so(j)n(ă)*, к которому это имя является определением, мною в надписи принята дигор-

⁹⁸ ТПГЯ, с. 49—50, табл. XV, рис. 1, 2, шестая буква слева. Здесь, глава I, очерк 2, табл. II.

ская форма имени 'мать' — *мадæ* (ирон. *мад*). Как и предыдущее слово, *m(a)d(ă)* написано по нормам консонантного письма без гласных.

3) *so(j)n(ă)* — 'жир', 'сало' (топленое). В надписи дигорская форма слова с характерным для этого диалекта аффиксом *-пă*. Совр. диг. *сойнæ*, ирон. *сой*. Относительно роли *сой* в жизни осетин В. И. Абаев пишет: «Для скотоводов-горцев жир был и символом сытости, обилия и достатка. Поэтому слово *soj* слышится во многих обрядовых и бытовых песнях, а так же в пословицах и поговорках»⁹⁹. Наша надпись показывает, насколько старо это слово. Оно и тогда являлось символом сытости, обилия и достатка для скотоводов, далеких предков осетин, живших в пойме реки Молочная в Северном Причерноморье. В баночном сосуде, стоявшем в могиле перед лицом погребенного, вероятно, был сой, дар его матери. В загробной жизни покойника он должен был стать также символом его сытости и достатка. Слово написано, как и два предыдущих, по нормам консонантного письма без гласных, за исключением специфического древнеосетинского *o*. Был ли выписан *j*, неизвестно, на этом месте часть стенки сосуда отсутствует.

4) *[ră]od*. Форма слова восстанавливается по смыслу фразы. Соответствует современному диг. *фæууæд* — 'да будет!' Повелительная форма 3-го л. ед. ч. от существительного глагола *фæуун* — 'быть', 'стать'. Преверб в тексте надписи восстановлен нами в форме *рă*, а не *fă*, т. к. спонантизация взрывного *p > f* была в V в. до н. э. еще явлением нераспространенным. Мы знаем по нашим памятникам только один случай употребления *f* вместо *p* — это в надписи на баночном сосуде из курганного погребения V в. до н. э. у д. Переездной Днепропетровской обл. в слове *f(i)ta* — 'пища'¹⁰⁰.

При восстановлении отсутствующей части текста надписи на константиновском сосуде мы ориентировочно взяли за основу ритуальный дигорский текст: *нæ кувд дæуæn æxɕæуæn фæууæд* — 'наш кувд тебе приятен да будет'¹⁰¹.

Такова наша интерпретация текста на константиновском баночном сосуде из срубного погребения V в. до н. э.

⁹⁹ ИЭСОЯ, т. III, с. 130—131.

¹⁰⁰ См. здесь, главу I, очерк 6.

¹⁰¹ Миллер В. Ф. Дигорские сказания. — М., 1902, с. 62.

Очерк 8. Фрагмент надписи на венчике сосуда с горы Крестовой в г. Кисловодске (V в. до н. э. Северный Кавказ)

Черепок сосуда относится к подъемному материалу. Найден в 1961 г. архелогом Э. В. Ртвеладзе на плато горы Крестовой, что находится в центре г. Кисловодска. По инвентарю и характеру погребений в каменных ящиках, вскрытых здесь раскопками С. Н. Замятина¹⁰² и В. В. Бобина¹⁰³, культура могильника и поселения на горе Крестовой датируется с VII—VI вв. до н. э. Население Крестовой генетически связано с племенами кубанской культуры¹⁰⁴. Надпись на черепке сосуда, представляющего собой обломок венчика, по-видимому, миски, является документом, долженствующим утвердить языковую принадлежность насельников плато горы Крестовой (и соседней Барановской) конца первой и начала второй половины I тысячелетия до н. э.

Надпись выполнена древнеосетинским письмом арамейского дукта. Обломок содержит семь букв. Фрагмент надписи следует читать, как и другие древнеосетинские надписи арамейского дукта, слева направо, повернув обломок так, как если бы сосуд располагался к читающему своим отверстием (см. табл. VIII, рис. 1 и 2). Иначе говоря, положение надписи на сосуде здесь такое же, как и на сосудах из Новочеркасского музея с касожскими надписями маяцкого письма.

Первая слева буква фрагмента надписи представляет собой daleth с открытой головкой. Daleth такого хабита в арамейском письме VII—V вв. до н. э. была широко распространена.

Второй буквой фрагмента надписи является 'ajin в этой форме характерная, в частности, для граффити на остраках из Элефантины V в. до н. э.¹⁰⁵ Напомню, что

¹⁰² Замятин С. Н. Работы на строительстве санатории КСУ в Кисловодске. Археологические работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг. — Л., 1935.

¹⁰³ Бобин В. В. Могильник и поселение VII—VI веков до нашей эры на Барановской и Крестовой горах в г. Кисловодске // Тр. Крымского медицинского института, т. XIX. — Симферополь, 1958, с. 147—161.

¹⁰⁴ Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1960, с. 184.

¹⁰⁵ Sachau E. Aramaische Papyrus und Ostraka aus einer jüdischen Militär — Kolonie zu Elephantine. Leipzig, 1911.

в древнем, а затем и в средневековом осетинском письме буквой 'ajin передавалась первоначально а, а затем æ (а слабая).

Третьей буквой фрагмента надписи оказывается знак типа латинского заглавного п, здесь в зеркальной форме. Впервые эта буква встретилась мне в средневековых аланских надписях и была тогда же верно определена со значением t (т). Ныне арамейское ее происхождение оказывается совершенно очевидным.

Четвертой буквой фрагмента надписи является зеркальная 'alef того хабита, который достаточно широко представлен опять-таки на остраках из Элефантины. В древнеосетинских надписях арамейского дукта эта буква имела значение а сильного, заменившего собой ѣ.

Пятой буквой фрагмента надписи оказалась gimel, обращенная раствором вилки вверх, а не вниз, как это обычно для собственно арамейского письма. Значение буквы в данной надписи — g (г).

Шестой буквой фрагмента надписи является jod в той ее типичной форме вертикального штриха, которая характерна для древнеосетинского письма арамейского дукта. Значение этой буквы в данной надписи — i (и).

Последней, седьмой буквой фрагмента надписи, оказывается qof в форме, типичной более для V в. до н. э. Ср., например, подобного типа qof на остраках из Элефантины.

Далее на обломке могла помещаться еще одна буква, но поверхность его настолько сильно истерта, что следов буквы не осталось.

В целом по палеографическим данным фрагмент надписи следует датировать едва ли ранее V в. до н. э. (см. табл. VIII).

Транскрибируя фрагмент надписи буквами латинского алфавита применительно к арамейскому письму, а затем буквами современного осетинского письма, мы получим следующий отрывок текста:

d'atagj q... = дѣтаги къ...

Иранистка и осетиновед З. Г. Исаева подсказала мне, что на сосуде, по-видимому, была прочерчена осетинская поговорка, которая в современном языке звучит (по-иронски) так: дѣттагы къух исаг у 'дающего рука берущая есть'. Эта поговорка соответствует русскому литературному фразеологическому обороту: 'рука дающего не оскудеет'. В русском содержание фразеологического оборота

связано с библейским текстом и, следовательно, здесь не может быть очень древним в осетинском связь с библейским текстом не обязательна. Налицо может быть фольклорная параллель, случайное совпадение одинакового по мысли текста в сходном фразеологическом обороте. Если догадка З. Г. Исаевой верна, то окажется чрезвычайно интересным тот факт, что в осетинском кавказское субстратное *къух* (конечно, диг. *къох*) 'рука' было своим словом уже по крайней мере в V в. до н. э.

Керамика на плато горы Крестовой, по данным археологии, местная. Следовательно, надпись тоже местного происхождения. Независимо от того, верна или не верна догадка З. Г. Исаевой, надпись осетинская. Это видно по слову *дæт(т)аги*. Население на Крестовом плато говорило на древнем осетинском языке и пользовалось тем же письмом, что и население срубной культуры Нижнего Поволжья и Северного Причерноморья.

Для Северного Кавказа надпись на венчике сосуда является самым ранним памятником древнеосетинского письма арамейского дукта.

Очерк 9. Хозяйственная запись на остраке из древней Тире (II в. н. э. Северо-Западное Причерноморье)

Античный город Тира, где найдена острака, возник, как полагают, в VI в. до н. э. Расположен он был на западном берегу Днестровского лимана, возле нынешнего Белгорода-Днестровского (Аккермана). Город существовал и в позднее античное время. Интересующий нас объект относится к раскопкам археолога Л. Дмитрова (Институт археологии Украинской ССР), произведенным в 1946 г. Раскопки велись в юго-западной части гласиса против современного порта. В результате их установлено, что гласис образовался от выкида земли при постройке крепости. Он перекрывает собой древний город, поэтому культурные остатки залегают совершенно бессистемно¹⁰⁶. Интересующая нас острака с надписью представляет собой фрагмент стенки амфоры светло-песочного цвета. Она найдена в глассисе, и, следовательно, датировать

¹⁰⁶ Дмитров Л. Білгород-Дністровська археологічна експедиція//АП, т. II, 1949, с. 39—52.

ее можно лишь по палеографическим данным. Амфорный черепок имеет форму неправильного многогранника. Размеры сторон: 7,5—6, 5—2, 5—4, 8—3 см. Хранится в Белгород-Днестровском краеведческом музее. Фотоснимок получен в 1961 г. благодаря любезности А. И. Фурманской. Лично изучен мной на месте летом 1963 г. (см. табл. IX, рис. 1 и 2).

В верхней правой части остраки в две строки размещены арамейского дукта цифры «20», фигуры которых повернуты на 90° вправо. В первой строке таких «двадцаток» — 8, во второй — 4, всего 12. Под второй строкой цифр помещается крестообразная *taw*. В левой, узкой части поверхности остраки содержатся три слова, написанные одно под другим. Они образуют фразу. Первое слово состоит из одной буквы *he*, второе — из пяти букв: *'alef, taw, jod, 'alef, kaf*. Третье слово состоит из трех букв: *taw, nun, daleth*. Последние две даны в лигатуре. Вправо от третьего слова фразы написан ряд арамейских цифр: подряд выписано 19 единиц и одна десятка, фигура которой повернута вправо. Под этим рядом цифр подписан другой. В нем 7 единиц.

Надпись на остраке писалась и читалась, включая цифры, слева направо. Это хорошо видно по окончании счетной строки. По характеру букв надпись имеет в большей степени отношение к хаби́ту квадратного еврейского письма, чем к собственно арамейскому. Наиболее поздней в надписи следует признать *'alef*, предшествующую *kaf* во второй строке. По хаби́ту этой буквы острака датируется мною II в. н. э. (см. табл. IX).

Острака представляет собой хозяйственный документ, запись, касающуюся сбора плодов (может быть, винограда). Конкретная мера емкости или веса на остраке не обозначена. Счет мер дан в «двадцатках» ($20 \times 12 = 240$). Двадцатиричная система счета у осетин обычна и в настоящее время¹⁰⁷. Буква *taw* под строкой «двадцаток» в виде креста представляет собой аббревиацию слова *tonun* — 'срывать', 'собирать' (о плодах). Итак, на остраке отмечено, что нужно было: $20 \times 12 = 240$ *t[onun]* '240 [мер плодов] собрать'. И далее отмечено: *ā atiak t[und]* 'это фактически собрано' (совр. осет. диг. *a æsæg tund*). Цифры показывают, что в целом собрано 36 каких-то

¹⁰⁷ Аббаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка, с. 458. Приложение к «Осетинско-русскому словарю». — М., 1952.

мер. Счет сбора отмечен 26 раз в единицах и один раз десятком. Графическое изображение цифр совпадает в фигурах с арамейским. Отлично лишь положение некоторых фигур: «20», в форме латинской буквы z, повернуто на 90° вправо, «10» своим углом обращено тоже вправо. Указательное местоимение в форме *ā* едва ли отражает старую норму. Здесь, как и в следующем за местоимением слове *atiak*, налицо смещение графем, отражающих прежние *ā* и *ā̃*, возникшее в результате потери гласным своего количества, как то мы уже наблюдали в древнеосетинских надписях на баночных сосудах. Слово *atiak* в исторических нормах соответствует совр. осет. *æcæg*. Осет. эпигр. *t[und]* — совр. диг. *тунд*, причастию прошедшего времени от глагола *тонун* 'собирать', 'рвать' (плоды).

Очерк 10. Глиняное пряслице с двухстрочной надписью из Одесской области (II в. н. э. Украина)

В августе 1956 г. сотрудником Одесского археологического музея И. И. Козыренко был произведен пробный раскоп на территории колхоза им. Ленина с. Калиновки (бывший Сербы) Кадымского района Одесской обл. Раскопом обнаружено древнее поселение (Калиновка II). Оно расположено на восток от ручья, протекающего с севера на юг.

Пряслице найдено на юго-восточной части квадрата № 2 на глубине 1 м. Вместе с пряслицем найдена сероглиняная кружальная керамика, лощеная и с шероховатой поверхностью, черняховского типа. Здесь же найдены глиняные грузила, костяная проколка, куски железного шлака. Археологическая датировка поселения — II в. н. э.

Пряслице имеет биконическую форму. Высота его 2,8 см. Кружность по ребру самой широкой части — 11 см. Верхняя покатая плоскость, на которой прочерчена строка надписи, имеет ширину 1,6, нижняя, также с надписью, — 1 см. Часть пряслица отбита. Отбитая часть по вертикали составляет 1,1 см. Она захватывает часть надписи (см. табл. X, рис. 1).

В надписи, если исходить из предложенного мною чтения ее текста, было 44 буквы. Полностью сохранились 32 буквенных знака и 4 фрагментарных. К нашему

счастью, пряслице повреждено в той его части, которая оказалась между началом и концом текста надписи. В верхней строке текста полностью сохранилось 14 букв. Начало этой строки текста требует восстановления первой буквы слева, от которой на отбитом месте осталась лишь маленькая наклонная черточка. Я полагаю, что этой буквой была перевернутая арамейского и квадратного еврейского письма *'ajin*, означавшая во всех положениях в древнеосетинском письме *ā* (*æ*) (см. табл. X, рис. 2, буквы 1 и 15). Значение первой буквы подсказано контекстом. Есть в верхней строке и еще одна фрагментарная, она же конечная, буква строки, но не текста. В моей реконструкции это *pip* (см. табл. X, рис. 2, буква 16). За этой буквой в моем чтении текста на отбитом месте должно было быть по крайней мере 7 буквенных знаков. Они восстановлены нами в транскрипции. В целом в верхней строке текста, вероятно, было 23 буквы.

В нижней строке текста полностью сохранившихся букв 16, фрагментарных — 2. Одной из них начинается строка. В нашей интерпретации этой начальной буквой является еврейского квадратного письма *'alef* той формы, которая характерна для I—II вв. н. э. (см. табл. X, рис. 2, буква 17). Второй фрагментарной буквой нижней строки текста является конечная буква строки, от которой сохранился небольшой уголок, отчего она восстановлена в своей полной форме быть не может. В нашей интерпретации текста здесь должна быть *samesh* (см. табл. X, рис. 2, буква 34). Далее на отбитом месте не хватает, по-видимому, трех буквенных знаков. Они восстановлены в транскрипции. В целом в нижней строке надписи была 21 буква.

Поле верхней плоскости надписи заштриховано легкими косыми линиями. Они несколько затрудняют определение хабита букв. Однако когда с верхней плоскости надписи был снят пластилиновый эстамп, то на нем вышли реально только зеркальные буквы текста надписи, а «украшающие» косые линии исчезли.

Поле нижней плоскости надписи почти не имеет косых «украшающих» штрихов. Во всяком случае те, которые есть, не затрудняют чтение текста надписи.

Дукт букв надписи смешанный. Арамейская основа древнеосетинского письма обновлена здесь буквами квад-

ратного еврейского письма, употребительного в Северном Причерноморье с начала н. э.¹⁰⁸

Буквы квадратного еврейского письма в надписи на пряслице не входят за пределы II в. н. э. Из букв специфических, т. е. свойственных только древнеосетинскому письму арамейского дукта, в надписи хорошо представлены jod в виде вертикального прямого штриха и waw в форме дуги с острой или закругленной вершиной. Древняя арамейская основа осетинского письма данной надписи, включая сюда и оригинальные буквы jod и waw, составляют к общему количеству букв надписи на пряслице примерно половину. Следовательно, вторая половина букв надписи оказывается в дукте квадратного еврейского письма (см. табл. X). В целом надпись на пряслице в прориси выглядит, как на табл. X, рис. 2). По палеографическим данным, надпись на пряслице датируется II в. н. э.

В транскрипции латинским и современным осетинским письмом надпись на пряслице читается и переводится следующим образом:

Текст	Перевод
ās (>æз) kl (=Кал) mǎ (=мæ) lǎwr (=лæвар) wissǎn (=Виссæн) [kandtan] (=кондтон) ai (=ай) waip (=уæфæн) l (=ыл) mǎ (=мæ) shk (=сыхаг) šaw (=Сау) pт... (=фым-ста), (совр. фыста).	Я Кал («Бык») мой подарок Виссе [сделал]. Это прясле на мой сосед Шав («Черный») пис[ал].

Текст надписи прост и не вызывает никаких сомнений. Весьма любопытен тот факт, что в надписи налицо те диалектальные особенности осетинского языка, которые в дальнейшем стали характеризующими иронский диалект. Этими особенностями в надписи являются: послелог -l (=ыл) вм. диг. bal (=бæл); слово shk (=сыхаг) 'сосед' вм. диг. синхон, синхаг; прош. вр. *p(œ)msta > pœsta > fœsta (диг. *pinstā > finsta — 'писал'. Из ныне известных нам надписей древней осетинской речи эта са-

мая ранняя, в которой встречаются некоторые особенности иронского диалекта.

В надписи налицо следующие лексико-грамматические формы.

1) [ǎ]s вм. āz (æз) — личное местоимение 1-го л. ед. ч. с оглушением конечного z (з) в s (с) в потоке речи перед следующим глухим согласным к.

2) kl — слово, написано по нормам арамейского письма с опущенной гласной. Согласная основа kl может быть интерпретирована различно. Мы предполагаем видеть в ней личное мужское имя Кал — 'Бык' от соответственного нарицательного, соображения по этому поводу высказаны во «Введении» к настоящей книге.

3) mǎ (мæ) — энклитическая форма притяжательного местоимения 1-го л. ед. ч. мой. Согласована со следующим словом.

4) lǎwr — соответствует современному лæвар 'подарок', 'дар'. Написано частично по нормам арамейского письма с опущенной второй гласной корня.

5) wissǎn — личное женское имя Висс в дательном падеже (флексия æн). Это старое иранское имя ныне в осетинском языке неупотребительно.

6) Следует полагать, что последним словом верхней строки надписи был глагол кæнын 'делать' в форме 1-го л. ед. ч. прош. вр. *кандтан > кондтон.

7) ai (ай) — родительный падеж указательного местоимения 'это' в роли прямого дополнения.

8) waip — местный внешний падеж слова waip — 'прясло'. Этому слову в современном осетинском языке должна отвечать исходная форма *уаф или *уайф. Звук й перед конечным согласным ф — диалектная дигорская черта¹⁰⁹, кстати сказать, уже встречавшаяся в надписях на баночных сосудах. Эпиграфическое слово ныне сохранилось в производной форме уафæн 'то, чем ткут', 'ткацкий станок'. Корневая основа уаф, как предполагал Вс. Ф. Миллер, восходит к индоевр. var¹¹⁰. Эпиграфическая форма waip, как видно, весьма близка к предполагаемой. На иронский характер послелога -l (-ыл) уже указывалось выше.

¹⁰⁹ Цагаева А. Дз. Некоторые особенности стур-дигорского говора, с. 68.

¹¹⁰ Миллер Вс. Ф. Язык осетин, с. 103.

¹⁰⁸ Chwolson D. Achtzehn Hebräische Grabschriften aus der Krim. — St. Petersburg, 1865.

9) *mā* (-*mæ*) — в надписи это местоимение уже однажды встречалось, см. п. 3.

10) *shk* — слово написано по нормам арамейского письма с опущенными гласными. Соответствует осетинскому ирон. *сыхаг* 'сосед'. В дигорском ожидалось бы, как уже указывалось выше, *синхаг*, *синхан* (совр. *синхон*).

11) *šaw* — соответствует современному *сау* 'черный'. Употреблено в значении личного имени собственного. Любопытно отметить, что имя написано через *šin*, хотя в это время, т. е. во II в. н. э., процесс разложения *š* на звук, средний между *š* и *s*, должен был уже иметь распространение, как об этом можно судить по одной надписи на баночном сосуде (см. очерк 3).

12) *pm...* — последнее, дефективное слово надписи, как можно заключить из ее содержания, представляло собой глагол 'писать' в прошедшем времени. Начальное *p* в надписи закономерно соответствует современному осетинскому *ф*. За этим согласным в дукте еврейского квадратного письма дана буква *mem*. Это обстоятельство дает основание предположить в надписи форму **p(œ)msta = *фым[ста]* 'писал'. В закономерном соответствии осет. диг. *финста* эту форму следует признать иронской (*m||n*), хотя она реально не засвидетельствована. В иронском имеем *фыста*.

Таким образом, в надписи на пряслице было 12 слов. Сохранилось 11, притом о полной форме одиннадцатого, конечного слова надписи можно только предполагать. Поселяне Калиновки II были ираноязычны, а не славяноязычны, как это предполагали археологи, имея в виду керамику черняховского типа. По форме употребляемого калиновцами письма они примыкали к тем ираноязычным племенам юга и юго-востока европейской территории России, которые являлись носителями срубной культуры. Этим фактом отмечается преемственность письменной культуры.

Очерк 11. Надписи красной краской на амфорах из Танаиса, из-под Одессы и с поселения на р. Ингулец (II—III вв. н. э. Северное Причерноморье)

На Недвиговском городище в дельте р. Дон, где представлена танаисская культура последних веков до н. э. и первых веков н. э., найдено достаточное количество остро-

донных амфор местного (не синопского) производства с короткими надписями и метами, сделанными на горле и по плечу сосуда красной краской преимущественно буквами древнего осетинского письма. На одну из них мы обратили внимание около двадцати лет тому назад в связи с чтением надписей на камнях Маяцкого городища VIII—X вв. н. э. на Дону при впадении в него р. Тихая Сосна¹¹¹.

Археологи и лингвисты-иранисты не обратили внимания на этот факт. Эпиграфика у нас, к сожалению, не в чести, а между тем слово на танаисской амфоре, читаемое слева направо как *фиу* — 'жир', 'сало', исполнено на иронском диалекте осетинского языка.

Надпись была и остается интересной тем, что в зачине ее стоит древнеосетинского письма арамейского дукта буква *ф*, созданная осетинами за восемь веков до танаисской надписи. Буква засвидетельствована модификатом незначительного отклонения в слове *ф(и)та* — 'пища' на баночном сосуде V в. до н. э., извлеченном из курганного погребения у д. Переездной Днепропетровской обл. (бывший Бахмутский уезд Екатеринославской губ.).¹¹²

На четыре-пять столетий позже танаисской надписи эта буква, как модификат ранее нам уже известной, встретила в фрагменте надписи 690—689 г. на обломке амфоры из Херсонеса. Она употреблена в слове *ф(ы)шах* (= *фыссаг*) — 'писец'¹¹³ и, наконец, почти в том же хабите, что на танаисской амфоре, буква засвидетельствована в маяцком граффито с личным именем Бан'тф (Бен'Атыф)¹¹⁴.

В трех случаях из четырех буква *ф* поставлена в словах бытового значения. Это говорит о том, что звук *ф* в древнем и затем в средневековом осетинском языке был уже явлением диалектальным. Сосуществуя со звуком *п(р)* он в конечном счете вытеснил его. Процесс этот начался не с личных имен, на которые делает упор В. И. Аббаев, а с имен нарицательных и начался как процесс спон-

¹¹¹ СА, 1964, № 1, с. 76—77, рис. 8. Повторено в ТППЯ, с. 71, табл. XXX, рис. 1 и здесь, глава II, очерк 2, табл. XIII, рис. 11.

¹¹² ТППЯ, очерк 11, с. 58—59, табл. XXIII и здесь глава I, очерк 6, табл. VI.

¹¹³ См. здесь, глава II, очерк 1, табл. XII.

¹¹⁴ СА, 1964, № 1, с. 79 (текст), с. 76, рис. 7. Здесь, глава II, очерк 2, табл. XIII.

танного развития языка, а не под гото-германским влиянием¹¹⁵.

Слово *фиу* интересно с палеографической стороны еще тем, что в нем впервые встречается фигура буквы *и* в форме «восьмерки». В дотанаисских надписях буква *и* этого хабита в осетинских надписях не встречается, а позже танаисской засвидетельствована во фрагменте фразы «...алануй кан» — ‘аланов хан’ на одном из камней маяцкого городища VIII—X вв., о чем мы также писали около двадцати лет назад¹¹⁶.

Последняя буква слова *фиу* — *й*(и) здесь представлена в том хабите, в каком мы ее встречаем в насыщенной иронизмами двухстрочной надписи II в. н. э. на пряслице с поселения Калиновка II. В калиновской надписи эта буква представлена в слове *lāw(a)γ* (лæвар) — ‘подарок’ и личном мужском имени *Šaw* (Шау) — ‘Черный’. В этом хабите в других древних осетинских надписях она не встречается, хотя совершенно ясно, что она ведет свое происхождение от той *waw*, которая присутствует в слове *bwjz* — боз ‘благодарный’ в надписи на баночном сосуде из срубного погребения близ с. Горная Пролейка Волгоградской области относимого ко второй половине VI в. до н. э.¹¹⁷

Между словом *фиу* — ‘жир’, ‘сало’ (как думает В. И. Абаев в значении ‘масло’) на танаисской амфоре и рядом слов в насыщенной иронизмами калиновской надписи устанавливается прочная связь по языку: иронский диалект здесь, в Северном Причерноморье, оказывается во II—III вв. н. э. лингвистической реальностью. Надписями, сделанными красной краской на танаисских амфорах, никто не занимался, но не обратить на них внимание археологи не могли — слишком уж много оказывалось этих амфор. Вот как описывает их наличие археолог Т. Н. Книпович: «...в Недвиговском городище останавливает внимание количество таких находок. Во всех наслоениях, верхних и нижних, в разных участках города постоянно встречались скопления амфор, целых и разбитых, то зарытых днищами в землю, то составлявших

¹¹⁵ Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. — М., 1965, с. 34—35.

¹¹⁶ СА, 1964, № 1, с. 78, текст и рис. 9, здесь, глава II, очерк 2, табл. XIII, рис. 10.

¹¹⁷ ТППЯ, с. 49—50, табл. XV. Здесь, глава I, очерк 2, табл. II.

содержимое больших погребов; такие погреба перемежались с зерновыми ямами, с наполненным зерном пифосами — и все это встречалось в таком количестве, что не могло не привлечь внимание даже археологов прошлого столетия, вообще мало интересовавшихся всем, что имеет отношение к хозяйственной жизни Танаиса... Мы получаем впечатление о Танаисе как об огромном складе товаров, впечатление, вполне вяжущееся с тем, что мы знаем из письменных источников о роли этого города»¹¹⁸. Страбон писал: «...ἡν δ' ἐμλόριον χοινόν τῶν τε Ἀσιανῶν καὶ τῶν Εὐρωπαίων νομάδων καὶ τῶν ἐκ τοῦ Βοσπόρου τὴν λίμνην πλεοντῶν — ...он служил общим торжищем для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру из Боспора...»¹¹⁹.

О том, какой местный продукт, производимый танаидцами-сарматами, кроме *фиу*, мог храниться в остродонных амфорах, говорят другие, сделанные красной краской на них, ираноязычные надписи.

В цитированной книге Т. Н. Книпович на с. 75 приводятся две надписи, выполненные тем же осетинским письмом арамейского и отчасти квадратного еврейского письма. Надписи хорошо читаются слева направо и интересны с палеографической стороны тем, что в обеих имеется не семитического дукта буква *у*(и). Эту букву с незначительным палеографическим отклонением мы встречаем в одной из надписей маяцкого городища¹²⁰.

Обе надписи на амфорах означают один и тот же продукт и транскрибируются осетинским письмом так: *п(и)лутан*, *п(и)лут*¹²¹.

В современном осетинском языке слов **фиилутон* и **фиилут* (ныне они, вероятно, звучали бы так) не сохранилось. Известны только слова ирон.-дигор. *æлутон* и диг.-илæтон¹²², которые в фольклоре означают пиво особого приготовления.

¹¹⁸ Книпович Т. Н. Танаис. — М.-Л. 1949, с. 28.

¹¹⁹ Цит. по Латышеву В. В. Scythica et Caucasica. — СПб., 1890, т. I, с. 129.

¹²⁰ СА, 1964, № 1, с. 76, рис. 6, третья буква слева. Здесь, глава II, очерк 2, с. 105, табл. XIII, 1.

¹²¹ См. здесь, табл. XI, рис. 2 и 3. Буквой *т* обозначена арамейского и квадратного еврейского письма буква *teth*.

¹²² Абаев В. И. ОЯФ, т. I, с. 342—343.

Слова п(и)лутан, п(и)лут, написанные по нормам консонантного северо-семитского письма, где гласные не обязательно писались, с палеографической стороны не вызывают сомнения¹²³. Оба слова композиты и, исходя из их формы, этимологизируются: пи — 'жирное' илут — 'пиво'. Наличие в одном из слов суффикса ан (→он) — явление обычное, рядовое или, как писал В. И. Абаев, «Наращение суффикса — он в æлутон, насколько можно судить, не внесло ничего нового — «пиво» осталось «пивом»¹²⁴.

В словах п(и)лутан, п(и)лут компонент *пи* — слово персидское. Наличие персидского слова пи — 'жир' в среде северо-причерноморских осетин→сарматов не вызывает удивления, после того как в калиновской надписи II в. н. э. в Одесской обл. оказалось личное мужское имя Кал — 'Бык', ныне звучащее как *Гал*, и женское Висс¹²⁵.

Слова (и)лутан, (и)лут с вероятным исходным *и* рядом с осетинским *æлутон* и диг. *илæтон* не представляются чем-либо удивительным. Возможно, что форма илутан, илут была ясской.

Интересно, что название пива в форме æлут в Северном Причерноморье встретилось как основа сарматского личного имени. В записи греческим письмом на одном ольвийском надгробии, относимом, по палеографическим данным, ко II—III вв. н. э., вытесано имя Αλουθα[γ]οϛ¹²⁶. Это имя В. И. Абаев истолковывает как «пивовар» или «пиволюб»¹²⁷. Кроме слов п(и)лутан, п(и)лут это слово в Северном Причерноморье существовало в форме *пиæл(у)тæ*. С пропуском буквы *у* (*waw*) в этой форме оно выписано красной краской на амфоре уже известного нам образца, найденной в Одесской обл. Эту амфору в 1963 г., во время наших разведочных работ в Одесском археологическом музее, привезла из Орловки, что под Одессой, экспедиция музея.

Надпись с палеографической стороны интересна тем, что буква *и* (*i*) в ней приводится в форме, свойственной

осетинскому письму с древнейших времен. Это прямой штрих, но в данной надписи выписанный не вертикально, а горизонтально между буквами *ре* и *'ajin*¹²⁸.

На остродонных амфорах с надписями красной краской той же краской иногда обозначалась их емкость. Две таких меты приводит в своей книге Т. Н. Книпович¹²⁹. Предки осетин использовали не только арамейское письмо, но и арамейский счет. Писали цифры также слева направо. Меты, которые приводит Т. Н. Книпович, обозначают число 21, причем единица пишется впереди двадцатки. Это свидетельствует, что танаисские сарматы-осетины пользовались двадцатиричным счетом. В двадцатиричном счете 21 звучит *иу æмæ ссæдз*, букв. «один и двадцать». Цифры писались в той последовательности, как произносились. Что скифо-сарматы считали двадцатками, мы знали из надписи на остраке II в. н. э., найденной в Тире¹³⁰. Меты на танаисских амфорах подтвердили это положение. В каких конкретных мерах емкости исчислялось число 21, сказать трудно, может быть, в осетинских *синон*, которыми черпали алутон?

На танаисских амфорах писали не только осетинским письмом. Здесь можно встретить, например, надписи греческого письма. Одну из таких приводит Т. Н. Книпович¹³¹. В нашем прочтении это аббревиатура осетинского слова *æнт(уан)* — 'сусло', без которого нельзя было приготовить алутон.

Танаидцы-сарматы были двуязычны. Не исключено, что они писали и те греческие надписи, в которых так много отклонений от норм греческой грамматики, если, конечно, эту работу не делали осарматившиеся греки. О том, как сильно подчас искажается язык греческих надписей, можно прочесть у Т. Н. Книпович¹³².

Амфоры с осетинскими надписями красной краской на горлах и плечах сосудов встречаются в различных местностях Северного Причерноморья. Одну из таких надписей на плече амфоры, исполненную осетинским

¹²³ См. здесь, табл. XI.

¹²⁴ Абаев В. И. ОЯФ, с. 342.

¹²⁵ См. здесь главу I, очерк 10.

¹²⁶ IPE, I, 89,5.

¹²⁷ ОИЯ, с. 277.

¹²⁸ См. здесь, табл. XI, рис. 4.

¹²⁹ Книпович Т. Н. Танаис, с. 75, здесь, табл. XI, рис. 5 и 6.

¹³⁰ ТППЯ, гл. II, очерк 13, здесь, гл. I, очерк 9, табл. IX.

¹³¹ Книпович Т. Н. Танаис, с. 75, здесь, табл. XI, рис. 7.

¹³² Книпович Т. Н. Танаис, с. 118—119.

письмом арамейского дукта, приводит археолог А. В. Добровольский¹³³.

Надпись читается слева направо, транскрибируется как 20 сѣин, где слово сѣин означает «вино» и является диалектной формой к осет. ирон. сѣн в том же значении. Возникновение й перед н исторически закономерно. Стоящая впереди слова сѣйн арамейского счета цифра 20 означает емкость амфоры. Надпись с поселения на р. Ингулец относится ко II—III вв. н. э. и интересна прежде всего иронской формой слова сѣйн/сѣн. Созданная на периферии Ольвии надпись подчеркивает правомерность иронизмов в осетинской речи, в данном случае имеется в виду калиновская II в. н. э. надпись, в которой достаточно обильно зафиксированы иронские нормы осетинской речи.

Летом 1963 г., при посещении Херсонского краеведческого музея, где хранились вещи из раскопок А. В. Добровольского на р. Ингулец, мы не нашли среди этих вещей обломков амфор с надписями красной краской. Они в числе других экспонатов музея пропали в годы Великой Отечественной войны.

Надпись на амфоре со словами 20 сѣйн воспроизводится нами по рисунку из статьи А. И. Добровольского¹³⁴. С палеографической стороны она не вызывает никаких сомнений и читается без всяких затруднений. Хабит букв надписи архаичен. На нее не оказали влияния те новшества в осетинском письме, с которыми мы встретились в надписях на аналогичных амфорах из Танаиса и Орловки Одесской области. Датировку ингулецкой надписи подсказывает археология.

Глава II. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ОСЕТИНСКИЕ (АЛАНСКИЕ) НАДПИСИ СОБСТВЕННОГО ПИСЬМА

Очерк 1. Фрагмент аланского граффито на обломке амфоры из Херсонеса (VII в. (689—690 гг.) н. э. Крым)

В 1971 г. эпиграфистка Э. И. Соломоник прислала мне прорисовку граффито на обломке амфоры позднего

¹³³ Добровольский А. В. Землеробские поселения перших столетий нашей эры на р. Ингульці // Археологія, III. — Київ, 1950, с. 171, рис. 3.

¹³⁴ См. здесь, табл. XI, рис. 8.

римского времени, найденном в 1970 г. в Херсонесе. Граффито процарапано каким-то острием настолько тонко, что Э. И. Соломоник не удалось сделать с него фотоснимка (см. табл. XII, рис. 1). Находка случайная. По археологическому материалу участка, где найден обломок, его можно датировать VII в. н. э.

Надпись читается слева направо. Начало отбито, в конце ее стоит число из двух цифр арамейского дукта. То, что это цифры, видно по небольшой горизонтальной линии над знаками. Цифрам предшествует девять букв. От крайней слева, что на изломе, сохранилось две трети. Прорисовка граффито сделана в натуральную величину.

Граффито выполнено аланским (средневековым осетинским) письмом, представлявшим собой, как это теперь известно, смешение букв древнеосетинского (скифо-сарматского) письма арамейского дукта с буквами частично измененного сиро-несторианского письма. Последним средневековые осетины пользовались иногда наряду со своим собственным письмом при форме букв, весьма близкой к несторианскому оригиналу, соблюдая, однако, при этом свое левостороннее направление письма¹³⁵.

Буквами древнеосетинского письма арамейского дукта (включая маяцкий вариант) в граффито являются в счете слева направо 1, 2, 6 и 9, сиро-несторианского дукта оказываются в том же порядке буквы 3, 4, 5, 7 и 8. Отношение букв граффито к их исходной форме можно видеть в приложенной к очерку палеографической таблице XII.

Древнее и средневековое осетинское письмо, употреблявшееся на весьма обширном пространстве, развивалось стихийно. Население было в основном безграмотным. Письмо употреблялось от случая к случаю, оно было бытовым (мы не располагаем ни одной официальной надписью), а потому в нем резко проявляются индивидуальные графические черты исполнителей, пишущих не постоянно, по установившейся привычке, а изредка, по скудной графической памяти.

¹³⁵ ТППЯ, гл. III, очерки 2, 3, 4, 7, 8, с. 79, 80—81, 81—83, 88—89, табл. XXXII, рис. 1, 2, 3; табл. XXXIII, рис. 1, 2; табл. XXXIV, рис. 1, 2, 3, 4; табл. XXXIV, I, рис. 1, 2, 3; табл. XXXIV, 2; табл. XXXII, рис. 1, 2; табл. XXXIII, рис. 1, 2 и здесь, гл. II, очерки 1, 4, 5, 10, табл. XII, XV, XVI, XX.

Мы делаем экскурс в область письма для того, чтобы читатель мог понять, чем объясняются в нашем херсонесском граффито подчас значительные палеографические отклонения от исходного хабита букв. Разрыв во времени и пространстве, при скудной практике пишущих, делали свое дело.

Начнем палеографическую характеристику граффито с букв древнеосетинского хабита. Первая буква слева, от которой осталось целой примерно две трети, представляет собой арамейского дукта *t* (thaw), хорошо представленную в осетинских надписях — древней на венчике сосуда V в. до н. э. с горы Крестовой в г. Кисловодске и средневековой на янтарной бусине из катакомбного погребения IX—X в. н. э. у Рим-горы под Кисловодском¹³⁶.

Несмотря на то, что буква граффито весьма похожа на пятую в строке сиро-несторианского дукта букву *x* (heth), в ее хабите больше палеографических данных в пользу *t* (thaw).

Вторая буква слева представляет собой модификат буквы *φ* (f), засвидетельствованной в ранее опубликованных нами древних и средневековых осетинских и осетинского дукта иноязычных надписях трижды¹³⁷. Она заменила исторически предшествующую ей *n* (p). Характерно, что буква *φ* встречена в осетинских надписях Северного Причерноморья и Подонья, т. е. в ареале земель, прилегающих к Крыму.

Шестая буква слева является характерной для осетинского письма, как древнего, так и средневекового. Эта буква, передающая звук *и* (i), была создана еще предками осетин — скифо-сарматами¹³⁸ и не претерпела изменений на протяжении всего времени существования осетинского письма с VIII в. до н. э. по XIV в. н. э.

Девятая и последняя буква древнеосетинского письма в данном граффито представляет собой знак, передающий осетинский свистяще-шипящий сибилант (в сов-

ременной графике *c*), засвидетельствованный в этом хабите в аланской эпиграфике впервые во второй маяцкой надписи¹³⁹, а вслед за этой во многих других, которые читатель найдет в этой книге.

Осетинские буквы сиро-несторианского дукта в граффито открывает третья буква слева. Она представляет собой поставленную в вертикальное положение, частично модифицированную, чашеобразную букву *šin*. В граффито эта буква встречается дважды. Второй раз как его седьмая буква. В средневековом осетинском письме буква *ш* (š) засвидетельствована в аланской надписи IX—XI вв. из-под с. Обильного на р. Куме и в тюркоязычных надписях письма аланского дукта из Саркела и Таласа¹⁴⁰. Данное граффито собственно аланской речи говорит о том, что в аланском языке Херсонеса звук *ш* существовал.

Судя по публикациям В. Райта, чашеобразная *šin* с ножкой и без нее, с прямым основанием чаши, т. е. в обычном традиционном положении, засвидетельствована уже в VII в.¹⁴¹

Четвертая буква слева представляет собой повернутую острием вверх и частично влево сиро-несторианскую букву 'ayin, которая в осетинском древнем и средневековом письме передавала *й* → *ж*. Случаев употребления буквы 'ayin в этой функции в ранее опубликованных нами памятниках осетинского письма более чем достаточно, а хабит ее разнообразен.

Пятая буква представляет собой повернутый влево модификат сиро-несторианской ранней *heth*. Она передает в графике осетинское щелевое *х* и в этом хабите в средневековом осетинском письме встретила впервые.

Последняя буква сиро-несторианского дукта, восьмая буква граффито в виде прямого угла, представляет собой модификат буквы 'alef. Для сиро-несторианского письма более характерна остроугольная форма этой буквы с коротким основанием (см. палеографическую таблицу).

С разбивкой граффито на образующие его слово — формы и со вставкой в текст одного отсутствующего

¹³⁶ ТППЯ, гл. II, очерк 16, с. 64—65, табл. XXVIII, рис. 1 и 2; гл. III, очерк 5, с. 83—86, табл. XXXV, рис. 1—6 и здесь гл. I, очерк 8 и гл. II, очерк 9.

¹³⁷ ТППЯ, гл. II, очерк 11, с. 56—57, табл. XXIII, гл. III, очерк 1, с. 71—73, табл. XXX, рис. 8 и 11, табл. XXXI, 1 и здесь, гл. I, очерки 6 и 11, гл. II, очерк 1 и 2.

¹³⁸ ТППЯ. Введение ко II главе, с. 46.

¹³⁹ ТППЯ, гл. III, очерк 1, с. 72, табл. XXX, рис. 3.

¹⁴⁰ ТППЯ, гл. III, очерк 4, с. 81—83, рис. 1 и 3 при табл. XXXIV, 1; гл. III, очерки 9 и 10, табл. XXXIX, рис. 1 и 2; табл. X, рис. 3.

¹⁴¹ Wright W. Catalogue of Syriae Manuscripts in the British Museum... London, 1872, tabl. VI.

гласного, для которого в средневековом осетинском письме не было своего знака, граффито следует читать как: «...т(ы) ф(ы)шæх иш ас(ы)». За словом ас(ы) стоит двухзначное число.

С устранением из слов текста диалектных черт, сильное объяснение которым дано ниже, и заменой их современными литературными, граффито приобретает следующий вид: «...ты фысæг ис азы — ... (имя рек?) пишущий есть (или писец есть) лета (года)». Далее стоит число.

И сразу же возникает несколько вопросов: 1. Не означает ли слог «...ты в начале граффито фамильное окончание? 2. Как следует читать число? 3. По какому летоисчислению выписана дата? 4. Чем объясняются фонетические отклонения от современного литературного текста? 5. Почему в граффито слово лета или года стоит не на месте — перед числом, а не после него? На все эти вопросы постараемся дать ответы.

1. Слог «...ты перед словом ф(ы)шæх-фысæг действительно представляет собой остаток фамильного имени исполнителя граффито. В отдаленном прошлом, как и ныне, осетинские фамилии оканчивались этим слогом¹⁴².

2. Древние и средневековые осетины в графике пользовались арамейской системой счета. Для древнего периода письменности этот факт зафиксирован нами дважды: на горшочке с надписью V—VII вв. до н. э. с поселения близ г. Умани на Украине и на страке II в. н. э. из древней Тире¹⁴³.

Для средневекового осетинского письма данный случай является первым. Цифра в виде крюка с длинным стержнем представляет собой незначительный модификат обращенной влево фигуры арамейской тысячи (см. палеографическую таблицу). Следующий за 1000 вертикальный короткий штрих является фигурой для единицы. В целом обе цифры образуют число 1001.

3. Средневековые осетины по вероисповеданию были христианами-несторианцами. В счислении лет они пользовались селевкидской эрой счета. 1001 год селевкидской эры соответствует 690—689 году христианского

летосчисления. Таким образом, датировка обломка амфоры с граффито VII в. н. э. совпадает с датой, обозначенной на граффито. Это первая точно датированная аланская надпись. Она со всей определенностью говорит о том, что аланы существовали в Крыму, в Херсонесе уже в VII в. и продолжали там находиться в IX—X вв. и позже¹⁴⁴.

4. Судя по тому, что в тексте не нашел своего графического выражения гласный *ы*, язык крымских алан VII в., во всяком случае, язык писавшего граффито, примыкал к иронскому диалекту.

Обращает на себя внимание оглушение согласных в паузе в исходе слова: *вм. фысæг* написано *ф(ы)шæх*, *вм. азы — ас(ы)*. Кроме этих особенностей, в тексте граффито налицо употребление старого *ш* на месте *с(ш)*: *ф(ы)шæх* вместо *фысæх*, *иш* вместо *ис*.

Форма *ф(ы)шæх* в части конечного согласного говорит о том, что звук *г* был в речи крымского алана фрикативным, а не смычным, ибо только фрикативный *г* мог перейти в *х*. Что касается формы *ас(ы)* вместо *азы*, то она свидетельствует об употреблении в языке крымского алана глухого свистяще-шипящего *с(ш)* вместо его звонкого эквивалента и в том случае, когда за ним следовал гласный.

Явление оглушения согласных в исходе слова, даже когда за этим согласным следует гласный, известны и в современном осетинском языке¹⁴⁵, где оно продолжает традицию древнего и средневекового языка. Явление отмечено в нескольких очерках этой книги¹⁴⁶, а также Ю. Неметом в диалекте венгерских ясов (алан)¹⁴⁷.

Нельзя также сказать, что старое *ш* в словах *ф(ы)шæх* и *иш* граффито на месте нового *с(ш)* явилось в какой-то мере фактом неожиданным. Звук *ш* отмечен нами в надписи на пряслице II в. н. э. из Одесской области в собственном имени Шау вместо Сау — «Черный», при наличии в этом же тексте слов со свистяще-шипящим

¹⁴⁴ ТППЯ, гл. III, очерки 7 и 8, с. 88—89.

¹⁴⁵ ОЯФ, с. 382—383: (ир.) æsmudyn, (диг.) æsmotun 'нюхать'; (ир.) zæbug, (диг.) zæbokæ — 'молоток'.

¹⁴⁶ ТППЯ, гл. II, очерки 5, 7 и 10, с. 55, 58, гл. III, очерк 2, с. 79.

¹⁴⁷ Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. — Орджоникидзе, 1960, с. 16, 20.

¹⁴² ТППЯ, гл. II, очерк 9, с. 56—57. Имеется в виду фамилия S(a)hhati — 'Сагкаевы'.

¹⁴³ ТППЯ, гл. II, очерки 7 и 13, с. 54—55, 60—61, табл. XIX, и табл. XXV, рис. 1 и 2.

*с(сш)*¹⁴⁸, но не замечен в четвертой маяцкой надписи в осетинском собственном имени *Шауш*, которое транскрибировано как *Саус*¹⁴⁹.

Фигуру буквы в начале и в конце этого имени следовало палеографически связать с арамейским или ранним квадратного еврейского письма *šīn*, в осетинском письме поставленным в вертикальное положение, как это мы наблюдаем с *šīn* сиро-несторианского письма в нашем граффито.

Трудно было ожидать, что в речи алан Маяцкого городища VIII—X вв. старый звук *ш* не был еще замещен новым, более поздним свистяще-шипящим *с(сш)*. Херсонесское аланское граффито VII в. подсказало, что это явление было в Подонье, как и в Крыму, живым, несмотря на то, что крымскую и маяцкую надписи отделяло от аланской II в. н. э. из под Одессы пять-восемь столетий. Здесь, в районе Одессы, в Подонье и в Крыму аланы говорили на одном диалекте.

5. В тексте граффито слово *ас(ы)* (вм. *азы*) — 'лэта' (года) стоит не на месте. В современном языке скажут: «(имя рек) *фысæг ис 1001 азы*», а не «(имя рек) *фысæг ис азы 1001*».

Свет на это необычное явление в граффито проливает исследование, которое провел В. И. Абаев в отношении скифского языка¹⁵⁰.

В скифском обнаружен обширный слой сложных собственных имен, в которых определение стоит не перед определяемым, как это привычно для современного осетинского языка, а после него. Это явление, как оказалось, было свойственно не только скифскому, но также средневековому аланскому языку, а от них осталось как реликт в современном осетинском¹⁵¹.

Из исследованных В. И. Абаевым скифских сложных собственных имен нас особенно интересуют те, в которых определением после определяемого оказывается числительное. Вот они¹⁵²:

1. *Saraksasos* (Ольвия) — *sar-axšaš* = ст. ос. *сæрæхсæз* —

¹⁴⁸ ТППЯ, гл. II, очерк 15, с. 62—63, рис. 2, табл. XXVII.

¹⁴⁹ ТППЯ, гл. III, очерк 1, с. 72, табл. XXX, рис. 7.

¹⁵⁰ ОИЯ, с. 272—361.

¹⁵¹ ОИЯ, с. 338, 2; 353—355.

¹⁵² Используя приводимый В. И. Абаевым материал, мы в некоторых случаях расширяем его за счет собственных примеров. Так, при

'шесть голов имеющий', т. е. 'шестиголовый'. Может быть, пишет Абаев, имя имело смысл «имеющий шесть детей», ср. осетинское выражение «*йæ сæр ахсæз бацц* — его голова стала шестью» в смысле «его семья достигла шести душ» (302, 355).

2. *Mandasos* (Танаис) = *mandas* = ст. ос. **майндæс* — '(имеющий силу) десяти мужей', т. е. 'десятимужий' (205, 355).

3. *Ardonastos* (Танаис) = *ardun-ast* = ст. ос. *æрдунæст* — 'луков восемь (имеющий)', т. е. 'восьмилучный' (287, 282, 355).

Среди имен подобного образования для нашего очерка представляет особый интерес средневековое аланское название крымского города Феодосии.

В. И. Абаев пишет: «Первое имя, которое заставило нас задуматься о порядке слов в скифских сложных словах, было аланское название города Феодосии — *Arđavda*. Анонимный автор Перипла Евксинского Понта, относимого к V веку нашей эры, сообщает: *Nūn δὲ λέγεται ἡ Θεοδοβία τῇ Ἀλανικῇ ἢ τοι τῇ Ταυρικῇ διαλέχτω Ἀρδαβδα τῶν τε ζῆτιν ἑπτάθεοξ* («Ныне же Феодосия на аланском или таврском наречии называется Ардавда, что значит Семибожный»). «Не подлежит сомнению, — продолжает В. И. Абаев, — что *Ἀρδαβδα* включает два слова: *ard* — 'божество' (ос. *ard* — 'клятва') и *avd* — 'семь' (ос. *avd*)»¹⁵³.

Несколько далее, переводя это название более точно, как 'богосемый' или 'богов-семи (город)', В. И. Абаев дает, с одной стороны, к этому названию современную семантическую типовую параллель, в которой определение предшествует определяемому: *Avd-zuar* (*Авддзуар*) — 'семь божеств', как именуется одно из святилищ Осетии в сел. Галиат, а с другой — указывает на археолого-эпиграфическое имя *Ἀρτα[ρτα]*, идеально воспроизводящее название Феодосии (с. 355, сноска 28).

Если в V в. н. э., как это следует из Перипла, в Крыму существовало аланское название *Ἀρδαβδα* — 'Богов семи (город)', в котором определяемое 'богов' предшествовало определению 'семь', представляется, что будет вполне

mandas у В. И. Абаева даем под **майндæс*. При цитате в скобках указаны страницы труда Абаева. Сокращения (О), (Т) раскрыты: Ольвия, Танаис.

¹⁵³ ОИЯ, с. 351.

естественным, когда немного позже, в VII в. н. э. там же, в Крыму, в живой аланской речи определяемое окажется употребленным перед определением 1001, как это засвидетельствовано текстом нашего граффито. Словообразовательная структура представляет собой модель с синтаксической структуры. Это две стороны одного и того же речевого процесса.

В. И. Абаев в свое время сетовал на то, что в осетинских текстах ему не попадалось таких случаев, хотя в личной речи он наблюдал их. Нам посчастливилось наткнуться на такой случай в тексте.

В граффито остается, к сожалению, не зафиксированным один факт: стояло ли определяемое перед числительным 1001 в родительном падеже, поскольку графемы для *ы* в письме не было. Иначе говоря, остается нерешенным вопрос, нужно ли в граффито восстанавливать окончание падежа — *ы* в *ас(ы)-(азы)* или этого делать не нужно? В современном осетинском языке мы знаем и *сæр-низ* — 'головная боль' ('головы боль'), где показатель родительного падежа опущен и *сæры-хъуын* — 'волосы' ('головы волосы'), где он налицо. Очевидно, в граффито это *ы* восстановить нужно. В его тексте слово *ас(-аз)* — 'год' было самостоятельной синтаксической единицей. Оно не образовывало с числительным 1001 сложного слова. Это все, что можно сказать о тексте аланского граффито VII в. н. э. из Херсонеса.

Очерк 2. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея (VIII—X вв. н. э. Подонье)

В 1954 г. появилась статья тюрколога А. М. Щербака «Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону»¹⁵⁴, в которой автор делает попытку дешифровки поименованных в заглавии нашей статьи надписей, объявляя их тюркскими, а письмо тюркским руническим.

Вопрос об определении языка надписей на камнях Маяцкого городища и на флягах Новочеркасского музея имеет для науки принципиальное значение.

¹⁵⁴ Щербаков А. М. Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону // СА, 1954, XIX.

Маяцкое городище на Дону при устье р. Тихая Сосна относится, как признает большинство археологов, к салтовской (аланской) культуре VIII—X вв.¹⁵⁵. Фляги Новочеркасского музея, найденные на Нижнем Дону и датированные теми же VIII—X вв., хотя и не являются непременно в археологическом комплексе салтовской культуры, все же, если язык надписей маяцких камней и новочеркасских фляг окажется общим, естественно, будут говорить и об общности культур народов, создавших эти надписи.

Так именно и случилось. Стоило только А. М. Щербаку объявить язык надписей на камнях Маяцкого городища и флягах из Новочеркасского музея тюркскими, как археолог М. И. Артамонов в своей статье сейчас же сделал вывод о том, что «достигнутые им (Щербаком) успехи представляют огромный интерес, в частности, по спорному вопросу относительно этнической принадлежности салтово-маяцкой культуры, которую большинство исследователей считало аланской. В настоящее время к доводам против этого мнения прибавляются решающие данные о языке носителей этой культуры. Писали, а следовательно, и говорили они не по-ирански, а на тюркском языке, хотя корни салтово-маяцкой культуры действительно уходят в сармато-аланскую среду»¹⁵⁶.

Не слишком ли поспешно была сделана дешифровка А. М. Щербака и не слишком ли преждевременны выводы М. И. Артамонова?

Внимательно вчитываясь в статьи обоих исследователей, приходишь к выводу, что они тесно взаимосвязаны. Есть все основания предполагать, что А. М. Щербак оказался в данном случае в плену хазарско-булгарской теории М. И. Артамонова, ибо в своей статье он прямо говорит о том, что «возможность приступить к чтению незнакомых рун» явилась у него благодаря неоднократным консультациям со стороны Артамонова «относительно некоторых подробностей этногенеза хазар и их взаимоотношений с другими племенами»¹⁵⁷, и в то же время он ни словом не обмолвился о его консульта-

¹⁵⁵ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА, 1958, 62.

¹⁵⁶ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища // СА, 1954, XIX.

¹⁵⁷ Щербаков А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 270.

циях по вопросам генезиса и развития салтово-маяцкой культуры и взаимоотношения ее создателей — алан — с хазарами. Видимо, следуя за М. И. Артамоновым, А. М. Щербак отождествляет алан VIII—X вв. с хазарами, иначе трудно себе представить, как мог бы А. М. Щербак, разумея Маяцкое городище, сказать, что «нахождение рунических памятников в районе Воронежа может быть поставлено в связь с пребыванием здесь только хазар»¹⁵⁸.

Оказались хазары и в низовьях Дона, хотя прямо об этом А. М. Щербак нигде не говорит. Это вытекает из чтения им надписей на новочеркасских флягах, письмо и язык которых оказываются теми же, что и надписей на камнях Маяцкого городища.

В последнее время, оставив чтение надписей без изменения и не прибавив к ним ни одной новой (скажем, из Саркела), А. М. Щербак рассматривает их уже не как хазарские, а как печенежские, т. е. относит ко времени более позднему, поскольку печенеги появились в степях Восточной Европы на исходе IX в.¹⁵⁹

Посмотрим, однако, насколько это так и на каких основаниях строится предложенный А. М. Щербаком метод дешифровки.

Дешифровку А. М. Щербак начал с надписей на флягах из Новочеркасского музея. В его распоряжении, как он сообщает, были «отличные фотографии обоих сосудов и копии с надписей, сделанных на камнях»¹⁶⁰. Они были ему предоставлены М. И. Артамоновым.

Фотографии с сосудов и надписей на них действительно отличные, как можно судить по снимкам, приложенным к статье М. И. Артамонова¹⁶¹, и поэтому кажется весьма странным как это А. М. Щербак не заметил, что обе надписи на новочеркасских флягах имеют словоразделы в виде точек. Ведь если есть словоразделы, то слова не должны выходить за их пределы. Это закон любого письма, и эпиграфист не имеет права с ним не считаться. Невнимание к словоразделам, даже при известном письме, чревато курьезами, а при неизвестном

¹⁵⁸ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения..., с. 281.

¹⁵⁹ Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркала — Белой Вежи//МИА, 1959, 75.

¹⁶⁰ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 270.

¹⁶¹ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея, с. 263—268 (рис. 2 на с. 264, рис. 4 на с. 267).

языке и письме ведет к безудержному фантазированию.

Наш известный рунолог С. Е. Малов, занимавшийся в 1927 г. по просьбе археолога А. А. Миллера дешифровкой одной из надписей на новочеркасской фляге (в статье А. М. Щербака это надпись № 2), в своем заключении писал о технике исполнения надписи: «При 1, 7 и после 5 и 11 (рун) имеются точки (по одной), в турецк[их] (читай: тюркских.— Г. Т.) рунах встречаются двоеточия (:) между словами и группами слов»¹⁶² (см. табл. XIII, рис. 1).

А. М. Щербак начал свою дешифровку с надписи № 1 на другой новочеркасской фляге, но и в этой надписи есть те же словоразделы-точки, о которых писал С. Е. Малов¹⁶³.

Достаточно отсчитать в этой надписи (табл. XIII, рис. 2) пять буквенных знаков слева, как мы видим три точки, размещенные одна под другой. Далее точки размещаются так: после восьмой буквы слева — опять три точки сверху вниз (на фотографии одна); после двенадцатой буквы слева — две точки сверху вниз (а не три, как это видится на фотографии); после пятнадцатой буквы слева — одна точка посередине; после двадцать первой буквы слева — одна точка посередине и после двадцать четвертой буквы слева — одна точка почти посередине.

А. М. Щербак предположил, что на фляге прочерчена фраза — пожелание: 'Кумыс... кумыс наливая (наполняя) ...в это большое отверстие, пей'. Однако точка после двадцать первой буквы оригинала делит на две части первое слово *к'м'з*, которое надумал и с которого начал свою дешифровку А. М. Щербак. Словораздел оказывается между слогами *к'* и *м'з*. Следовательно, здесь нет слова *к'м'з*. Исходная позиция и посылка оказались неверны, а отсюда неверна дешифровка всей надписи и других, ей подобных, ибо Щербак устанавливал звучания букв, отправляясь от предположительного смысла надписи в целом.

Ошибочность исходной посылки в дешифровке сказа-

¹⁶² АЛОИА, ф. 24, № 68 (курсив мой.— Г. Т.).

¹⁶³ В дальнейшем в данной публикации статьи подсчет точек в словах ведется по эстампам, лично снятым с надписей в Новочеркасске в 1963 г. На фотографиях некоторые точки не получились, а буквы оказались не везде точны.

лась на надписи № 1 не только в том, что словораздел разбил на две части надуманное слово $k^i \cdot m^i z$. Словоразделы оказались внутри таких слов, как $av^i z^i (\cdot) k^i$ (в интерпретации Щербака дательный падеж слова $av^i z$ (auz) 'отверстие'¹⁶⁴ или оставшегося без перевода слова $zk(\cdot)a$, в котором строчная a излишняя, ибо ее нет вовсе в надписи. Словораздел рассек также надвое и второе надуманное слово, $k^i m^i z$, так, что А. М. Щербак должен был признать в нем пропуск конечной буквы z . Иначе говоря, словоразделы между словами и группами слов при расстановке их в надписи в виде точек оказываются в предложенной А. М. Щербаком интерпретации текста надписи не на месте. А отсюда, поскольку дешифровка в целом неверна, у А. М. Щербака, естественно, получилось много неясных мест и лакун, которые устранить не удается.

Не приносит удовлетворения и предложенный им текст надписи. Можно, конечно, предполагать то или иное содержание надписи на сусуде, но важно, чтобы это содержание не противоречило действительности. Нельзя, например, в надписи читать 'пей из этого высокого кувшина', если он низкий. Но почему можно читать на новочеркасской фляге '...в это большое отверстие, пей', когда в действительности у фляги отверстие малое, об этом нужно спросить у А. М. Щербака. При дешифровке надписи на той или иной вещи нужно прежде всего воочию видеть самое вещь или по крайней мере наиподробнее образом осведомиться о ее особенностях. Что предложенное А. М. Щербаком чтение надумано и неверно, показывает и дешифровка надписи на новочеркасской фляге, которую в свое время рассматривал С. Е. Малов. Словоразделы здесь также оказались не везде на месте. Один из них разделил на две части имя $A\tau a(\cdot) a\check{c}$, а другой отнес вправо такую странную группу слов, как $(\cdot) Бука$ — трое их'.

Не лучше обстоит дело с содержанием текста и этой надписи. А. М. Щербак читает ее так: 'Элчи и (также) Атач и (также) Бука — трое их'. О значении новочеркасских фляг М. И. Артамонов писал, что «такие баклажки привешивались всадниками к седлу»¹⁶⁵. Мне не приходилось видеть, чтобы в седле (и даже без седла) на

одном коне ездили сразу три всадника. Фляга явно принадлежала одному лицу, и надпись на ней должна быть соответственного содержания.

Надписи на флягах А. М. Щербак публиковал дважды¹⁶⁶. Публикуя их второй раз, он не только не внес в их чтение какого-либо улучшения, но, наоборот, — ухудшил свою позицию. «Очень возможно, — писал он в отношении первой надписи на новочеркасской фляге, — что в данном тексте знак $>$ во всех или почти во всех случаях (курсив мой. — Г. Т.) выполняет ту же функцию, что и знак $\checkmark$ в Енисейских надписях, т. е. является своего рода разделителем слов. Подобное восприятие $>$ может изменить чтение лишь одного слова ($u\check{u}$ вместо $u\check{u}a$), но не изменяет смысла надписи в целом».

Следовательно, публикуя вторично надписи на новочеркасских флягах, А. М. Щербак не интересовался заново ни фотографиями с надписей, ни самими оригиналами. Он совершенно отвлеченно выделил знак $>$ как разделительный и притом только в первой новочеркасской надписи. Если даже во второй новочеркасской надписи выделенный в качестве словораздела знак $>$ ничего не изменит в чтении Щербака, то все же как быть в том случае, когда искусственный разделитель слов в виде знака $>$ окажется в надписях рядом с разделителем в виде точек? А оно так и есть.

Но мало того, что А. М. Щербак не считался с реальными словоразделителями в данных надписях, он при чтении надписей как на флягах, так и на камнях Маяцкого городища неверно воспроизводил форму некоторых букв. В надписи № 1 на фляге (см. табл. XIII, рис. 2) восьмая буква справа дана им в форме $|$, в то время когда она в действительности выглядит как в табл. XIII, рис. 2. Четырнадцатая буква слева в надписи имеет форму как на рис. 2, а у А. М. Щербака, она превратилась в $\times$. После пятой буквы слева в надпись введена строчная буква $>$ -а, которой здесь нет, и т. д.

Еще хуже обстоит дело с передачей формы некоторых букв надписей на камнях Маяцкого городища. Возможно, это получилось оттого, что в данном случае А. М. Щербак работал не по фотографиям, а по копиям, сделанным для него, как он сам о том пишет, М. И. Артамоновым¹⁶⁷.

¹⁶⁶ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея... с. 264.

¹⁶⁷ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 270.

¹⁶⁴ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 272.

¹⁶⁵ Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах... с. 386.

Отсюда в статье А. М. Щербака в надписи № 4 оказались правильно изображенными только две буквы из десяти, а четыре пропущены вовсе.

Вот как выглядят буквы надписи в действительности (см. здесь табл. XIII, рис. 3), а вот как они изображены в статье А. М. Щербака (см. табл. XIII, рис. 4) ¹⁶⁸.

В статье А. М. Щербака в надписи № 5 первая дефектная буква слева оказалась разделенной на две, вторая искажена, а третья пропущена вовсе. В действительности они выглядят как в табл. XIII, на рис. 5, а в статье А. М. Щербака — как в табл. XIII, на рис. 6. В надписи № 6 в статье Щербака вторая буква слева (у нас табл. XIII, рис. 7) дана в форме >. В надписи № 7 у Щербака первая буква слева и первая справа имеет форму как табл. XIII на рис. 9; в действительности же они выглядят как в табл. XIII на рис. 8, не говоря уже о том, что и другие буквы искажены.

Едва ли нужно пояснять то положение, что эпиграфист при дешифровке неизвестного письма не имеет никакого права унифицировать и подгонять буквы под удобную ему форму, будь это даже названо трактовкой путем сравнения букв с тюркскими рунами, как пояснил этот прием в одном месте сам А. М. Щербак. К услугам эпиграфиста при различии в форме одних и тех же букв существует транскрипция. Пренебрежением к палеографии, к верному восприятию букв эпиграфист отрезает себе все пути к ретроспективному и перспективному изучению исследуемого письма.

Весьма странно, что А. М. Щербак не познакомился с надписями даже тогда, когда для этого у него была прямая возможность. Мы имеем в виду заявление А. М. Щербака о том, что «надписи на камнях Маяцкого городища являются фрагментами значительных по своим размерам текстов» ¹⁶⁹. Однако, если бы А. М. Щербак взглянул на фотоснимки с надписями ¹⁷⁰, он убедился бы, что из пяти надписей, которые он считает фрагментами, только одна (здесь табл. XIII, рис. 10) является таковой.

¹⁶⁸ Щербаков А. М. Знаки на керамике и кирпичах... с. 378, примечание 216.

¹⁶⁹ Щербаков А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 275.

¹⁷⁰ Макаренко Н. Е. Археологические исследования 1907—1909 // ИАК, 1911, вып. 43.

Все изложенное выше в отношении предложенных А. М. Щербаком приемов дешифровки надписей на новочеркасских флягах и камнях Маяцкого городища приводит к отрицательной оценке его метода: А. М. Щербак не дешифровал письмо маяцких камней и новочеркасских фляг.

Мы следуем пожеланию А. М. Щербака, выраженному им в заключении статьи. В нем А. М. Щербак советует другим исследователям, проверив на пространным материале избранные им приемы, принять или отбросить их и тем самым предохранить себя от следования по неправильному пути ¹⁷¹.

Наш взгляд на письмо надписей на камнях Маяцкого городища и флягах новочеркасского музея иной. Не будем излагать своих приемов исследования неизвестного письма: скажем только, что работа велась по безукоризненным фотографиям, эстампам или самим памятникам. Следует признаться, что дешифровка была делом трудным — письмо не имеет билингов, количество надписей невелико, тексты весьма кратки, словоделение в большинстве случаев отсутствует, надписи принадлежат к нескольким языкам. Работа требовала немалых усилий.

В свое время С. Е. Малов, занимавшийся одной из надписей на фляге из Новочеркасского музея, заметил в своем заключении: «Буквы на первый взгляд весьма сходны с турецким (читай тюркским.— Г. Т.) руническим алфавитом». Однако это сходство не подвело знаменитого эпиграфиста-тюрколога. В конечном счете он пришел к выводу: «Пока (NB!) трудно считать эту надпись турецкой (читай тюркской.— Г. Т.)» ¹⁷².

Предупреждение С. Е. Малова обязывало искать другого пути дешифровки. Путь был найден и в дальнейшем на анализе и чтении дополнительно привлеченных письменных памятников себя оправдал.

Новое письмо выходило за рамки VIII—X вв. и вообще за рамки исторического появления в степях Восточной Европы народов тюркского языкового корня. В Танаисе оно встречалось на местных (не синопских) амфорах

¹⁷¹ Щербаков А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 282.

¹⁷² АЛОИА, ф. 24, № 68. Выделено и акцентуировано С. Е. Маловым.

III в. с надписями красной краской¹⁷³. Одна из таких танаисских надписей в точной копии, обнародованной Т. Н. Книпович, приведена здесь для примера (см. табл. XIII, рис. 11), причем, как может заметить читатель, ее буквы находят свои убедительные параллели в буквах надписей на камнях Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 8, 10) и на флягах из Новочеркасского музея (см. табл. XIII, рис. 1, 2). По-сарматски (древнеосетински) она читается: *фиу* — 'жир' (что равняется, как думает В. И. Абаев, значению 'масло').

Танаисские надписи подали мысль, что маяцкие надписи могут быть средневековыми аланскими, ретроспективно — сарматскими, а новочеркасские на флягах — средневековыми касожскими, ретроспективно — меотскими. Сарматы и меоты жили бок о бок в Танаисе, о чем говорят имена собственные ряда памятников. Жили их потомки бок о бок и в Нижнем Поволжье VIII—X вв.

В конечном счете оказалось, что сарматы (→ аланы) и меоты (→ касоги) пользовались одним и тем же письмом, но в разных изводах, каждый из которых создавался применительно к фонетическим особенностям их языков. На протяжении длительного существования оба извода в той или иной мере изменяли очертания своих букв, иногда имели локальные варианты их, свой оригинальный хабит букв, но в целом письмо оставалось в своем историческом дукте устойчивым.

По своему далекому происхождению новое письмо оказалось связано с арамейским, а в дальнейшем частично с квадратным еврейским письмом достаточно старых форм. В отличие от семитического оно имело направление — слева направо. Этот вывод был сделан нами на основе новой, изменившейся обращенности подавляющего большинства в той или иной мере реформированных семитических букв. Для одного и того же звука в письме употребляется по несколько разных форм букв, что говорит о его длительной жизни и большой локальной разветвленности. В первой публикации статьи в 1964 г. мы назвали это письмо «причерноморским буквенным письмом», но теперь приходится от этого названия отказаться. В своей исходной этнической форме письмо представилось древнеосетинским (скифо-сармат-

ским), а средневековые осетинские (аланские) формы этого письма — его изводами, т. е. вариантами. Это новое, доселе неизвестное письмо, генетически не связано с «загадочными причерноморскими знаками», на которые обращали внимание многие исследователи, кое-кто из которых безнадежно пытался вывести буквенное фонетическое письмо без опоры во фразовом материале¹⁷⁴.

Средневековое аланское письмо надписей Маяцкого городища, представленное в сводной таблице XIII, 1 не исчерпывает всех буквенных знаков данного письма. В таблице указаны только те буквы маяцкого аланского письма, которые наличны в пяти маяцких надписях. Некоторые буквы повторяются, и читатель сразу же может отметить общность или сходность их формы и звучания; некоторые представлены в данных надписях единично и выведены из чтения других имеющихся в наличии надписей.

Перейдем, однако, к чтению средневековых аланских надписей. Первая аланская надпись с Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 10) интересна тем, что содержит в своем тексте историческое этническое имя «алан». Начало надписи отбито и, нужно думать, содержало личное имя. Оставшаяся часть надписи транслитерируется и читается: ...алануй кан '...аланов кан'.

Осетинское иронское притяжательное местоимение 3-го л., оно же аффикс принадлежности *-уй*, не оставляет никаких сомнений в том, что надпись аланская. Форма слова 'алан' также отвечает историческим нормам осетинского языка. Что касается слова 'кан', то оно в данной маяцкой надписи как тюркское заимствование вероятнее всего имело значение *хан* (старин. *хъан*) 'князь', а не *къан* — 'воспитанник'. В нашей надписи слово 'кан' соотнесено с названием народа, племени (*алануй*), а не с отдельным лицом, аталыком, как то ожидалось, если бы речь шла о *кане* — воспитаннике. Хорошей иллюстрацией к последнему значению может быть надпись на новочеркасской фляге № 2, в нашем чтении касожской (см. ниже).

Вторая аланская надпись с Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 3), также содержащая несколько

¹⁷³ Книпович Т. Н. Танаис. — М. — Л., 1949, с. 29—30, 73—74, рис. 29 на с. 75 и здесь, гл. I, очерк 11.

¹⁷⁴ Соломоник Э. И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. — Киев, 1959, с. 9—16; см. также рецензию на эту работу // СА, 1962, № 4, с. 252—254.

слов, выполнена менее аккуратно, чем первая, но читается в той же транслитерации хорошо: *Вуруми гкс но* = *Уруми кѣ [ы]с Но* — 'Урума (Грека) дочь Но (Новая)'.

Осетинский исторический аффикс родительного падежа *-и* (совр. ирон. *-ы*, диг. *-и*) не оставляет никаких сомнений, что надпись аланская. Начальное *в* свидетельствует о том, что лицо, писавшее надпись, пыталось этим *в* передать билабиальный характер осетинского полугласного *у*. В Осетии до сих пор существует фамильное имя «Урумовы» (*Урумтæ*). До сих пор известно в Осетии и личное собственное имя, образованное от старой основы *Нæу* — *Но* 'Новый', с тем, однако, различием, что это имя употребляется уже с аффиксом *-æг* (*Нæуæг*, стяженно *Ног*) и только для именования лиц мужского пола. Следовательно, десять-одиннадцать веков сделали свое дело. Язык не может оставаться неизменным. Подтверждением этого служит в надписи слово *кѣ [ы]с* 'дочь'. В современном осетинском языке мы имеем для обозначения дочери слово ирон. *чызг* (—*кызг*), диг. *кызгæ*. Слово это считается старым заимствованием из тюркского языка с наращением к нему осетинского суффикса¹⁷⁵. Наша надпись показывает, насколько старо это заимствование. Что же касается передачи смычногортанного *кѣ* нашей надписи двумя буквами *гкс*, то это явление не вызывает изумления. Напротив, вслед за попыткой исполнителя надписи передать билабиальный характер *у* через *в*, она свидетельствует о том, что он имел «лингвистическое ухо».

Третья аланская надпись с Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 5) содержит всего только одно мужское имя: *Анбал*.

Это имя собственное, здесь в дигорском звучании образовано от нарицательного *æнбал* 'товарищ' и хорошо известно в осетинской специальной литературе¹⁷⁶. Заметим, что первая буква этой надписи дефектна. Посредине ее пришелся распил камня, когда его ввиду громоздкости пришлось разделить на две части, для того, чтобы перевезти с городища (см. табл. XIII, рис. 12).

Четвертая аланская надпись с Маяцкого городища

(см. табл. XIII, рис. 7) состоит также из одного личного имени. Оно читается: *Шауши*.

Эпиграфическое имя-прозвище *Шауши* отвечает совр. осет. *саусы* 'черный рог' (Чернорог), образованному из нарицательных *сау* 'черный' и *сы* 'рог'.

В последние годы, после нашей публикации келасурской осетинской (аланской) надписи¹⁷⁷, датируемой второй четвертью IV в. н. э. и исполненной на иронском диалекте, все чаще и чаще приходит мысль, что данное имя маяцкого граффито может быть перечитано. Из келасурской надписи стало ясно, что уже в IV в. н. э. иронская форма вспомогательного глагола «быть» в настоящем времени 3-го л. ед. ч. в виде *и* была употребительной в синтаксических конструкциях статического типа. Этот факт дает нам возможность предположительно делить маяцкое имя *Шауши* на *Шауш* и *и*, в котором *-и* является глагольной связкой «есть». В таком случае, при учете того, что звук *о*, дифтонгического происхождения из *æу*, мог писаться в надписях и как *о* (см. табл. XIII, надпись № 3. *Но* вм. *Нæу*) и как *ау* (*-æу*), можно предположить, что эпиграфическое маяцкое *Шауш* (*-Шауш*) отражает то же слово, что и совр. диг. *сос* «молчаливый» могло быть личным именем, показывает такое составное из нартского эпоса, как *Сос-Æлдар*. Иначе говоря, в маяцком *Шауш* можно видеть, как нам представляется, раннюю графическую передачу осет. *Сос* в сопровождении вспомогательного глагола *-и* «есть». Ясский диалект аланского языка был по нормам смешанным, дигор-ионским.

Пятая надпись Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 8) по языку еврейская. После знака «лабиринта» магического значения в начале надписи¹⁷⁸ принятого А. М. Щербаком за тамгу¹⁷⁹, оставшаяся буквенная ее часть читается: *Бан'тф* (*-Бен'Атыф*) и представляет собой имя-прозвище, первая часть которого составляет еврейское слово *бен* 'сын', а вторая — семитическое (арабское) *ب (س) ف* ('атыф) 'милостивый', 'благожелательный'.

¹⁷⁷ Турчанинов Г. Ф. Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа// ИСОНИИ, т. XXII, 1960, вып. 4; см. здесь, гл. III, очерк 1.

¹⁷⁸ Толстой И. И. Греческое граффито древних городов Северного Причерноморья. — М. — Л., 1953, с. 135—136.

¹⁷⁹ Щербак А. М. Несколько слов о приемах чтения... с. 271.

¹⁷⁵ ОЯФ, с. 85.

¹⁷⁶ ОЯФ, с. 42, 262; Миллер Вс. Ф. Осетинские этюды, т. III. — М., 1887, с. 68.

Маяцкое аланское городище находилось вблизи границ Хазарского каганата. В каганате же, где часть хазар исповедовала иудейство, евреев было достаточно много. Возможно, что Бен Атыф жил даже в селении при Маяцкой крепости или прибыл сюда из каких-либо других мест Хазарии. Интересно, что он сделал надпись аланским письмом. Следовательно, оно было не только в ходу у подонских алан, но и выходило за рамки местной аланской этнической среды.

Пользовались этим письмом и в Верхнем Салтове. Еще в 1948 г. экспедиция С. А. Семенова-Зусера в одном из катакомбных могильников Салтова открыла бараньи сочленения — астрагалы, у осетин называемые *хъул*. На некоторых из них вырезаны слова и буквы того же дукта, что и на камнях Маяцкого городища¹⁸⁰. Чтению их посвящен специальный очерк этой книги.

Живая аланская речь на Дону и наличие у алан своего оригинального письма обязывают нас не согласиться с той концепцией о носителях салтово-маяцкой культуры, которую всячески пытается обосновать М. И. Артамонов. Этническая материальная культура не переживает языка. Напротив, язык переживает этническую материальную культуру. Современные горцы-осетины, потомки алан, носят уже европейское платье, строят не типичные для осетин дома, но в устах их звучит и долго еще будет звучать осетинская речь. Можно априори заключить, что если жива еще самобытная материальная культура народа, то о гибели самобытного, созданного народом языка не может быть и речи.

Культура алан Подонья VIII—X вв. была и материально и духовно той же, что и культура их единоплеменников на Кавказе.

Сравнивая культуру могильников в Чми, Верхней Рухте, Кумбулте и Камунте в Северной Осетии с культурой Верхнего Салтова, акад. Ю. В. Готье писал: «Сходство бьет в глаза и не оставляет никакого сомнения, что одновременно в VI—IX вв.¹⁸¹ на Северном Кавказе и по

течению Дона существовала одна и та же культура, что люди, обитавшие в Салтове (добавим: и в Маяцком на Дону.— Г. Т.) жили, одевались, веровали и хоронились (и говорили.— Г. Т.) так же, как очень далеко обитавшие от них жители современной Осетии»¹⁸².

Этническая ассимиляция степных алан, о которой с такой уверенностью и легкостью говорит М. И. Артамонов, в действительности была процессом долгим. Примером может служить, с одной стороны, тот убедительный материал, который опубликовал венгерский тюрколог Ю. Немет (J. Németh)¹⁸³. Пришедшие в Венгрию вместе с половцами (куманами) в 1239 г. аланы-ясы сохраняли здесь свой язык в венгерском и половецком окружении еще в XV в.

С другой стороны, нельзя не обратить внимание на тот факт, что те тюркские слова, которые оказались по нашим надписям в языке донских (маяцких) алан и укрепились в нем как заимствования, существуют до сих пор в осетинском языке, не поколебав его исторической основы, а подчинившись ей: ср. маяцкое тюрк. *къан* и осет. истор. *хъан* 'князь', 'хан': маяцкое тюрк. *къ[ы]с* 'дочь' и совр. осет. ирон. *чызг* (—*кызг*), диг. *кизгæ* 'дочь': маяцкое тюрк. *урум* 'грек' и осет. истор. *урум* 'грек' в составе старых осетинских фамилий *Урумты* 'Урумовы' и *Уруймагты* 'Уруймаговы', в обоих случаях 'Трековы'¹⁸⁴.

Аланские надписи Маяцкого городища с достаточной убедительностью свидетельствуют о том, что степные аланы Подонья VIII—X вв. говорили на том же самом языке, на котором говорили в средние века и говорят поныне осетины иронцы и дигорцы в горах Кавказа.

Сколько времени звучала еще аланская речь в Подонье, сказать трудно. Мы не располагаем материалами,

Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии//КСИИМК, 60, с. 73—79; Турчанинов Г. Ф. Древнейшая, IV в. н. э., осетинская (аланская) надпись... с. 189—195, см. здесь, гл. III, очерк 1.

¹⁸² Готье Ю. В. Железный век в Восточной Европе.— М.— Л., 1930, с. 60—61.

¹⁸³ Németh J. Eine Wörterliste der Jassen, ungarländischen Alanen. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Klasse für Sprachwiss., Liter und Kunst, 1958, 4, s. 1—36.

¹⁸⁴ Одним из изводов аланского письма здесь, в Подонье, пользовались и местные народы тюркского языкового корня. См. здесь, гл. IV, очерк 1.

¹⁸⁰ Семенов-Зусер С. А. Дослідження Салтівського могильника//АП, т. III, 1952, с. 283.

¹⁸¹ Имея в виду археологические и эпиграфические разыскания последних лет в Черкесии и смежных областях, эти границы можно продвинуть вглубь к началу IV в. См.: Минаева Т. М. Городище Адюх в Черкесии//КСИИМК, 60, 1955, с. 110—119; Алексеева Е. П.

подобными тем, какие посчастливилось получить Ю. Немецу; но все же косвенно судить о том, как долго сохраняли аланы Подонья свою этничность, можно. Право на это дает нам русская летопись, которая в XII в. говорит об аланых-ясах Подонья как о народе, не утратившем еще своего лица.

Летопись по Ипатьевскому списку 1116 г. сообщает: «В тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон и взяли три города: Сугров, Шарукан, Балин. Тогда же Ярополк, пленив, привел себе жену, очень красивую дочь Ясского князя»¹⁸⁵.

Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку говорит об этом событии 1116 г. несколько иначе: «...Ярополк ходил на Половецкую землю к реке, называемой Дон, и взял здесь много пленных, и три города взял половецкие: Галин (он же Балин.— Г. Т.), Чешюев (он же Чевшлюев.— Г. Т.) и Сугров, и привел с собой ясов, и пленил себе жену ясыню»¹⁸⁶.

Пятью годами раньше, в 1111 г., сообщая о походе русских князей на Дон, в расположение городов Шарукана и Сугрова, Ипатьевская летопись говорит о том, что население города Шарукана, будучи не русским, исповедовало христианство. В летописи сказано: «...оттуда (с Ворсклы), перейдя многие реки, в шестую неделю поста, во вторник, подошли к Дону. И одевшись в бронь и построив полки, пошли к городу Шарукану. И выставил князь Владимир попов своих перед полком, и они едучи пели тропари и кондаки в честь креста господнего и канон в честь святой богородицы. Когда был вечер, подъехали к городу в воскресенье [жители] вышли из города и поклонились князьям русским и вынесли рыбу и вино, и пробыли здесь [русские] ночь. А утром, в среду, пошли к Сугрову и прийдя подождгли его, а в четверг ушли с Дона».¹⁸⁷

Ориентируясь на упомянутые выше известия русских летописей, византолог Ю. А. Кулаковский в свое время совершенно справедливо писал: «...в начале XII века было на Дону три города, которые состояли под вла-

стью половцев. Само собой разумеется, что не половцы их заложили, как не они их и населяли. Христианское население в Шарукане засвидетельствовано в событии 1111 года. Весьма вероятно, что и другие два города имели такое же население. О национальности этих христиан летопись ничего не говорит под 1111 годом, но косвенно утверждает, что это не были русские: «...выидоша из города, и поклонишася княземъ Рускымъ». Если бы эти люди обратились к князьям с русской речью и этим, помимо религии, засвидетельствовали свою кровную близость, то, вероятно, это было бы упомянуто. Из похода на подонские города Ярополк привел пленную красавицу «Ясского князя дочь», которая стала его женой... Отсюда можно сделать вывод, христианское их население было в XII веке по национальности аланским».¹⁸⁸

Едва ли можно не согласиться с этими выводами византолога Ю. А. Кулаковского и едва ли полнокровная аланская речь, звучавшая в устах подонских ясов в VIII—X вв., в начале XII в. была здесь уже утрачена.

Представлявшие собой значительную этническую массу населения (Ярополк «взя полонъ многъ»), объединенные духовно христианской религией (половцы были не христиане) и состоявшие под властью своего, ясского, князя, т. е. составлявшие какое-то политическое единство, аланы Подонья имели, по нашему мнению, в XII в. (не говоря уже о VIII—X вв.) еще достаточно внутренних сил, чтобы сохранять свой язык и противостоять языковой ассимиляции.

Как же выглядит в свете сказанного утверждение М. И. Артамонова, что «...носители салтовской культуры в массе своей не только писали, но и говорили на языке тюркского типа, а следовательно, не были ираноязычными аланами»¹⁸⁹, и что «...степные племена (алан.— Г. Т.), подвергшиеся воздействию других этнических образований и скрещению с гуннами, а затем тюрками, этнически не представляли и не могли представлять в рассматриваемую эпоху (т. е. в VIII—X вв.— Г. Т.) то же самое, что и ироны-осетины. Свое происхождение они вели также от сармат или алан, но в это время

¹⁸⁵ Ипатьевская летопись, 3-е изд., т. 2, вып. 1.— Пг., 1923, с. 280.

¹⁸⁶ Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, 2-е изд., вып. 2.— Л., 1927, с. 291.

¹⁸⁷ Ипатьевская летопись, с. 263.

¹⁸⁸ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа//МИА, 62, 1958, I, с. 47.

¹⁸⁹ Кулаковский Ю. А. Христианство у алан//ВВ, т. V, вып. 1 и 2, 1898, с. 17—18.

они были уже болгарами или хазарами, этнически обособленными от алан Осетии»¹⁹⁰.

Автор непомерно преувеличил роль хазар и вообще тюркских племен в их культурном и историческом влиянии на ираноязычных алан Подонья.

А теперь рассмотрим надписи на флягах из Новочеркасского музея. Прежде всего отметим, что обе фляги были найдены на Нижнем Дону. Они представляют собой случайные находки. Фляга с пространной надписью (в статье А. М. Щербака надпись № 1) была найдена в 1942 г. близ станицы Кривянской, под Новочеркасском, при рытье оборонительных сооружений, и доставлена в музей политруком П. А. Ниловым¹⁹¹. Никаких других данных относительно условий этой находки не имеется. О фляге с той надписью, которой интересовался С. Е. Малов (в статье А. М. Щербака надпись № 2), сведений еще меньше. По данным архива ЛО ИА АН СССР (ф. 24), она найдена также на Нижнем Дону, но где именно — точно неизвестно.

Фляги данного типа представлены во многих музеях. В Новочеркасском музее, кроме этих двух с надписями, есть еще несколько без надписей. Находки последних лет¹⁹² и особенно обнаружение местного очага производства этих фляг, наряду с другими сосудами, в восточной части Крыма самым решительным образом подчеркнули принадлежность фляг типа новочеркасских к салтово-маяцкой культуре VIII—X вв. как культуре аланской и северо-причерноморской¹⁹³.

Здесь важно отметить одну деталь. На той фляге из Новочеркасского музея, которая была найдена под станицей Кривянской, роспись в виде красноватых дугообразных полос находит себе ближайшую аналогию среди фляг с такой же росписью из могильника близ

¹⁹⁰ Артамонов М. И. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-западной Хазарии // СА, VI, 1940, с. 161—162.

¹⁹¹ Артамонов М. И. Надписи на баклажках Новочеркасского музея, с. 263.

¹⁹² Имеется в виду фляга Подгоровского могильника салтово-маяцкой культуры (из неопубликованных материалов С. Н. Замятнина); фляги из поселений восточного Крыма по раскопкам А. Л. Якобсона в 1952—1954 гг. в с. Морском Судакского района и в собрании Симферопольского музея (по информации А. Л. Якобсона).

¹⁹³ Якобсон А. Л. 1) Средневековые гончарные печи в восточном Крыму // КСИИМК, 54, 1954, с. 164—172; 2) Средневековые гончарные печи в районе Судака // КСИИМК, 60, 1955, с. 102—109.

с. Ладза в Осетии¹⁹⁴, причем среди боя бракованных фляг в завале при гончарных печах в восточном Крыму А. Л. Якобсон в 1952—1954 гг. обнаружил несколько фляг с такой же росписью.

Взаимосвязь Подонья, восточного Крыма и Северного Кавказа средневекового периода тем самым еще раз подчеркивается.

Надписи на новочеркасских флягах выписаны острием какого-то орудия или оружия. Они сделаны до обжига и читаются, как отмечалось ранее, на касожском (средневековом черкесском, точнее — кабардинском) языке.

О пребывании в низовьях Дона в VIII—X вв. касогов известные нам письменные источники ничего не говорят. Первое упоминание о касогах мы находим в русской летописи под 965 г. Оно связано с походом князя Святослава на хазар: «В год 965 пошел Святослав на хазар. Услышавшие об этом хазары вышли против (него) с князем своим каганом и сошлись на бой, и была сеча, и одолел Святослав хазар, и Белую Вежу взял, город их, и ясов победил и касогов, и привел (их) в Киев»¹⁹⁵.

Поскольку нам ныне известно местоположение Белой Вежи — Саркела¹⁹⁶, известны поселения ясов-алан ниже Белой Вежи на Дону¹⁹⁷ и известно, что поход Святослава шел в таком направлении, что он сначала разбил хазар и взял Белую Вежу, а потом победил ясов и за ними касогов, — нет никаких оснований думать, что битва с ясами (аланами) и касогами (черкесами) произошла где-то на Северном Кавказе. И те и другие могли находиться (и скорей всего находились) в Подонье, ниже Белой Вежи. Вероятно, и этническое название *касог* (ср. осет. *кассæг* 'кабардинец-черкес'), вошло в русский язык тогда же, будучи заимствовано из языка не северокавказских, а подонских

¹⁹⁴ Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК, 8, 1900, с. 168, табл. XXIII, 1 и XXIX, 6.

¹⁹⁵ В разнотечии: «...и возвратился в Киев». Новгородская пятая летопись, вып. 1. — Пг., 1917, с. 41.

¹⁹⁶ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа, с. 7—84.

¹⁹⁷ Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // МИА, 62, 1958, 1, с. 136 (карта), 149—150 (список населенных пунктов, вблизи которых расположены археологические памятники салтово-маяцкой культуры).

ясов-алан, ниже которых у дельты Дона сидели касоги, «виновники» новочеркасских надписей.

Утверждение М. И. Артамонова о том, что князь Святослав сначала разгромил алан и касогов на Северном Кавказе, а затем взял Белую Вежу, почти прямо противоположно той последовательности событий, которую дает летопись, и является надуманным¹⁹⁸. Впрочем, М. И. Артамонов иначе поступить не мог. Ведь по его теории алан в Подонье в это время уже не существовало. Они были охазарены.

Надписи на обеих флягах из Новочеркасского музея читаются хорошо (см. табл. XIII, рис. 1 и 2). Как уже указывалось, они имеют словоразделы в форме точек, причем в надписи № 2, с которой я начал чтение, писавший надпись ставил словоразделы, кроме первого, слева, из трех вертикально расположенных точек, уже после того, как надпись была выполнена. Поэтому точки-словоразделы в тех случаях, когда они ставились по одной, не везде приходится на среднюю линию надписи, а три точки словораздела после восьмой и две точки после двенадцатой букв оказываются как бы зажатыми буквами. В одном случае словораздел пропущен, что неудивительно, поскольку в надписи ни много, ни мало тридцать одна буква сплошной строки. Этот словораздел при транслитерации надписи отмечен точкой в скобках (·).

Как можно видеть на табл. XIII, 2, включающей буквы касожских надписей новочеркасских фляг, касожский алфавит несколько отличался от аланского. Основное различие создавалось присутствием в касожском письме особых букв для передачи гортанного характера ряда звуков, хотя гортанность отмечается не всегда последовательно, что относится уже к проблеме грамотности.

Таблица не исчерпывает всех буквенных знаков касожского письма. В наличных у нас касожских надписях значительно больше букв и их вариантов, чем в таблице.

Надпись на фляге, найденной под станицей Кривянской (см. табл. XIII, рис. 2) в транслитерации читается: *Х'умигкѡан : зай' : Лайук : зауэ · Кууай (·) лѡа" · 'бк · лѡа"n'a*, что в переводе означает: 'Кувшин · кому

принадлежавший : Лейюк : воин · Кууева (·) рода · племени · знаменитого был'. Первое слово слева, *х'умигкѡан*, отвечает тюрк. *кѡумгѡан* 'сосуд для воды'¹⁹⁹ слогографема *'ум* отражала слог с предшествующим гласному *у* глубокогогортанным межсвязочным звуком, что графически в транслитерации выражено в форме *'ум* = совр. каб. черк. *lum*. Наличие в эпиграфическом слове после *м* буквы *и* свидетельствует о стремлении языка преодолеть необычное стяжение согласных и открыть слог, если он не конечный, что является специфической чертой черкесской речи. Увулярный согласный *гѡ* передан двумя буквами — *г* и *кѡ*, причем *г*, поскольку она писалась вытянутой по горизонтали, расположена над *и*. Такое же графическое явление с *г* наблюдается во второй аланской надписи с Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 3). Второе слово: *зай'* — 'кому принадлежавший', соответствует современному причастию прошедшего времени *зейа* (*зая*) в том же значении.

Третье слово, *Лайук*, является именем собственным и соответствует современному *Лейыкѡуэ* (*Лейюкѡ*). Оно образовано от имени *Лай* (*Лей*) 'лишний' с присоединением к нему слова *кѡу* (*кѡуэ*) 'сын'. Черкесские имена со словом «сын» обычны и широко известны.

Четвертое слово, *зауэ* 'воин', в этой форме и значении было еще употребительно в первой половине XIX в. Сейчас говорят: *зауэл*.

Пятое слово, *Кууай*, как родо-племенное имя, на сегодня нам неизвестно. Оно состоит из корневого слова *куу* и весьма распространенного при образовании этнонимов аффикса *-ай* → *-ей* (ср. *Кѡэбэрдей* 'Кабарда', *Беслѡэней* 'Бесленей' и т. п.) После этого слова должен был бы стоять знак словораздела, он пропущен и условно восстановлен нами в круглых скобках.

Шестое слово, *лѡа" · 'бк* 'род', 'племя', соответствует совр. *лѡэпкѡ*. Наличие в надписи перед буквой *'* словораздела в форме одной точки поясняет нам, что слово *лѡэпкѡ* (эпигр. *лѡа" · 'бк*) воспринималось в VIII—X вв. как сложное, состоящее из двух знаменательных слов. Ныне знаменателен только второй компонент этого слова — *пкѡ* (← *пкѡы* 'кость', 'тело', 'основа'). В надписи слово интересно тем, что оно имеет носовой глас-

¹⁹⁸ Артамонов М. И. Саркел — Белая Вежа, с. 51—52.

¹⁹⁹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. II, вып. 2. Спб., 1899, с. 1049—1050.

ный *а*. Носовые гласные сохранились только в некоторых нижнечеркесских (адыгейских) диалектах (например, в шапсугском, бжедухском). Предшествующая букве *б* (*п*) придыхательная согласная, обозначенная нами в транслитерации через ' свидетельствует о том, что в состав комплекса *бк* (*пк*) входят смычно-гортанные (придыхательные) звуки.

Седьмое, последнее слово надписи, *лѣа"п'а* 'знаменитый был' (в контексте: 'знаменитого был'), соответствует совр. *лѣап'ащ*, диал. *лѣап'а*. О носовом *а* говорилось выше в связи с шестым словом. Там же говорилось о букве ' , обозначающей смычногортанность следующего за ней согласного, в данном случае *п*. Надпись свидетельствует, что показателем прошедшего времени исторически был формант 'а, потерявший со временем предшествующий гласному *а* гортанный согласный.

Обращаясь к содержанию надписи в целом, обращаем внимание на то, что она выполнена в прошедшем времени, она прочерчена до обжига и фляга была найдена в земле, на глубине 1,5 м. По-видимому, это был касожский могильник. Фляга была погребена вместе с воином-касогом, которому она предназначалась.

Восьмая буква надписи справа (см. табл. XIII, рис. 2) представляет, по-видимому, поврежденную временем букву *б*, какая налична и в пятой надписи Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 8). Две точки внутри развилины буквы *б* новочеркасской надписи представляют собой вероятный остаток горизонтальной линии, а зубчики при горизонтальных линиях головки — остаток разрушенной вертикальной линии.

В этой надписи особый интерес представляет родоплеменное название *Кууай*. Как этноним в черкесской племенной номенклатуре это название до наших дней не дожило. Было бы весьма заманчивым, учитывая, что буквой > в касожских и аланских надписях передается не только звук *к*, но и *кѣ*, видеть в названии *Кууай*, в корне *куу*, ассимилированное *кѣуу* → *кѣуу* 'лебедь'. Тюрк. *кѣуш* 'лебедь' в черкесский язык заимствовано настолько давно, что ныне факт его заимствования почти уже забыт. Если в названии *Кууай* заключено корневое слово *кѣуу* → *кѣуу* 'лебедь', то при общераспространенном черкесском аффиксе для обозначения племенных названий *-ей* (← *-ай*) этноним нашей надписи будет иметь значение: 'лебедеяне', а занимае-

мая ими территория — 'Лебедея'. Здесь невольно приходит на память Константин Порфирогенит с его «De Administrando Imperio», в котором *Λεβεδία*²⁰⁰, как это установлено исследователями, представляла собой территорию в Северном Причерноморье, занимаемую пришедшими сюда из-за Волги мадьярами и жившими здесь примерно с 30-х годов IX ст. до конца его²⁰¹.

Из сочинения Константина Порфирогенита мы узнаем, что *Λεβεδία* иначе называлась 'Ατελκούζου²⁰² и что эта «местность... (так) называется по имени протекающей там реки 'Ετέλ и также Κουζού»²⁰³.

Ч. А. Макэртней установил, что после Волги и ее притоков именем 'Ετέλ ('Ατελ) назывался Дон и что так он назван в мадьярских источниках, поэтому можно предположить что под Κουζού следует понимать второе тюркское название Дона, несколько искаженное в произношении информатора Порфирогенита. Здесь должно было быть Κουσοῦ (из тюрк. *кѣушсу* — 'Лебяжья река'), тогда как *Λεβεδία* явно имеет своим источником восточнославянскую речь.

Когда появилось это название и как долго оно существовало, судить трудно, но поскольку, как это видно из нашей надписи, в низовьях Дона обитало касожское племя *Кууай* — 'Лебедеяне', оно, по-видимому, получило это местное название от названия реки, а не наоборот. Сказать что-либо большее при данных источниках невозможно, как трудно судить и о том, насколько рано обосновалось и сколь долго жило здесь племя Кууев.

Перейду теперь ко второй касожской надписи на фляге из Новочеркасского музея (см. табл. XIII, рис. 1). Эта надпись, как и предыдущая, выполнена острием какого-то орудия до обжига фляги. Надпись состоит из четырех слов, отделенных друг от друга словоразделом в виде одной точки. Заключительный знак словораздела помещен в развилине последней буквы,

²⁰⁰ Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Ed. By. Moravcsik. Budapest, 1949, p. 170, 38, 38a.

²⁰¹ Gregoike H. Le nom et l'origine des Hungrois. Z.D.M.G., Bd. 91, 1937; Macartney C. A. The Magyars in ninth century. Cambridge, 1930.

²⁰² Macartney C. A., op. cit., p. 172, 38, 30.

²⁰³ «'Ο δέ τόπος... ονομάζεται κατὰ τὴν ἐπωνυμίαν τοῦ ἐκεῖσε διερχομένου ποταμοῦ 'Ετέλ γαί Κουζού». Macartney C. A., op. cit., p. 176, 40.

сверху. На эти словоразделы обратил в свое время внимание С. Е. Малов, который усомнился в том, что надпись тюркская. Вот эта надпись в транслитерации: *Лух'а·К'айсих·кан·К'айсихи* ·, что в переводе означает: 'Мужественный был Кайсих кан (воспитанник) Кайсиха'.

Первое слово слева, *лух'а*, соответствует совр. *лыхъу* (эпиграфически, с отражением регрессивной несмежной ассимиляции, *лух*)²⁰⁴ 'мужественный' и глагольного аффикса прош. вр. -а (эпиграфически -'а). Данная форма прошедшего времени уже встречалась в предыдущей надписи.

Во втором и четвертом словах надписи следует обратить внимание на букву в форме кружка, обозначающую а с предшествующим ей придыханием ('а), и на лигатуру, состоящую из косых крестов, пересеченных двумя вертикальными штрихами. Эти лигатуры состоят из букв с и двух и (см. табл. XIII, 2). Слово *К'айсих* (совр. *к'айсих*) представляет собой отглагольное имя-прозвище со значением: 'сюда сверху приплывший'. В современном ономастиконе оно нам не встречалось.

Третье слово, *кан* (совр. *к'ан*) 'воспитанник', до сего времени широко известно в черкесских языках. Оно заимствовано из тюркского и в нашей надписи свидетельствует о том, что институт аталычества был уже знаком касогам VIII—X вв.

Четвертое слово, поскольку оно разъяснено выше, требует только объяснения конечного -и. Это -и (-совр. -ы) представляет собой в именах собственных старый посессив.

Выполненная в той же технике и в том же прошедшем времени вторая надпись, как и первая, подтверждает нашу мысль о том, что фляги клались вместе с покойными в могилу как неотъемлемая их собственность²⁰⁵.

²⁰⁴ См. аналогичную передачу этого слова с ассимиляцией в графике у кабардинского филолога XIX в. Ш. Б. Ногма (Филологические труды, т. I. Нальчик, 1956, с. 183, словарь № 2068). Этот пример весьма поучителен для лиц, не осведомленных в вопросах взаимоотношения языка и письма.

²⁰⁵ Для средневекового периода, кроме текстов на Новочеркасских флягах, в нашем собрании из касожских памятников Придонья этого же письма налицо надпись на надгробной плите 910 г. и надпись на амфоре конца XII — начала XIII в. из Азова. К касожским относятся и хумаринские надписи с верховьев р. Кубани, датируемые X—XI вв. Все эти надписи подготовлены к печати.

Касожский язык надписей на флягах оказался так же полнокровен, как и аланский язык надписей на камнях Маяцкого городища на Дону. И здесь о языковой ассимиляции не может быть речи.

Присмотревшись к надписям на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея, нетрудно обнаружить, что буквы этих надписей выходят за пределы аланского и касожского письмен. Обратите внимание на тот факт, что некоторые из букв этих надписей по своему виду и звучанию либо совпадают с буквами глаголического и кириллического письма, либо отличаются от них очень незначительно. Наибольшее количество встреч, если иметь в виду не только официальный азбучный кодекс, но и палеографические отклонения от него, приходится на глаголический алфавит. Здесь нельзя не учитывать и того факта, что наши надписи выполнены, с одной стороны, на камне и керамике, с другой — не специалистами резчиками, а рядовыми людьми, знающими письмо. В этих условиях и угловатость букв, и их несоразмерность — явление обычное.

Достаточно взглянуть на табл. XIII, 3, чтобы убедиться, насколько сходны по хабиту и звучанию буквы подонских аланских и касожских надписей аланского (средневекового осетинского) дукта в сравнении с глаголическими и некоторыми кириллическими. А если это количество встреч увеличить за счет дополнительных букв аланских надписей, опубликованных в данной книге, и букв разных источников глаголического и кириллического славянского письма, то у читателя, пожалуй, возникнет мысль: а не созданы ли аланский и касожский алфавиты на основе славянского, настолько много оказывается в них букв славянского дукта и при том без каких-либо к тому натяжек.

Однако приходится отказаться от этой мысли, т. к. осетинские надписи интерпретируемого письма более ранних веков, чем в лесостепной полосе Европейской части России появились славяне.

В основу раннего восточнославянского письма, как это явствует из табл. XIII, 3, и в основу касожского письма, как это видно из табл. XIII, 2, легло средневековое осетинское письмо, уходящее своими корнями в древнеосетинское (скифо-сарматское) письмо арамейского дукта. О существовании собственного письма

у скифов, сарматов и алан имелись упоминания в греческих, латинских и сирийских источниках, начиная с V—VI вв. н. э.²⁰⁶

Чтобы представить, как реально выглядели эти упоминания, приведем здесь одно из них, тем более, что оно не учтено в публикации Н. В. Пигулевской. Свидетельство это извлечено нами из анонимной византийской Пасхалии VII в., опубликованной Нибуrom²⁰⁷. Текст его гласит: Οἱ δ' ἐπιστάμενοι αὐτῶν γράμματα εἰσὶν οὗτοι· Καππαδοκεῖς Ἰβηρεῖς οἱ καὶ Τυράννοι Ταβαρίνοι Λατίνοι οἷς χρῶνται δι' Ῥωμαῖοι Σαρμάται Σρανοὶ Σκυφεῖς Ἑλληνεῖς Βασταρνοὶ Μῆδοι Ἀρμένιοι. 'Знают же свои собственные письма суть: каппадокийцы, иберы, они же тираны, табарены, латины, ими же пользуются римляне, сарматы, испанцы, скифы, греки, бастарны, мидийцы, армяне.'

Для VII в. н. э. многие народы из подобного рода свидетельств оказываются уже отошедшими в историю, как это можно сказать о скифах и сарматах. Иногда под древними этнонимами подразумеваются более поздние, новые на данной территории народы. Свидетельства эти важны тем, что за ними, как бы они легендарны ни были, всегда скрывается действительность. Справедливость этой мысли читатель найдет и в данном очерке, и в данной книге.

Очерк 3. Аланская надпись на амулете из Донецкой области (IX в. н. э. Подонье)

В апреле 1967 г. от археолога Харьковского университета В. К. Михеева мы получили фотографию с амулета, найденного им в 1966 г. во время раскопок поселения салтово-маяцкой культуры у с. Мálки Слáвенского района Донецкой области. Археолог сообщил, что «Поселение Малки находится на правом высоком берегу р. Северный Донец. Комплекс состоит из городища, посада и могильника: Городище отделено от посада земляным валом и рвом. Остальная часть городища не имеет искусственных оборонительных сооружений.

²⁰⁶ Пигулевская Н. В. К вопросу о «письменных» народах древности // Древний мир.— М., 1962.

²⁰⁷ Chronicon Paschale, v. I, s. 48 [Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn. 1832).

Памятник относится к большим поселениям салтово-маяцкой культуры типа Карнауховского. Амулет найден на поселении в погребке № 47 вместе с амфорой VIII — первой половины IX в. и многочисленным сельскохозяйственным, ремесленным и бытовым инвентарем».

Амулет выточен из куса мелкозернистого сланца серого цвета с розовыми прожилками и имеет на одной из своих плоскостей надпись, сделанную каким-то острым инструментом. Почти в центре амулета просверлено круглое отверстие, через которое, вероятно, продевалась бичева или шнурок для ношения его при себе.

Хранится амулет в археологическом музее Харьковского университета. Надпись на амулете выполнена средневековым осетинским (аланским) письмом. Ее нужно читать слева направо в том положении амулета, как это показано в табл. XIV, на рис. 1 и 2. Все буквы надписи известны из ранее встречавшихся ираноязычных надписей Подонья, Северного Кавказа, Крыма и Венгрии. Текст хорошо читается по-осетински и отвечает назначению предмета.

По получении от В. К. Михеева, дополнительно к снимку, прориси с надписи (см. табл. XIV, рис. 2) и некоторых сведений в отношении неясно вышедших на фотографии букв, мы установили, что предварительное чтение надписи по фотографии было верным.

Надпись выполнена с лигатурой ряда букв, чем несколько затруднено ее чтение. Этот прием письма нельзя считать случайным. «Зашифровка» текста имела целью сделать амулет недоступным воздействию злых духов. Подобные приемы зашифровки текста на амулетах общеизвестны. Сравните, например, надпись на янтарной бусине из могильника у Рим-горы близ г. Кисловодска²⁰⁸.

Сильное увеличение фотографии с амулета позволило определить последовательность нанесения букв на плоскость сланца и раскрыть лигатуры. Линии общие нескольким буквам прочерчены на рис. 3 пунктиром.

Палеографическая сторона надписи с отношением ее букв к другим памятникам письменности этого дукта представлена в таблице XIV.

Высказанный нами при изучении надписей Маяцкого

²⁰⁸ ТППЯ, гл. III, очерк 5 и здесь, гл. II, очерк 9.

городища взгляд на то, что предки современных осетин скифо-сарматы и аланы имели в прошлом собственное письмо арамейского дукта, полностью подтвердился. Найдено и исследовано значительное количество памятников письма древней и средневековой осетинской речи на разных предметах археологического характера, часть которых опубликована в данной книге, а часть в других изданиях. Этот материал приводит к заключению, что, начиная с VIII в. до н. э., предки осетин пользовались письмом арамейского дукта, приспособленным к особенностям их речи. Писали слева направо на предметах бытового, культового и военного назначения: посуде, камнях, страках, печатках и стрелах. Надписи немногословны и выдержаны в нормах иранской речи. Письмо обладало большой графической диалектальностью при весьма ограниченном употреблении. Подавляющее большинство населения было неграмотно, отсюда, как следствие, нечасты находки памятников. Древнеосетинское письмо на арамейской основе в средние века, вероятно, в VII в., стало вытесняться сиро-несторианским письмом. Образовался смешанный тип письма, где сжились обе основы графики, так как сиро-несторианское письмо по происхождению было также арамейским. Надпись на амулете из Донецкой области являет собой как раз письмо этого типа. Это то самое аланское письмо, каким выполнены надписи на камнях Маяцкого городища, надпись на янтарной бусине из катакомбного аланского погребения с Римгоры близ Кисловодска²⁰⁹ и в граффити и надписях на сосудах из Надь-Сен-Миклоша, которые оказались аланскими²¹⁰.

Надпись на амулете состоит из трех слов, 12 букв, две из которых — 4 и 7 повторяются, а две — 2 и 12 представляют собой графические варианты одной и той же буквы. В транскрипции современным осетинским пись-

²⁰⁹ Хранится в Пятигорском краеведческом музее.

²¹⁰ Опубликованы венгерским тюркологом Ю. Неметом, который пытался читать их как печенежские. См. его *Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Bibliotheca Orientales Hungarica*, II, Budapest, 1932. Язык надь-сен-миклошских надписей в чтении Ю. Немета содержит значительное количество странных форм, несовместимых со структурой тюркской речи. Это дает право считать их нетюркскими, тем более, что аланский язык уложился в надписи грамматически и лексически без каких-либо отклонений от норм осетинской речи (См. здесь, глава II, очерк 10).

мом с переводом она гласит *айсæд нæ зынты* (м. б. *зин-ти*) — 'да возьмет он наши тяготы!'

Графика письма не позволяет определить диалект языка. Единственной буквой, которая могла здесь сказать что-либо по этому поводу, является *ы*, но для нее в средневековом аланском (осетинском) письме не было особого знака. Буквы *ы* и *и* не различались. Вот почему слово *тяготы* транскрибируется нами в двух формах: ирон. *зынты* (|| диг. *зинти*).

По археологическим данным, амулет относится к IX в. Письмо и палеография надписи не противоречат этой датировке. Надпись на амулете лишний раз подтверждает давно существовавшее мнение, что носителями салтово-маяцкой культуры были предки современных осетин, называемые аланами или ясами русских летописей.

Амулет с надписью с поселения Мálки Донецкой области является новым памятником аланского (осетинского) быта, языка и письма.

Очерк 4. Фрагмент хозяйственной надписи на обломке сосуда из Херсонеса (IX—X вв. н. э. Крым)

В 1963 г. при археологических раскопках в Херсонесе, производимых экспедициями Харьковского университета и Эрмитажа, на северном краю городища в слоях IX—XI вв. н. э. был найден обломок сосуда с небольшим граффито. На лощеной поверхности сосуда была процарапана фигура скачущей лошади, от которой на обломке сохранилась треть: пышный развевающийся хвост, две задние ноги, круп и часть туловища, накрытая чепраком. Граффито прочерчено над фигурой лошади, но не так глубоко, как сама фигура (см. табл. XV, рис. 1).

Надпись выполнена сирийско-несторианским письмом того дукта, который мы называем средневековым осетинским (аланским). В ней сохранилось четыре полных и одна неполная буквы. Протяженность сохранившейся части надписи 2,2 см, величина букв от 2 до 4 мм. Между первой и второй буквами лощеная поверхность выщерблена. Надпись читается, как и все, слева направо. Для ее прочтения фрагмент сосуда нужно по-

вернуть так, чтобы фигура лошади оказалась кверху ногами.

Первой буквой слева является сирийско-несторианская *pe* хабита, типичного для средневекового осетинского письма. В осетинском она употребляется в значении *ф* и по форме отличается от сирийско-несторианской *pe* тем, что повернута по часовой стрелке на 90°. Горизонтальный штрих ее основания оказывается при таком положении либо вертикальным, либо несколько наклоненным влево, а головка часто обращенной вверх. Вторая буква граффито, *jod*, имеет ту форму вертикального прямого штриха, которая утвердилась еще в древнем арамейском дукта осетинском письме, известном нам из надписей на баночных сосудах. В данном случае *jod* передает осетинский знак *ы*. Третьей буквой граффито является типичная сирийско-несторианская *he*, передающая осетинское *х*. Четвертой буквой граффито является сирийско-несторианская *'ajin*, повернутая влево на 90°. Буква *'ajin* в письме сирийско-несторианского дукта передает осетинское *æ*. Значение пятой фрагментарной буквы устанавливается из контекста (см. табл. XV, рис. 2). Своеобразие букв данной осетинской надписи в сравнении с типичными сирийско-несторианскими хорошо видно из палеографической таблицы (см. табл. XV). Палеографическая датировка надписи не противоречит археологической — IX—X вв. н. э.

Целых букв в граффито четыре: *фыхæ*. На сосуде, очевидно, была процарапана фраза *фых æ* [*хсыр*] — 'кипяченое (топленое) молоко'. Дукт письма херсонесского граффито является общим с дуктом средневековых осетинских надписей Подонья и Северного Кавказа. Поскольку надпись сделана на бытовом предмете и имеет утилитарное значение, нет никаких сомнений, что и в Крыму у средневековых осетин письмо было таким же обычным явлением, как в Подонье и на Северном Кавказе.

Очерк 5. Надписи на глиняном горшочке из-под с. Обильного на р. Куме (IX—XI вв. Северный Кавказ)

По сведениям, полученным от археолога Э. В. Ртвеладзе, обстоятельства находки горшочка с надписями малоизвестны и скудны. Обнаружен он обильненскими

ребятишками в обрезах р. Кумы и доставлен в школу. В 1962 г. сотрудник Пятигорского краеведческого музея Е. Е. Ивашнев взял его из школы и передал в музей. О нахождении его в Пятигорском музее впервые было сообщено в статье археолога В. А. Кузнецова, где автор, находясь под влиянием гипотезы тюрколога А. М. Щербака, относит данный горшочек с письменами к памятникам тюркской культуры, а сами письма считает вслед за А. М. Щербаком вариантом тюркского рунического письма. В статье В. А. Кузнецова воспроизведен схематический рисунок горшочка, а из надписей прочерчена небрежно только одна, прорись которой отдельно не дается. Судя по тексту статьи, В. А. Кузнецов сам не видел горшочка. Прорись надписи была ему прислана музеем²¹¹.

Благодаря содействию Э. В. Ртвеладзе и любезности дирекции Пятигорского музея мы получили возможность самым детальным образом изучить надписи на горшочке и сделать с них идеальные фотоснимки.

Горшочек, который воспроизведен на табл. XVI, рис. 1—4, изготовлен с большим искусством. Цвет его темно-серый, обжиг хороший. Венчик сосуда отбит. Две надписи на горшочке сделаны на нижней части тулова, третья, со схематическим рисунком конской головы, — на дне сосуда. Надпись с рисунком на дне сосуда и одна на тулове сделаны до обжига. Другая надпись на тулове прочерчена каким-то острием после обжига. Дукт письма надписи на доннышке горшочка целиком сирийско-несторианский. В надписи три слова, причем каждое из них дано в лигатуре букв. Форма букв, несмотря на то, что некоторые из них занимают непривычное положение, легко распознается (см. табл. XVI, рис. 5). Раскрывая лигатуры слов фразы на доннышке сосуда, убеждаемся, что первое из них состоит из букв: *h, w, n, ' ,* второе — из букв: *b, h* и отдельно стоящей справа буквы *j*, третье — из букв: *d, q* и подписанной снизу под ней *j*. Чтобы возможно яснее представить себе, как раскрываются лигатуры, приводим небольшую табличку, в которой сопоставляются буквы данной надписи с соответственными буквами сирийско-несторианского письма (см. табл. XVI, 2).

²¹¹ Кузнецов В. А. Надписи хумаринского городища // СА, 1963, № 1, с. 299.

В целом состоящая из трех слов фраза на донышке сосуда под конской головой транскрибируется в сирийско-несторианском письме: hwn' b(α)hj d(w)qj, что соответствует осет. диг. *хуынæ бæхи догъи* — 'дар конских скачек'.

Решить вопрос о диалекте осетинского языка помогает первое слово, где стоящая в лигатуре с nup сир.-нест. 'ajin, соответствует в аланской графике, как известно, осетинскому æ. Это дает возможность воспроизвести первое слово в форме диг. *ху(ы)нæ*, а не ирон. *ху(ы)н*. Пропуск гласных в словах втором и третьем — явление для сирийско-несторианского письма обычное. Впрочем, в третьем слове может быть в одной фигуре с waw слито qof, поскольку в надписях точка при daleth могла и не обозначаться. Любопытно отметить, что пишущий обозначил увулярное осетинское гъ через qof, а не передал его через сочетание двух графем. Поскольку фраза 'дар конских скачек' скрыта в достаточно сложной для чтения лигатуре, можно думать, что она вместе с конской головой могла иметь священное, ритуальное значение.

Вторая фраза на тулове сосуда, сделанная до обжига, состоит из четырех букв аланского средневекового письма (см. табл. XVI, рис. 6). Три из этих букв известны из других представленных в нашем исследовании аланских надписей, дукт которых не сирийско-несторианский. Последовательно читаемые слева направо эти буквы обозначают *а*, *и* (j), *а*.

Четвертая буква интерпретируемой здесь фразы является типичной сирийско-несторианской šin, поставленной из горизонтального положения в вертикальное. Единственной графической особенностью этой буквы в аланском письме являлось то, что верхний штрих ее развилки оказывался иногда загнутым вниз. В целом фраза (см. табл. XVI, рис. 6) читается слева направо: *а jaš*, что соответствует осет. *а йас* — 'это ас. (яс)'.

Поскольку фраза на донышке горшочка, выполненная до обжига, оказалась дигорской, можно предположить, что данная фраза также дигорская. Слово *ас* (яс) было одним из самоназваний осетин в прошлом. В этом смысле оно существовало на Северном Кавказе весьма долго и в XIII—XIV вв. перешло здесь на вытеснивших алан карачаево-балкарцев. Судя по назначению сосуда и фразе 'дар конских скачек' слово *ас* (яс),

вероятно, имело и другую семантику: 'хороший наездник', 'джигит'. Последнее подтверждается третьей надписью на горшочке, прочерченной после обжига, когда сосуд как дар вручался победителю конских скачек. Фраза выражает, как мы увидим ниже, восхищение доблестью победителя.

Третья фраза на горшочке выполнена, как и вторая на тулове, буквами сирийско-несторианского письма. Буквы, несмотря на то, что некоторые из них занимают непривычное положение, легко распознаются (см. табл. XVI, рис. 7, 8). Ниже приводим таблицу, в которой сопоставляются буквы этой, третьей, надписи с соответствующими буквами сирийско-несторианского письма (см. табл. XVI, 1).

В целом третья надпись транскрибируется в сирийско-несторианском письме так: 's 'g 'ass'an j[es], что соответствует осет. диг. *æцæг ассан й[ес]* — 'настоящий (истинный) ас е[сть]'.

Наличие формы диг. *ассан* вместо ирон. *асиаг* со всей определенностью подчеркивает опять-таки дигорский диалект осетинской речи²¹². Слово *ассан* соответствует современному диг. *ассон* — 'балкарец' и исторически отвечает нормам речи. Суффикс *-ан* вместо *-он* держался очень долго. В XIII—XIV вв., как можно судить по топонимике осетинских названий в горной Балкарии и Карачае, он был еще живым. Старое значение слова *ассан* — 'осетин'. Существительный глагол 'есть' пишущий недописал. Острие ножа или кинжала сорвалось и дало длинный росчерк.

Однако, как информировал нас осетиновед М. И. Исаев, сам дигорец, третью фразу можно толковать и как иронскую, поскольку этноним *ассан* (совр. *ассон*) употребителен в этой форме не только у дигорцев, но и у иронцев. В последнем случае существительный глагол 'есть' окажется в форме *і* (*и*) и не нужно будет полагать, что исполнитель недописал фразы из-за срыва острия ножа или кинжала.

Датировать надпись на глиняном горшочке из с. Обильного на р. Куме в узких рамках трудно. В целом по форме букв (несторианских и не-несторианских) она может быть отнесена к IX—XI вв. Археологический

²¹² ОЯФ, с. 425, п. 7.

объект как случайная находка, выполненная к тому же весьма оригинально, реальных параллелей для датировки не дает.

Очерк 6. «Податная» запись на остраке из Саркела (X в. Подонье)

Острака с процарапанной на ней записью была найдена в Саркеле экспедицией археолога М. И. Артамонова²¹³. На остраке сохранилось шесть неполных строк текста, содержащих, по моим подсчетам, 43 письменных знака, включая фрагментарные (см. табл. XVII, рис. 1 и 2). Археолог М. И. Артамонов, по-видимому, полагал, что запись выполнена славянским кириллическим письмом, иначе как бы он мог утверждать, не называя письма, что, «по палеографическим признакам, надпись эта датируется не позже первой половины XI в.»²¹⁴ Той же точки зрения придерживается и другой исследователь — А. М. Щербак, который едва ли независимо от М. И. Артамонова, хотя и несколько позже его, утверждал, что «надпись составлена из букв кириллицы»²¹⁵, хотя по-славянски и не читается.

Острака отбита и поистерта, особенно по краям, но благодаря тому, что текст состоит из шести строк и достаточного количества повторяющихся знаков письма, дукт письма записи на остраке определяется совершенно точно: средневековое осетинское письмо (см. палеографическую таблицу XVII).

В записи на остраке, кроме букв сиро-несторианского письма, налицо буквы салтово-маяцкого и древнеосетинского письма арамейского дукта, а также цифры арамейского счета. В орфографическом отношении запись малограмотна, в палеографическом весьма пестра. По палеографическим данным, запись датируется X в. Несмотря на фрагментарность записи, текст хорошо интерпретируется на осетинском языке. С устранением орфографических ошибок и восстановлением в скобках недостающих частей слов, транслитерация и перевод записи на осетинский и русский языки таковы:

²¹³ СА, XVI, 1952, с. 42—76.

²¹⁴ Там же, с. 60.

²¹⁵ Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичях из Саркела — Белой Вежи // Труды Волго-Донской экспедиции, т. II, — М. — Л., 1959, с. 366.

- 1 ...qw ša[rdaɾæn]
- 2 10ga(j) lag...
- 3 ...w qan hw[mgænægæj]
- 4 2 ga(j) aš iw[ašajrag]
- 5 16 ga(j) hw ihwa[si]
- 6 jasa(j) qw j[esun]
- 1 ...хъ(æ)ў сæ[рдарæн]
- 2 10 га(ў) лæг...
- 3 ...ў хъан ху[(ы)мгæнægæй]
- 4 2 га(ў) ас иу[ацайраг]
- 5 16 га(ў) ху хъа[си]
- 6 йасæ(ў) хъ (æ)ў(ы) й[есун]
- 1 ...сельскому пра[вителю]
- 2 по 10 мужчин...
- 3 ...(из) ханских пах[арей]
- 4 по 2 взрослых нев[ольника]
- 5 по 16 (малых) копен се[на]
- 6 с ясов нужно по[лучить]

Перед нами, по-видимому, податная запись. В первой строке слева перед словом хъ(æ)ў — 'селение', которое написано с арамейского дукта буквы qof с несторианским waw и опущенным по арамейской традиции письма гласной а, следовало бы ожидать название селения. Левый край остраки стерт настолько, что на нем не удастся обнаружить никаких следов букв. Количество ясских селений вокруг Саркела было немалым и приходится только сожалеть, что мы никогда не узнаем названия селения, правителю коего была адресована запись.

Слово сæрдар — 'правитель' написано с šin сиро-несторианского хабита. Вертикальное положение этой буквы, по сравнению с несторианской, в средневековом осетинском письме обычно. Осетинское слабое æ передано в слове через сиро-несторианское 'alef, а не через 'ajin, как бы ожидалось, исходя из норм древнеосетинского письма, которые унаследовались средневековым письмом. В графике записи æ и а смешиваются.

В начале второй строки выписано числительное 10. Оно передано по-арамейски — горизонтальной чертой. За числом следует аффикс разделительного числительного га(ў). В записи он везде передан без конечного -й. Было ли это явление диалектной чертой местного говора ясского диалекта осетинского языка, на котором сделана запись, или это явление графическое — сказать

трудно. Судя по аффиксу отложительного падежа последней строки текста, который выписан также без *й*, мы имеем, вероятно, дело с диалектной чертой. В разделительном аффиксе — *га(й)* после салтово-маяцкого хабита «г» написана арамейская *heth* в.м. *he*, которая *matres lectionis* в древнеосетинском письме первоначально передавала сильное осетинское *а*. В аффиксе *га(й)* замена *he* на *heth* дана во всех случаях. Писавший был недостаточно грамотен и в письме смешивал арамейское *he* с *heth*.

Для маяцкого «г» в аффиксе — *га(й)* использован модификат сиро-несторианского *h*. Отсюда следует, что в ясском *г* был звуком фрикативным. В связи с этим сравните ниже аффикс *га(й)* в пятой строке текста записи на остраке. Следующее за разделительным числительным 10 *га(й)* — ‘по десяти’, осетинское слово *лæг* — ‘мужчина’ написано через *heth* -*a*, а не через *‘ajip* -*æ*. Перед нами новый случай графического смешения *а* и *æ*. Если считать слово *лæг* кавказским субстратом, то сюда, в Подонье, оно было занесено аланами, пришедшими вместе с хазарами.

Третья строка текста начинается с сиро-несторианского хабита буквы *waw*. Этот остаток какого-то слова, служившего определением к следующему за ним слову *хъан*. Возможно, что здесь был тот топоним, который не сохранился в начале записи и который оканчивался словом *[хъæ]й* — ‘селение’. Слово *хъан* выписано на остраке с арамейского дукта *qof*, за которой следует сиро-несторианского хабита ‘*alef*, поставленная в вертикальное положение, а за ней сиро-несторианского хабита *pip*, также в необычном для нее положении (см. палеографическую таблицу XVII). Слово *хъан* является относительным определением к следующему за ним слову, от которого осталось на остраке только две буквы. Первая из них сиро-несторианская *he* зеркальной обращенности, поставленная вертикально, а вторая *waw* -*й*, той формы, что дважды встретилась в танаисских надписях со словами *п(иш)лут*, *п(иш)лутан* — ‘жирное пиво’²¹⁶. Букву этого хабита следует отнести к собственно салтово-маяцким (см. палеографическую табл. XVII). Буквы *he* и *waw* передают слог *ху*, являющийся, очевидно, началом слова

ху[(ы)мгæнæг] — ‘пахарь’. За буквой *waw* на остраке сохранился след сиро-несторианской *tem*.

Четвертая строка текста на остраке начинается с арамейского дукта числительного 2, от которого, в арамейском его написании, осталась внизу только часть знаков в виде двух параллельных черточек. Число могло быть бóльшим, т.к. по-арамейски (а вслед за ним и по-осетински) постановкой единиц одна за другой можно было обозначить любое число до девяти включительно. Будем условно считать, что здесь было число 2. За числовой величиной следует разделительный аффикс *га(й)* с буквами точно такого же хабита, как во второй строке записи. За разделительным числительным «по 2», с присущими средневековому осетинскому письму графическими особенностями в сиро-несторианском дукте выписано слово *аш*-совр. осет. *ас* — ‘взрослый’, как определение к следующему за ним, как я полагаю, слову, *иу[ацайраг]* — ‘невольник’. Слово *иу[ацайраг]* — ‘невольник’ написано с определенным дигорского звучания артиклем «и», поставленным не на месте. Он ожидался бы перед словом *аш* (-*ас*). Интересно, что это слово написано через *sin*. Звук *ш* в этом, как и в других случаях, характеризует ясскую диалектную норму произношения²¹⁷.

Пятая строка записи на остраке начинается со сложного числительного. Оно выписано по нормам арамейского счета справа налево, хотя самое письмо читается слева направо. Числительное состоит из цифр 10, 5 и 1. От последнего осталась в граффито только малая верхняя часть. Цифра 5 в осетинских надписях встретилась впервые. Сумма цифр 10 + 5 + 1 составляет число 16. Числительное поставлено в позиции разделительного с аффиксом — *га(й)* — ‘по 16-ти’. Следует отметить, что аффикс *га(й)*, как и в предыдущих двух случаях, выписан без -*й* и через сиро-несторианскую *he*, что говорит о фрикативности в нем звука *г*. Гласная *а* аффикса *га(й)*, как и в двух предыдущих случаях, передана через *heth* в.м. *he* *matres lectionis*. Следующее слово строки — *ху* ‘копна’ выписано через сиро-несторианскую *he* и *waw*. За этим словом следует в форме дополнения существительное «сено». От слова сохранилась только часть: определенный артикль *и*,

²¹⁶ См. здесь главу 1, очерк 11.

²¹⁷ См. в главе II очерки 1 и 2.

написанный точно так же как в слове *иў[ацайраг]* — 'невольник' четвертой строки, и три буквы самого слова «сено»: *he*, *waw* и *heth -a*, в сложении дающие слог *хѳа*-. Судя по сохранившейся части слова, оно произносилось по-дигорски *хѳа[сə]*. Существующее в науке мнение, что ясский диалект был смешанным ироно-дигорским, получает новое подтверждение²¹⁸.

Последняя, шестая, строка граффито начинается с буквы *й* древнеосетинского письма в виде прямо-стоящего штриха, за ней следует сиро-несторинская *'alef*, затем салтово-маяцкая *c* и далее *heth* в функции *a*, той же, что и в разделительном аффиксе *-га(й)*. Эти четыре буквы организуют осетинский этноним *йаса(й)-ясѳй* в отложительном падеже. Отсутствие конечного *й* располагает к мысли, что в диалекте записи этот звук в ауслауте, был очень слабым, как бы не произносился и потому исполнителем записи не писался. Две следующих буквы *qof* арамейского хабита и *waw* сиро-несторинского, передают слово *хѳ(ѳ)й* — 'нужно'. Последняя буква граффито — сиро-несторинская *jod* представляет собой начало несохранившегося на остраке дигорского звучания глагола *й[есун]* — 'получить'.

В целом фраза *йаса(й) хѳ(ѳ)й й[есун]* — имела значение: 'с ясов нужно по[лучить]'. Заключительные строки текста подтверждают, что мой взгляд на граффито как на податную запись, вполне вероятен.

Саркельская запись на остраке является ярким примером того, что представляет собой некодифицированное письмо, письмо «без утроения», каковым было средневековое осетинское.

Очерк 7. Аланские слова и буквенные меты на альчиках салтовского могильника (IX—X вв. н. э. Харьковская обл.)

В 50 км от Харькова на территории Салтовского и Волчанского районов, вблизи селения Верхнее Салтово, на правом берегу р. Северский Донец в 1900 г. был обнаружен катакомбный могильник.

²¹⁸ Németh J. Eine Wörterliste der Jassen, ungarländischen Alanen. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Berlin. Klasse für Sprachwiss., Lifer, und Kunst, 1958, 4, S. 1—36.

С года обнаружения и до сих пор могильник подвергается систематическим раскопкам. Салтовский могильник находит себе полную аналогию в погребениях селений Чми, Верхняя Рухта, Кумбулта и Камунта в Северной Осетии.

О принадлежности салтовского могильника средневековым осетинам-аланам говорит не только материальная культура могильника, но и эпиграфический материал, обнаруженный в нем во время раскопок в 1947—1948 годах экспедицией С. А. Семенова-Зусера и до сих пор никем не исследованный²¹⁹.

В катакомбе № 4 (1948 г.) значительный интерес представила находка астрагалов (бараньих косточек), называемых русскими на Северном Кавказе альчиками, а осетинами *хѳул*. Они были сложены пирамидой. Археолог пишет, что на 14 астрагалах из 69 были какие-то буквоподобные знаки. 8 астрагалов были просверлены то в одном, то в нескольких местах. В конце 60-х годов нам предоставилась возможность, благодаря любезности харьковского археолога В. И. Кадеева, осмотреть астрагалы, сделать с них фотографии и прорисовки и убедиться в том, что в «буквоподобных знаках» представлено средневековое осетинское письмо, отчасти того дукта, что на камнях Маяцкого городища VIII—X вв., а более дукта сиро-несторинского²²⁰.

Осетинских слов, написанных на альчиках полностью, оказалось три. На альчике № 3 четко вырезано слово *иш*, равное совр. осет. ирон. *ис* в значении 'достаток'. С палеографической стороны слово состоит из буквы *и* того дукта древнеосетинского письма, которая впервые появляется в надписи на баночном сосуде V в. до н. э. из Горной Пролейки²²¹ и держится в этом хабите во многих древних, а затем средневековых надписях осетинского письма. Вторая буква слова — типичная сиро-несторинская *šip*, поставленная в вертикальное положение. Точно такую букву мы видим в надписи на кирпиче из Саркела²²².

На альчике № 7 начертано хорошо читаемое слово

²¹⁹ Семенов-Зусер С. А. Дослідження салтівського могильника. Археологічні пам'ятки УРСР, т. III.— Київ, 1952, с. 271—284.

²²⁰ См. здесь, табл. XVIII.

²²¹ См. здесь, глава I, очерк 2, табл. II.

²²² См. здесь, глава VI, очерк I, табл. XXV.

ихъаурæ, равное совр. осет. дигорскому слову со значением 'доблесть'. Слово интересно тем, что оно написано с определенным артиклем *и*, сохраняемым и до сих пор в дигорском диалекте. По недостатку места на альчике буквы слева *ихъаурæ* расположены столбцом сверху вниз, набегая одна на другую, однако, независимо от этого, слово хорошо читается. Дукт письма в основном сиро-неστοрианский. Некоторые из букв в этом хабите уже встречались в надписях на камнях Маяцкого городища.

Палеография слова такова. Начинается оно с буквы *и* того же хабита, что и в предыдущей надписи — вертикального, прямостоящего штриха. К этой букве вплотную в нижней части примыкает сиро-неστοрианского письма буква *qof* в виде неправильного четырехугольника. Ее пересекает с длинным стержнем буква *a* того образца, который нам хорошо известен из маяцких надписей. Буква представляет соответственно перевернутую сиро-неστοрианскую 'alef. Далее идет сиро-неστοрианского хабита буква *waw*, выполняющая в осетинском письме функцию звука *y*, за ней *p* маяцкого хабита, но иной обращенности и завершает слово 'ajip сиро-неστοрианского хабита, в средневековом осетинском передающая звук æ²²³.

Дигорское слово *хъаурæ* — 'доблесть' считается в осетинском заимствованным из тюркского языка. В иронском диалекте ему соответствует форма *хъару*. В тюркском *къару* означает 'сила'.

На альчике № 12 начертано буквами сиро-неστοрианского письма осет. ирон. слово *æв(ы)д* — 'благополучный', 'невредимый'. С палеографической точки зрения в слове все выдержано в норме осетинского письма сиро-неστοрианского дукта: звук æ передан сиро-неστοрианского хабита буквой 'ajip, поставленной почти вертикально, далее следует сиро-неστοрианская *waw*, передающая совр. осет. *в* и заключает слово буква *daleth*, опять сиро-неστοрианского хабита. Звук *ы* в слове не выписан и поставлен нами в скобки²²⁴.

Исследуя слова и меты на альчиках, мы пришли к мысли, что ими, вероятно, обозначались различные стороны человеческой личности и жизни. Альчики были игральными костями и когда игроку выпадал альчик с тем

или иным начертанным на нем словом, он считал это знаменем судьбы.

Если эта точка зрения верна, то вслед за альчиками № 3 с иронским словом *иш* (= совр. *ис*) — 'достаток', № 7 с дигорским словом *ихъаурæ* — 'доблесть' и № 12 с иронским *æв(ы)д* — 'благополучный', 'невредимый', остальные сокращенные слова и буквенные меты можно, предположительно, расшифровать так: альчик № 1 *ант* (= ирон. *æнт* [ыст], диг. *æнт* [æст] — 'удача', альчик № 2 *нис* (= диг. *нис* [ан]) — 'цель',

альчик № 4 *ан* (= ирон. *æн* [тыст], диг. *æн* [тæст]) — 'удача',

альчик № 6 *ин* (= ирон. *ин* [гæн]) — 'могила',

альчик № 8 *н(ы||и)ш* (= диг. *н(и)с* [ан], ирон. *н(ы)с* [ан]) — 'цель',

альчик № 10 *з* (= диг. *з* [ин], ирон. *з* [ын]) — 'тягота',

альчик № 11 *н* (= диг. *н* [ивæ], ирон. *н* [ыв]) — 'счастье'²²⁵.

На семи альчиках две меты оказались негативными: ирон. *ин* [гæн] — 'могила', диг. *з* [ин], ирон. *з* [ын] — 'тягота'. Если меты расшифрованы верно, то в последнем случае нельзя не вспомнить аланскую надпись на амулете IX в. из Донецкой области: *æйсæд нæ зынты* (м. б. *зин-ти*) — 'да возьмет он наши тяготы!'²²⁶. Надпись на амулете показывает, что достаточно было написать слово и носить писанку с ним при себе, чтобы тяготы жизни были отвращены. Перед нами магия слова.

Соображения эти возникли в связи с тем, что там же, в Салтове, С. А. Семеновым-Зусером в 1947 г. в катакомбе № 9 с двумя костяками были обнаружены альчики — один с полным словом ирон. *аиб* (совр. осет. *аипп*) — 'недостаток', 'порок', просверленный и носившийся как амулет, другой целый с буквенной метой *т* раскрытой нами как ирон. *т* [ых] — 'сила', 'мощь'²²⁷.

Интересно, что слово *аиб* выписано на альчике в форме, отвечающей араб. перс. *атб*, а не осетинскому *аипп*. Вероятно, это слово вошло в осетинский язык салтовских поселенцев сравнительно недавно.

Надпись любопытна с палеографической стороны.

²²⁵ Оригинальное начертание этих слов и их палеографическую сторону см. здесь в табл. XVIII, № 1, 2, 4, 6, 8, 10, 11.

²²⁶ См. здесь, глава II, очерк 3, табл. XIV, рис. 3.

²²⁷ См. здесь, табл. XVIII, № 13, 14.

²²³ См. здесь, табл. XVIII, № 7.

²²⁴ См. здесь, табл. XVIII, № 12.

Начинается она с буквы, передающей дифтонг *ай* в том хабите, в котором эта буква знакома нам в этой форме и звучании в таласской тюркоязычной надписи аланского (ясского) письма XII в. н. э.²²⁸, а заканчивается буквой *б* того хабита, что засвидетельствована в маяцкой надписи VIII—X вв. в имени *Бан (-Бен) 'Атыф*²²⁹. Высказанное во «Введении» к этой книге соображение о том, что в подонские массы алан вместе с гуннскими ордами могли влиться в каком-то количестве среднеазиатские приаральские ясы, оказывается таким образом палеографически подтвержденным.

С исторической стороны салтовские средневековые осетины представляют значительный интерес. Было бы весьма полезным, если бы ими пристально занялись осетинские этнографы и подтвердили или опровергли наши соображения относительно чтения сокращенных слов и мет на альчиках.

С диалектальной стороны салтовские осетины представляли собой ясский диалект осетинского языка, — смесь дигорского с иронским. Первым памятником, подтверждающим наличие этого диалекта в Северном Причерноморье, является калиновская надпись II в. н. э. из Одесской области.²³⁰

Очерк 8. Фрагменты аланских граффити с городища Титчиха (X в. н. э. Среднее Поволжье)

Во время раскопок восточно-славянского городища Титчиха²³¹, производившихся археологом А. Н. Москаленко с 1954 по 1962 г., среди лепной керамики были обнаружены фрагменты сосудов салтово-маяцкого типа. Керамика этого типа составляет около 10% всего керамического материала городища. Обломки ее встречены во многих жилищах, хозяйственных ямах и на свободной от построек территории городища. А. Н. Москаленко полагает, что аланское население Титчихи было пришлым

²²⁸ См. здесь, главу VI, очерк 3, табл. XVII, рис. 2.

²²⁹ См. здесь, главу II, очерк 2, табл. XIII, рис. 8.

²³⁰ См. здесь, главу I, очерк 11.

²³¹ Городище находится в 90 км южнее г. Воронежа к северу от хутора Титчиха Старо-Хворостанского с. Лисичанского р-на Воронежской области, на правом берегу р. Дона.

и составляло на городище среди славянского (вятичского) населения, незначительный процент. Незначительный процент составляла и оставленная аланами керамика. На основании ряда объективных данных А. Н. Москаленко заключает, что городище Титчиха перестало существовать не ранее конца X в., хотя по некоторым вещам (например, браслету XII—XIII вв. в полуземлянке № 17 (можно полагать, что жизнь здесь) замерла значительно позже²³².

Последнее предположение находит свое подтверждение отчасти и в одном граффити памятников средневекового аланского (осетинского) письма городища Титчиха, которые интерпретируются нами ниже.

С городища Титчиха в нашем распоряжении имеется три графических объекта:

1. Фрагмент стенки сосуда салтово-маяцкого типа с граффити осетинского средневекового письма сирийско-несторианского дукта (см. табл. XIX, рис. 1).

2. Фрагмент стенки сосуда, также салтово-маяцкого типа, с одним буквенным знаком, сделанным по сырому тесту (см. табл. XIX, рис. 2).

3. Фрагмент камня с частью надписи, выполненной буквами письма маяцкого дукта (см. табл. XIX, рис. 3).

В 1963 г., благодаря любезности А. Н. Москаленко, мы имели возможность лично ознакомиться в г. Воронеже с первым и вторым графическими объектами. С обоих были сделаны эстампажи и прориси, а с объекта № 2 — фотография. В исследовании объекта № 3 мы будем пользоваться только прорисью и фотографией.

1. Осетинское граффити на стенке сосуда процарапано после обжига. Несмотря на то, что на обломке цельных буквенных знаков осталось только три, а остальные в той или иной степени фрагментарны, из сохранившихся и полусохранившихся букв можно заключать, что граффити, за исключением одной буквы, было исполнено в дукте сирийско-несторианского письма (см. рис. 1 и палеографическую табл. XIX). С восстановлением утраченных частей букв в граффити насчитывается 9 знаков (соответствующих 10-ти буквам). В целом в прориси оно представляется в виде, показанном на рис. 1. Как и все средневековые осетинские надписи, граффити чита-

²³² Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. — Воронеж, 1965.

ется слева направо. Первый знак верхней строки граффити изображал, по нашему мнению, букву *ṣm* того хабита, в котором она засвидетельствована в осетинской надписи на пряслице с городища Уллу-Дурбала близ Кисловодска (см. здесь глава II, очерк 11, табл. XXII) и в семиреченской сирийско-несторианской надписи под 1574 г. селевкидской эры (1263 г. христ. эры)²³³. Второй вилообразный знак граффити представляет собой букву маяцкого письма, употреблявшуюся то в значении *ы*, то *и* в зависимости от диалекта и грамотности писца. Эта буква представлена во многих памятниках осетинского письма. Третья и четвертая буквы граффити, от которых остались обращенные вниз острые углы, представляют собой остатки двух одинакового хабита сирийско-несторианских букв *he*. На второй из них, четвертой букве прориси, видна часть головки буквы, свидетельствующей о том, что обращенность этих букв граффити, или по крайней мере второй из них, была той же, что и обращенность *he* собственно сирийско-несторианского письма с той только разницей, что они оказались поставленными на острие угла. Какой по форме была буква *'alef* (пятая буква граффити в нашем чтении), судить трудно, т. к. от нее на обломке сосуда осталась весьма незначительная часть. В целом верхняя строка граффити последовательно представленная буквами *мыха*... передавала слово, соответствующее современному осетинскому *мыгга(г)* — 'род', 'фамилия'.

Конец слова не сохранился. Любопытен тот факт, что в слове *мыха(х)* данного граффити осетинское *г* последовательно передано через *he*, точно так же, как и в осетинской сирийско-несторианского письма Трусовской надписи 1326 г.²³⁴

От второй строки граффити сохранилась только одна начальная буква *samesch*. *Samesch* этого хабита широко представлена в семиреченских сирийско-несторианских надписях XIII—XIV вв. (см. у Этинга аналогичную

²³³ Ch wolson D. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. St. Petersburg, 1890. (С палеографическими таблицами, составленными в 1888—1889 гг. проф. Страсбургского университета Ю. Этингом).

²³⁴ Турчанинов Г. Ф. Трусовская осетинская сирийско-несторианская надпись первой половины XIV столетия // Изв. СОНИИ, т. XXII, в. 1. — Орджоникидзе, 1960, с. 52.

samesch под 1612 г. селевкидской эры (1301 г. христ. эры). Какое слово могла содержать вторая строка граффити, сказать трудно. Если на городище Титчиха аланы группировались в какой-то определенной части территории (А. Н. Москаленко по сосредоточенности керамики отмечает такие группировки), то таким словом могло быть осет. ирон. *сых* — 'квартал', которое дало *сыхаг* — 'сосед'.

Третья строка граффити, от которой осталось на поверхности обломка сосуда три знака, воплощающие в себе четыре буквы, содержала, по-видимому, название племени, народа. В нашем чтении граффити оно начиналось буквой *'alef* того же хабита, который близок к *'alef* херсонесских граффити на донышках сосудов²³⁵. В третьей строке этих *'alef* две. Буквы 8 и 9 сдвоены в один знак и представляют собой соединение двух *samesch* примерно того хабита, что и шестая буква граффити. Четыре буквы третьей строки граффити образуют слово *асса*... В нем недостает конечного знака. Применительно к современному осетинскому языку оно звучало бы: *ассаг*. Это слово в свое время было самоназванием южнорусских степных алан. Русские называли их ясами. Итак, граффити на сосуде говорило о том, что он принадлежит «(такому-то из такой-то) фамилии с[оседу] ясу». Помещающийся ниже последней строки граффити знак в виде «лапки водоплавающей птицы», как характеризует его А. Н. Москаленко, едва ли имел буквенное значение. Вероятно, А. Н. Москаленко права, когда относит его к знакам культового порядка. Может быть, кому-либо из последующих исследователей посчастливится более в разборе этого граффити, но независимо от конкретной интерпретации текста несомненно то, что граффити по языку и письму является осетинским.

Среди фрагментов лепной керамики салтово-маяцкого типа на городище Титчиха встречен обломок горшка (венчик и часть стенки) с прочерченным на нем одним знаком. Знак из трех перекрещивающихся в верхней части линий был прочерчен по сырому тесту (см. табл. XIX, рис. 2). В средневековом осетинском письме этот знак известен из контекста ряда надписей как буква *а*. Любопытна та последовательность, с какой прочерчивались линии этой буквы: сначала была прочерчена прямая средняя линия, затем левая косая и последней правая косая.

²³⁵ ТППЯ, с. 88—89, табл. XXXVIII, рис. 1 и 2.

По этой последовательности в изображении линий отдельной буквы письма можно также заключить, что общее направление средневекового осетинского письма было слева направо. Наличие этой буквы в Алкановской (вятичской) славянской надписи докирилловского письма не вызывает удивления²³⁶. Средневековое алано-ясское письмо Подонья было тесно связано с докирилловским восточно-славянским письмом²³⁷.

Третий графический объект с городища Титчиха представляет собой кусок плоского камня, извлеченного из кладки печи в полуземлянке № 6. На камне в правой верхней его части видны прочерченные в строку две хорошо знакомые нам буквы письма маяцкого дукта (см. табл. XIX, рис. 3). Этими буквами являются: *a* того же хабита, что описанная выше, из трех перекрещивающихся линий и *r* той формы, что налична в маяцкой надписи № 1 (см. здесь гл. II, очерк 2, табл. XIII, рис. 3). За буквой *r* достаточно свободного места, но никаких букв незаметно. По-видимому, это конец слова. Буква *r* данного хабита в осетинском письме весьма древняя. Она налична, например, в надписи на баночном сосуде из погребения близ с. Рубцы Краснолиманского р-на Донецкой области (см. здесь гл. I, очерк 3, табл. III, рис. 2). То, что камень с надписью был извлечен из кладки печи, т. е. был использован в печи уже вторично, свидетельствует, что аланское (осетинское) население Титчихи, если даже оно было пришлым в эти места, могло существовать здесь ранее славянского (вятичского). От какого осетинского слова остались буквы *...ar* на камне из печи, сказать невозможно. Самого камня нам увидеть в 1963 г. не удалось. По форме букв этот фрагмент надписи на камне одновременен маяцким надписям VIII—X вв.

²³⁶ Городцов В. А. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки, т. V.— М., 1897, с. 385 и след., а также здесь, гл. IV, очерк 2.

²³⁷ Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах Новочеркасского музея // СА, 1964, № 1, здесь, гл. II, очерк 2.

Очерк 9. Надпись на янтарной бусине из аланского могильника у Рим-горы близ г. Кисловодска (IX—X вв. Северный Кавказ)

По сведениям, полученным от археолога Э. В. Ртвеладзе, бусина была найдена в 1957 г. пятигорским краеведом, инженером и археологом А. П. Руничем при доочистке разграбленной катакомбы аланского могильника у Рим-горы близ Кисловодска.

Катакомбный могильник у Рим-горы расположен с восточной ее стороны. По определению А. П. Рунича, он занимает площадь свыше 10 гектаров и датируется примерно VII—XII вв. н. э. Эта датировка в исходной дате подтверждается находкой здесь в 1846 г. креста с греческой надгробной надписью, относимой, по палеографическим данным, акад. В. В. Латышевым к VII в. н. э.²³⁸ Датировка могильника XI—XII веками, предложенная археологом В. А. Кузнецовым²³⁹, неточна.

Янтарные бусины в поздних аланских катакомбах Кисловодского района — довольно частое явление. Такие бусы характерны для Крыма и Черноморского побережья, откуда они проникают в районы центрального Кавказа²⁴⁰.

В захоронении при Рим-горе, кроме янтарной бусины, было обнаружено еще несколько стеклянных бус и бронзовые колокольчики. Датируется захоронение примерно IX—X вв. н. э.

Янтарная бусина имеет форму слегка приплюснутого шара. Диаметр ее по оси отверстия — 1,3 см, а по перпендикулярной оси — 1,7 см. Ширина отверстия — 0,4 см. Бусина склеена параллельно отверстию из двух половинок янтаря неодинакового качества, но почти одинакового цвета. Она мутно-красновато-оранжевая. Шов соединения половинок хорошо заметен. Половина с жукообразным знаком, с которого начинается надпись, при просмотре ее на свет — мелкозернистая, другая половина — крупнозернистая. В двух местах бусина частично по-

²³⁸ Латышев В. В. Кавказские памятники в Москве // РАО (НС), т. II, вып. 1, 1886, с. 1—2.

²³⁹ Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА, 106, с. 29.

²⁴⁰ Деопик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. // МИА, 114, с. 142.

вреждена, но это не сказывается на чтении надписи. На поверхности бусины имеется много естественных трещинок, которые при незнании дукта письма могут производить впечатление искусственных штрихов, относящихся к буквам (см. табл. XX, рис. 1—4).

Бусина хранится в Пятигорском краеведческом музее. После исследования, фотографирования бусины и устранения с фотоснимков трещин, не имеющих отношения к хабиту букв надписи, она стала доступной для палеографического обозрения.

С этих фотоснимков мы сделали прорись, которая позволяет видеть надпись в ее первоизданном виде (см. здесь, табл. XX, рис. 5). Дукт письма надписи смешанный. Преобладают знаки маяцкого типа, но, наряду с ними, есть буквы, относящиеся к сирийско-несторианскому письму. Надпись исполнена вязью. Такой способ письма говорит о том, что оно было здесь не новым явлением. В прориси вязевый характер надписи хорошо виден на рис. 5, а в расчленении букв — на табл. XX, рис. 6. В надписи 13 буквенных знаков, они составляют 14 букв, так как один из буквенных знаков представляет собой слографию. Надпись читается, как и все средневековые осетинские, слева направо. Перейдем, однако, к описанию отдельных букв надписи и вязевых соединений.

Первая буква слева (см. рис. 5 и 6) представляет собой слегка изогнутый вертикальный штрих, прерванный в середине. Он стоит вне вязевых соединений. Исходной его формой является буква *jod* того арамейского дукта древнеосетинского письма, которое впервые оказалось представленным в надписях на баночных сосудах срубной культуры. Этого типа буква представляла собой вертикальный прямой штрих без каких-либо дополнений. Значение этой буквы в данной надписи, как и в прежних, — *j* (*й*) или *i* (*и*). При вычерчивании этой буквы на покато́й поверхности бусины резец писца сорвался, отчего буква оказалась состоящей из двух не соединенных между собой штрихов. Однако, если кому-либо с палеографической точки зрения представится более вероятным видеть в этой первой букве *jod* сирийско-несторианского дукта, того типа, когда она представляет собой фигуру горизонтальной волнообразной линии (см. 5 букву в Дурбалайской надписи), здесь оказавшейся в вертикальном положении, то подобная палеографическая подмена не изменит смыслового содержания надписи.

Вторая буква надписи представляет собой хорошо известную нам из маяцких надписей букву *a* в виде длинного вертикального штриха, завершающегося двумя короткими параллельными друг другу горизонтальными черточками, отходящими от вертикального штриха влево. В нашей надписи вертикальный штрих буквы *a* несколько короче обычного и составляет линию, общую со следующей, третьей буквой надписи. Происхождение второй маяцкого типа буквы надписи, после того как была обнаружена сирийско-несторианская основа средневекового осетинского письма, представляется совершенно ясным. Исторически она связана, как и сирийско-несторианская *'alef*, с письмом эстрангело. Изменилось только ее положение в строке.

Третья буква надписи представляет собой сирийско-несторианского дукта *ṯīm* округлой формы, поставленную в вертикальное положение. В данном случае, как увидим ниже, правая сторона этого знака оказывается общей со следующей, четвертой буквой надписи. Отходящие от вертикального штриха наклонные штрихи образуют вместе с ним ту четвертую букву древнеосетинского письма, которая, будучи обращенной влево, хорошо представлена в надписи на баночном сосуде из-под Никополя и которая, происходя из арамейского *he*, в древнем осетинском письме обозначала *ā*²⁴¹. В соединении с *jod*, имевшем в древнем осетинском письме арамейского дукта форму вертикального штриха, эта сложная буква в маяцком письме в виде «лестницы» имела значение *ai*. В этом значении она выступает и в данном случае, объединяя в себе две буквы надписи: четвертую, *a* = *he* и пятую, *ī* = *jod*, притом эта пятая буква является в то же время вертикальным штрихом шестой буквы надписи *n*.

Шестая буква надписи не относится ни к древнеосетинскому письму арамейского дукта, ни к средневековому осетинскому сирийско-несторианского дукта. Модификат этой буквы в том же значении *n* впервые встретился нам в одной из маяцких осетинских надписей. Обратило на себя внимание поразительное сходство этой буквы по форме и значению с глаголическим славянским *n*. Буква *n* данной надписи подтверждает эту догадку. В такой форме «глаголическое» *n* нашей надписи повторяет *n*

²⁴¹ ТППЯ, очерк 10, табл. XXII, с. 57—58.

Валунской плиты из Истрии, относимой к концу XI — началу XII в.²⁴²

Вязь из шести перечисленных букв: *и а м а й н* представляет собой затейливую лигатуру. Наряду с лигатурами осетинской надписи на кистене из Саркела, она говорит о том, что письмо среди средневековых алан было не только выражением грамотности, но и видом графического искусства.

Седьмая буква надписи в средневековом осетинском письме в этой форме встречается впервые. Как можно судить по контексту, она соответствует современному звуку *г* и в данной надписи встретится еще раз как конечная, четырнадцатая буква. Хабит этой буквы состоит из горизонтального, резко изогнутого штриха, от которого опускаются вниз не совсем вертикальные отростки. В данной седьмой букве этих отростков четыре, а в четырнадцатой — три. Седьмая буква ведет свое происхождение от сирийско-несторианской *ḥeth* того типа, который хорошо представлен в манускриптах Британского музея, описанных и изданных Райтом²⁴³. В осетинском письме эта буква оказывается как бы зеркальной и больше походит на *he* письма эстрагело палестино-сирийского дукта. Нельзя не отметить того факта, что данная буква *г* осетинского средневекового письма проливает свет на происхождение одной из старых форм того глаголического знака, который назывался «дervь» и представлял первоначальное *gj*²⁴⁴. Седьмая буква пересекает восьмую, представляющую собой ту же, что и вторая, но с более длинным вертикальным штрихом, и соединяется с девятой, в форме знакомой нам из маяцкой надписи № 2 и из надписи на баночном сосуде из погребения близ с. Рубцы Донецкой обл. Во всех трех случаях, т. е. в нашей надписи, в маяцкой № 2 и в рубцовой надписи, эта буква представляет собой *geṣ* арамейского письма, принявшую свое нынешнее положение еще в древнеосетинском письме арамейского дукта. Из средневекового осетинского письма буква *geṣ* в этой форме была принята в глаголическое письмо.

Десятая буква, похожая на трех-, а иногда и на че-

²⁴² Letopis Jugoslovenske Akademije, knj. 55, Zagreb, 1949, str. 51—61.

²⁴³ Wright W. Catalogue of Syriae Manuscripts in the British Museum... London, 1872.

²⁴⁴ Энциклопедия славянской филологии, т. III, 1911, с. 86.

тырехпалую птичью лапку, в средневековом осетинском письме имело значение *а*. Происхождение ее еще не достаточно ясно, но вероятнее всего, она ведет свое начало от поздних форм арамейского *he*, используемого в древнеосетинском письме арамейского дукта в значении *ā*, а затем *а* сильного. По времени, форме и значению ближайшую параллель этой букве можно видеть в слове *jāš > jas*, в надписи на горшочке из-под с. Обильного на р. Куме. Десятая буква с одной стороны соединяется с предшествующей ей буквой *geṣ*, а с другой — с последующими одиннадцатой и четырнадцатой буквами.

Одиннадцатая буква дугообразной формы представляет собой *jod* древнеосетинского письма арамейского дукта, обычно функционирующую в форме прямого вертикального штриха. Не исключена возможность, что кривизна штриха *jod* связана в данном случае с влиянием на старую форму новой — сирийско-несторианской, поскольку такой хабит этой буквы оказывается весьма распространенным.

В надписи на бусине остаются еще 3 буквы: 12, 13 и 14, которые соединены в затейливую вязь.

Двенадцатая буква надписи имеет форму, близкую к латинскому заглавному *N*. Левый вертикальный штрих этой буквы является собственной чертой буквы, правый, также вертикальный, в верхней части слегка загнутый влево, является одним из элементов последней, четырнадцатой буквы надписи. Пересекающий наискось описанные два штриха наклонный штрих, в свою очередь, является элементом тринадцатой буквы надписи. Мы имеем дело со сложной лигатурой. Значение двенадцатой буквы надписи — *т*. Эта буква ведет свое происхождение от арамейского *thaw* и в древнеосетинском письме встретила в надписи на обломке сосуда с горы Крестовой в г. Кисловодске.

Тринадцатая буква надписи, один из элементов которой входит в состав предыдущей буквы в виде диагонали, соединяющей два вертикальных ее штриха, образует с отходящим вниз отростком букву *'ajin*. В этой форме она характерна для поздних арамейских и ранних сирийско-несторианских надписей, если иметь в виду ее необычное положение: буква в данном случае зеркальна и повернута по часовой стрелке на 180°. Значение *'ajin* в древнем и средневековом осетинском письменах нам уже хорошо известно. В ранний период осетинской пись-

менности она передавала *й*, в более поздний, при потере количества, — звук, соответствующий современному осетинскому *æ*. В этом последнем значении тринадцатая буква и выступает в надписи на бусине.

Последняя, четырнадцатая буква нам уже знакома, поскольку встречалась в данной надписи как седьмой ее знак. Значение этой буквы здесь также *г*. В целом хабит букв надписи на бусине хорошо виден из палеографической сопоставительной таблицы (см. табл. ХХ).

Буквы надписи в порядке их чтения образуют следующую осетинскую фразу: *и амайнга райтæг*. Эпиграфическая форма соответствует совр. осет.: *и амонгæ раттæг* 'счастье (геср. волшебство) дающая'.

Надпись на бусине отвечает нормам дигорского диалекта осетинского языка, точнее нормам стур-дигорского говора этого языка, кратко описанного А. Дз. Цагаевой²⁴⁵.

Начальное *и* представляет собой определенный артикль, до сих пор употребительный в дигорском диалекте осетинского языка, в иронском исчезнувший, точнее, не утвердившийся, поскольку сам иронский диалект имеет более позднее происхождение, чем дигорский²⁴⁶.

Амайнга (совр. фолькл. *амонгæ*). Слово написано на бусине по нормам стур-дигорского говора осетинского языка со вставным *й* перед последним согласным корня²⁴⁷. Слово налично в нартовском эпосе, где оно употребляется как название чудесной чаши: *амонгæ*, *ац-амонгæ*, *вациамонгæ*. В. И. Абаев находит в этом слове следы магической семантики²⁴⁸, что как нельзя лучше подтверждает наша надпись, поскольку бусина служила талисманом. В. И. Абаев в нашей надписи предлагает для данного слова значение 'счастье' (*-амонд*), М. И. Исаев — 'волшебство'. Как можно видеть, и то и другое значение не противоречат назначению талисмана.

Райтæг (совр. осет. *раттæг*) — причастие настоящего времени. Слово написано также по нормам стур-дигорского говора со вставным *й*, о чем говорилось выше.

То, что в надписи на бусине наличны некоторые осо-

²⁴⁵ Цагаева А. Дз. Некоторые особенности стур-дигорского говора // Изв. СОНИИ, т. XXIII, вып. 1, с. 68.

²⁴⁶ ИЭСОЯ, т. I, с. 538—539.

²⁴⁷ Цагаева А. Дз. Указ. соч., с. 68.

²⁴⁸ ИЭСОЯ, т. I, с. 52.

бенности современного стур-дигорского говора осетинского языка, не вызывает удивления. По сведениям, собранным А. Дз. Цагаевой, несколько осетинских семей пришли на нынешнюю территорию стур-дигорского говора более ста лет назад с верховьев р. Кубани и прилегающих к ней мест, будучи вытесненными оттуда балкарцами²⁴⁹. Следовательно, надпись на бусине является историческим письменным памятником стур-дигорского говора дигорского диалекта осетинского языка.

О бусине-талисмани, которая называется у осетин *цыкурайыфæрдыг* (букв. 'бусина — что просишь') и у суевверных осетин весьма почитаема, писал в свое время в этнографическом очерке Коста Хетагуров. Вот что он сообщает по этому поводу: «При особом доверии и расположении владелец сакли может показать вам несколько серебряных вещей: тяжелый кованый пояс, кубок, ковш, старинные монеты и тому подобная *хæзна*, доставшаяся его предку после набега на владения какого-нибудь грузинского князя. Но никакой дружбой вы не достигнете, чтобы он показал вам камень счастья — *цыкурайыфæрдыг* (буса изобилия и счастья), который он хранит, как говорится, за семью замками от всякого постороннего глаза. Это его неоценимое достояние и величайшая домашняя святыня, которую даже его семья имеет право созерцать с благоговением и молитвенными приношениями только один раз в году. Камень этот, величиною от горошины до голубиного яйца, имеет желтоватый оттенок и небольшую прозрачность; он испускает в темноте довольно сильный фосфорический свет. Встречается очень редко и, по народному поверью, достается «счастливцу» с опасностью жизни, так как добывается из зева самых ядовитых змей...»²⁵⁰

Очерк 10. Аланские надписи и граффити на сосудах из Надь-Сен-Миклоша (X в. н. э. Южная Венгрия)

В 1799 г. в с. Nagy-Szent-Miklós («Великий святой Николай») близ р. Мароша, в южной Венгрии был найден клад, включавший в себя 23 золотых сосуда изящной

²⁴⁹ Цагаева А. Дз. Указ. соч., с. 64—66.

²⁵⁰ Хетагуров К. Собр. соч., т. III. — М., 1951, с. 217—218.

работы²⁵¹. Форма и орнаментация сосудов указывали на восточное, персидское, точнее сасанидское, их происхождение²⁵². Особый интерес вызвали у ученых надписи на сосудах: три из них были исполнены греческим письмом, а остальные восемнадцать буквами дотоле неизвестного алфавита.

Несмотря на то, что со времени находки клада прошло более полутора столетия, до сих пор не найдено окончательного чтения всех надписей на надъ-сен-миклошских сосудах.

Первыми удовлетворительно прочтенными оказались две идентичных надписи греческого письма и языка. Они выгравированы по кругу на внутренней плоскости доньев двух однотипных чаш № 9 и № 10²⁵³ и изобилуют аббревиациями и лигатурами (см. табл. XXI, рис. 1). Исследовавший эти надписи Keil пришел к выводу, что они сделаны на христианский обряд крещения²⁵⁴.

Третья надпись греческого письма на днище золотой чаши № 21 по-гречески не интерпретировалась (см. табл. XXI, рис. 2). W. Thomsen доказал, что она является тюркоязычной²⁵⁵, и сейчас, пожалуй, самым основным в ее интерпретации является вопрос, к какой исторической этнической группе следует ее относить. Последняя попытка приурочения этой надписи к определенному тюркоязычному этносу принадлежит, насколько мне известно, венгерскому тюркологу J. Nemeth'y²⁵⁶. Он полагает ее печенежской. Нам представляется, что по времени, определяемому для надписи Fener'om²⁵⁷, по палеографическим данным, 820—906 гг. (имея в виду особого хабита В), надпись может быть только тюрко-булгарской. Та часть древней Панонии близ р. Мароша, где был найден клад, в IX в. входила в состав болгар-

ского княжества. Это подчеркивает и слово *ξοαλαν*, которое Feher правильно читает как слав, *жупан* (цит. соч., 125). Так же его понимал и W. Thomsen, а не *šaban* (*šobon*), как предлагает I. Nemeth. Для появления печенегов в Венгрии время IX — начало X в. нереально²⁵⁸.

После того как эта, выполненная греческим письмом третья надпись, была признана тюркоязычной, некоторые из исследователей стали склоняться к мысли, что и остальные негреческого письма надписи и граффити на сосудах могут быть также тюркскими, выполненными оригинальным руническим письмом. Однако достичь здесь тех успехов, которые были очевидны при чтении тюркоязычной надписи греческого письма, не удавалось. Надписи обнаруживали, говоря словами одного из современных тюркологов, «большое количество необычных явлений, в ряде случаев несовместимых с особенностями структуры тюркских языков»²⁵⁹.

Последнее обстоятельство, при общности подавляющего большинства букв надъ-сен-миклошских надписей и граффити негреческого письма с буквами исследованных нами средневековых осетинских (аланских) надписей (см. палеографические таблицы XXI, 4, 1—3), и дало нам повод предложить чтение надписей и граффити на надъ-сен-миклошских сосудах как осетинских, тем более, что чтение целиком укладывается в исторические и диалектные нормы осетинской речи.

При исследовании палеографической стороны надписей и граффити на надъ-сен-миклошских сосудах обращает на себя внимание тот факт, что они оказываются выполненными двумя техническими приемами: надписи, хотя не всегда искусно, гравированы, граффити же процерчены насечкой каким-то острием. Первые имеют двой-

²⁵¹ Hampel J. Der. Goldfund von Nagy-Szent-Miklós, sogenannte 'Schatz der Attila'. Budapest, 1885.

²⁵² Feher. Les monuments de la culture proto-bulgare.

²⁵³ Нумерация сосудов здесь и далее дается по Hampel J. См. сноску 251.

²⁵⁴ Keil. Repertorium für Kunstwissenschaft, XI, 1888.

²⁵⁵ Thomsen W. Une inscription de la trouvaille d'or de Nagy-Szent-Miklós (Hongrie). Historie filologique Meddelelsen, III, 1917.

²⁵⁶ Nemeth J. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szent-Miklós. Budapest, 1932.

²⁵⁷ Feher. Цит. соч., с. 124.

²⁵⁸ Расовский Д. А. Печенеги, тюрки и берендеи на Руси и в Угрии. Seminarium Kondakovianum, IV, Praha, 1933.

²⁵⁹ Щербак А. Н. К вопросу о языке и письменности печенегов // Труды Волго-Донской археологической экспедиции, II. — М. — Л., 1959, с. 386. Что касается отнесения негреческих надписей и граффити на надъ-сен-миклошских сосудах к языку и письменности гуннов, сторонником чего является F. Altheim, этот вопрос мы не рассматриваем вовсе. Язык гуннов науке неизвестен, письменность тоже. Отнесение надписей и граффити негреческого письма на надъ-сен-миклошских сосудах к гуннам оказывается таким образом абсолютно бездоказательным.

ную линию резьбы, вторые — одинарную²⁶⁰. Гравированных надписей на сосудах 6: первая из них, соразмерно размещенная на свободной от орнамента верхней плоскости ободка продолговатой чаши № 8, содержит четыре слова, разделенных между собой четырехконечными крестами (см. табл. XXI, рис. 3). Всех крестов в надписи пять, два из них приходятся на начало и конец текста. Остающиеся 5 других надписей однотипны. Они содержат по девять буквенных знаков, словоразделов не имеют и распределяются на сосудах таким образом: одна помещается на питьевом роге (табл. XXI, № 17, рис. 4), две других на чашах (табл. XXI, № 9 и № 10, рис. 5 и 6), из которых надпись на чаше № 10 сопровождается граффити и две на кубках № 22 и № 23, из которых надпись на сосуде № 23 также с граффити (см. табл. XXI, рис. 7 и 8)²⁶¹. Все надписи читаются слева направо. Эта давняя традиция древнего и средневекового осетинского письма на всех открытых нами памятниках.

Надпись из четырех слов с крестообразными разделителями, по-видимому, была выполнена по заказу владельца сосуда. Под текстом надписи в правой ее половине видны следы наметки части текста. Надпись достаточно хорошо размещена на уготованном ей месте.

Начинается она крестообразным знаком, после которого помещены две буквы: от следующего слова они отделяются таким же крестообразным разделителем. С первой буквой, имеющей форму полулуния с вертикальным срезом слева, мы знакомы из осетинских надписей на камнях Маяцкого городища (см. табл. XIII, 1). Значение этой буквы — *у*. Она происходит из сирийско-несторианской *waw* (см. табл. XIII, 1). Вторая, как буква древнеосетинского письма на арамейской графической основе, встретила в надписи на керамическом обломке с городища горы Крестовой в Кисловодске, а затем в осетинской надписи на янтарной бусине с Рим-горы (см. табл. XX). Встречается она несколько раз и в хумаринских граффити касожского письма осетинского происхождения (см. табл. XXI, 4, л). Значение этой буквы — *т*. Ближайшим прототипом ее является *thaw* арамейской

²⁶⁰ В данном очерке мы пользуемся прорисями, приведенными в книге J. Németh.

²⁶¹ Граффити рассматривается нами отдельно от гравированных надписей.

надписи Teima V в. до н. э. (см. табл. XXI, 4, 1). Буквы первого слова надписи образуют графему *ут*. Как мы увидим ниже, это самостоятельное слово надписи.

Второе слово состоит из шести букв. Первая буква в этом дукте представлена, кроме данной надписи, еще в двух надь-сен-миклошских граффити (см. табл. XXI, 3 рис. 9 и табл. XXI, 3 рис. 12) и пять раз в тюркоязычной надписи осетинского письма на деревянной палочке из Таласа (Киргиз. ССР). Встречается она и в хумаринских касожских граффити. Во всех случаях эта буква имеет значение *а* и своей историей связана с сирийско-несторианской *'ajin* (см. табл. XXI, 4, 3). Вторая буква слова представляет собой модификат маяцкой *л*. В надь-сен-миклошских граффити в идентичной форме она встретится еще один раз (см. табл. XXI, 3, рис. 9). По сравнению с маяцкой *л* вершина *л* надь-сен-миклошской надписи и граффити оказывается укорочена до уровня изогнутого отростка, идущего влево, которому придана округлая, а не острая форма, как в маяцких надписях. Ближайший прототип ее можно видеть в пальмирском арамейского дукта письме (см. табл. XXI, 4, 1), и это не кажется странным. За Каспием, в Средней Азии, откуда продвигались предки осетин — аланы, знали это письмо²⁶². Буквы третья и шестая второго слова надписи оригинальны по форме. Этот своеобразный знак встретился также в тюркоязычной надписи аланского письма из Таласа (см. табл. XVII) и в касожских граффити. В надь-сен-миклошской надписи, как в таласской и хумаринских граффити, этим знаком передается слогографема *ан*. О происхождении ее, как и остальных оригинальных слогографем надь-сен-миклошского и других осетинского дукта письменностей, судить трудно. Нужны дополнительные факты и дальнейшие розыски эпиграфических памятников.

Четвертая буква второго слова надписи в виде угла, обращенного острием вправо с небольшим горизонтальным шипом на конце, представляет собой сирийско-несторианского дукта *gimel* (см. табл. XXI, 4, 2). В данной надписи на чаше она встретится еще дважды и два раза

²⁶² Никольский М. В. Две новооткрытые пальмирские надписи // Древности восточные, т. II, в. 1. — М., 1896, с. 163—164. Виноников И. Н. Еще о пальмирских надписях в Советском Союзе // ВДИ, 1965, № 1, с. 139—141.

в таласской надписи аланского письма (см. табл. XVII). Как покажет контекст, ею обозначаются как заднеязычное, так и увулярное *z* (осет. *z* и *zʒ*).

Пятая буква второго слова надписи в этой форме и значении в данной надписи фиксируется дважды. С незначительным отклонением встретится она в других пяти гравированных надписях и один раз в граффити (см. табл. XXI, 3, рис. 9 и табл. XXI, 4, 1). История этой буквы в осетинском письме стара. Она ведет свое начало от арамейской *he*, используемой *matres lectionis* в древнем осетинском письме в значении *a*, как-то следует из надписей на баночных сосудах срубной культуры (см. здесь, гл. I). В дальнейшем, когда долгота гласного была утрачена, буква стала употребляться безразлично как для передачи сильного *a*, так и слабого *æ* (см. табл. XXI, 4, 1). Эта буква, кроме надь-сен-миклошских надписей и граффити, встречается в значении *a* в маяцком осетинском письме, в таласской тюркоязычной надписи аланского письма и в надписи на горшочке из-под с. Обильного на р. Куме (Северный Кавказ). В интерпретируемой нами надписи на чаше пятая буква используется как в значении *a*, так и *æ*.

В целом второе слово надписи транслитерируется как *алангаан*.

Далее, после словораздела в виде креста, следует третье слово надписи. Оно начинается с буквы сирийско-несторианского дукта в форме дуги, обращенной раствором влево и в этом хабите известной как начальная и срединная *pu* во многих надписях сирийско-несторианского письма с весьма раннего времени (см. табл. XXI, 4, 2). В этой же форме и значении *n* она встречается еще дважды в надь-сен-миклошских граффити (см. табл. XXI, 2, рис. 8, табл. XXI, 3, рис. 9) и трижды в таласской надписи. Есть она и в хумаринских граффити. Вторая буква третьего слова известна из маяцких осетинских надписей и надписи на янтарной бусине с Рим-горы близ Кисловодска. Значение ее — *a*. Происхождение — арамейское (см. табл. XXI, 4, 1). Третья и четвертая буквы третьего слова объяснены во втором слове. В итоге третье слово надписи транслитерируется как *нага*.

После этого слова надписи опять следует словоразделитель в форме креста и за ним последнее, четвертое слово надписи из четырех букв. Первая и четвертая бук-

вы этого слова уже знакомы нам из предыдущей части надписи. Значение второй буквы четвертого слова устанавливается контекстом. В надь-сен-миклошских надписях и граффити знак имеет значение дифтонга *æw* (-*æy*) (см. табл. XXI, 4, 3). Третья буква четвертого слова встречается только в надь-сен-миклошских надписях и граффити. Значение установлено также контекстом. Это сло-гографема *an*. В целом последнее четвертое слово надписи транслитерируется как *гæуана*. За этим словом стоит словообразовательный знак в форме креста, знаменующий в данном случае конец надписи.

Выписывая все четыре надписи на чаше в строку, получаем следующий текст: + *ут* + *алангаан* + *нага* + *гæуана* + Что означает этот текст? Мне представляется, что по-осетински его надлежит транскрибировать следующим образом: *Ут алангъаан Нагъ гъæуанъ*. Надпись выполнена на диалекте, близком к дигорскому. Проанализируем ее:

1). *Ут* — имя собственное. Сравни осет. ирон. *уд* — 'душа'. За то, что первую букву этого слова следует читать как *y*, а не *o*, говорит граффити на сосуде № 23 (см. табл. XXI, 2, рис. 8), где это слово другой графемой также передано с *y*, как *уд*. Оглушение звонкого *d* в паузе характеризует диалект. Подобное явление отмечал в Зеленчукской осетинской надписи Х в. В. И. Абаев²⁶³. Собственное имя *Лæг* написано там как *Лак*. Возможно, что в собственном имени мы имеем здесь тюркское заимствование. Срав. др. тюрк. *ут* — 'бык', как собственное имя в тюркских надписях Саркела.

2). *Алангаан-алангъаан*. Сложное слово, образованное по типу соположения основ, собств. «аланский каан (каган)». Первый компонент слова *алан* представляет собой общеизвестное историческое этническое имя, закрепленное за ираноязычными племенами юга России и Северного Кавказа с начала нашей эры. Второе слово *гаан*-тюрк. *къаан* (*къагъан*) — 'царь', 'князь' в этом значении также общеизвестно. В надписи слово дано с опущенным в интервокальном положении увулярным *zʒ*, как то свойственно ряду тюркских языков. Эпиграфическая форма *алангаан* свидетельствует о том, что в осетинском письме Надь-Сен-Миклоша буква *z* (из сирий-

²⁶³ Абаев В. И. Древнеосетинская Зеленчукская надпись // Осетинский язык и фольклор. М. — Л., 1949, с. 267.

ско-несторинской gimel) обозначала как увулярное гъ, так и заднеязычное г, что подтверждается также третьим и четвертым словами надписи. По законам осетинской речи, велярное тюркское къ, оказавшись здесь в интерсонорном положении, озвончилось и перешло в гъ. Иначе говоря, эпиграфическое *алангаан* следует орфоэпически по-осетински транскрибировать *алангъа-ан*, что соответствует орфографическому и орфоэпическому тюрк. *аланкъаан* (-аланкъагъан) — 'аланский каган' resp. 'аланский князь'.

3). Нага. В слове *нага-нагъ* мы видим дигорского типа оформление старого венгерского *pagu* — 'большой', 'великий', вошедшего в состав названия селения Nagy-Szent-Miklós (орфоэпически совр. «Надь-Сен-Миклош»), в котором был найден клад интересных сосудов. Называлось ли первоначально селение Nagy и Szent-Miklós явилось позднейшим дополнением к нему, этого мы не знаем, но что *pagu* (эпигр. *нага*) в надписи на чаше было именно названием селения, видно из последнего слова надписи. Оно является производным от осетинского слова 'селение', 'аул'. Весьма примечательным является тот факт, что Szent-Miklós — 'Святой Николай' оказывается покровителем христианизированной осетинской среды не только в данном селении южной Венгрии, но и далеко на Северном Кавказе, в верховьях р. Кубани, где был найден осетиноязычный Зеленчукский памятник, датируемый нами X в. На нем, как известно, наряду с символикой $\text{I}\xi\ \bar{\chi}\xi$, вырезано $\sigma\alpha\upsilon\iota\sigma\ \xi\ \text{N}\iota\kappa\omicron\lambda\alpha\sigma\ \xi$ ²⁶⁴. От этого факта едва ли можно отмахнуться как от случайного совпадения. Напомним, что некоторые из букв надь-сен-миклошского письма, о которых речь шла выше, наличны в хумаринских касожских граффити письма осетинского дукта. Хумаринские касоги и зеленчукские аланы взаимосвязаны не только одной территорией, но и примерно одним временем (X—XI вв.). В третьем слове надписи обращает на себя внимание конечная гласная. Мы интерпретировали ее, исходя из особенностей осетинской речи, как *æ*, хотя в надь-сен-миклошских надписях и граффити эта буква имеет двойное значение: *æ* и *a*. В своей графической форме эта *a*, как уже говорилось, восходит к $\bar{a}$ древнеосетинского письма арамейского дукта. После потери гласными *a* долготы и краткости

²⁶⁴ Абаев В. И. Указ. соч., с. 265.

она стала употребляться на месте *æ* (— $\bar{a}$), т. е. графически *æ* встречается там, где ожидается прежнее $\bar{a}$. В истории письменностей подобные случаи графических замен общеизвестны. Они зависят не только от диалектных особенностей речи, но и от того, что графика народного письма никогда полностью не отражает фонетики и зависит от степени грамотности пишущего, распространенности и частоты употребления письма и ряда других причин.

4). *Гæуана*. Это слово надписи транскрибируется как: *гъæуанæ*. Оно образовано по дигорскому типу: *гъæу* (ирон. *хъæу*) — 'селение', 'аул' — *ан* аффикс происхождения (совр. -он), -*æ* исходный гласный открытого слога, в ряде случаев обозначающий старый именительный падеж. *Гæуана* (-*гъæуанæ*) употреблено в значении: 'селянин', 'происходящий из селения'.

В целом надпись на чаше транскрибируется как *Ут алангъаан Нагъ гъæуанæ*, означает: «Ут аланский каган нагский селянин». Надпись выдержана в исторических и диалектных нормах осетинской речи. Наряду с дигорскими особенностями в ней налицо иронизмы. Подобного типа смешанный диалект недавно был описан в Северной Осетии осетиноведом М. И. Исаевым. Он назвал его уаллагкомским говором²⁶⁵. Различие между надь-сен-миклошской аланской речью и речью современных осетин уаллагкомцев в том, что в первом на дигорскую основу речи накладываются иронизмы, а во втором наоборот — первичная основа речи иронская.

Поскольку графика остальных надписей и граффити на надь-сен-миклошских сосудах совпадает с только что интерпретированной выше надписью, не подлежит сомнению, что с этих же позиций следует подойти и к остальным. Если они окажутся выполненными в грамматических, лексических, орфоэпических и «орфографических» нормах осетинской речи, то язык этих остальных надписей и граффити можно будет считать объясненным. Не исключена, конечно, возможность, что не все, выполненное данной графикой, по языку окажется только осетинским.

²⁶⁵ Исаев М. И. Смешанное ироно-дигорское наречие жителей Уаллагкома // Изв. СОНИИ, т. XXI, вып. IV. — Орджоникидзе, с. 85—100; его же. Дигорский диалект осетинского языка. М., 1966, с. 101—111, 213—220.

После интерпретации надписи на чаше, принадлежавшей, как оказалось, аланскому кагану Уту, жителю селения Нага (венгр. Nagy), мы рассмотрели оставшиеся пять однотипных надписей на сосудах. Как и интерпретированная выше надпись на чаше, они тоже гравированы (см. табл. XXI, рис. 5 и 6, табл. XXI, 2, рис. 4, 7, и 8).

Каждая из данных пяти надписей содержит по девяти букв, равных одиннадцати звукам, т. к. две буквы представляют собой слогографемы. Словоразделы в надписях, как уже упоминалось выше, отсутствуют. По графическому различию, хотя оно и незначительно, надписи интересны тем, что в трех из них известная нам буква *т* в форме заглавного латинского *N* зеркальна, а буква *а*, идущая от арамейского *hematres lectionis*, имеет в двух случаях три отходящих влево наклонных штриха, в двух — четыре и в одном случае даже пять таких штрихов, хотя текст надписей, как в этом мы убедимся ниже, везде один и тот же. Количество боковых штрихов в *а* и обращенность *т* для пишущего не имели значения. В каждом вновь открытом письме факты подобного порядка являются весьма важными, т. к. в большинстве случаев эти вольности говорят о том, что писавшие были не очень грамотны.

Рассмотрю одну из данных пяти надписей, поскольку все они однотипны (см. табл. XXI, 2, рис. 4).

Первая буква надписи представляет собой уже известную нам *т*, в данном случае в том же положении, что и в надписи на чаше аланского кагана Ута. За этой буквой следует слогографема *ан*, также известная нам из надписи Ута. Третья буква в виде обращенного острием вправо тупого угла известна из маяцких аланских надписей, таласской надписи и хумаринских граффити как буква *к* (см. табл. XXI, 4, 2). Она происходит из сирийско-несторианской *kaḥ*. Четвертая буква в значении *а* также рассмотрена и объяснена выше. Как и в надписи Ута, она имеет четыре боковых левых штриха, но здесь с несколько большим наклоном вниз. Вертикальный штрих в нижней части немного длиннее, чем в других случаях. Впервые встречается в надь-сен-миклошском письме пятая буква. Эта маленькая вертикальная черточка, как удалось установить палеографически и контекстом, представляет собой сирийско-несторианского дукта *zaḥin*, употребляемую в надь-сен-миклошском осетинском письме, как и в несторианском, в значении *з* и *дз* (см. табл. XXI, 4, 2).

Шестая буква в этой оригинальной форме встречается только в данном слове. Из нашего прочтения слова следует, что она представляет собой либо слогографему *ам*, либо графему *м* (см. табл. XXI, 4, 3). Происхождение ее, как и других слогографем надь-сен-миклошского письма, пока неизвестно. Вероятно, не случайно эта буква связана с глаголической *℥* — *м* («мыслете»). Седьмая буква в значении слогографемы *ан* известна из надписи Ута. Восьмая — представляет собой сирийско-несторианского дукта *qof* (-совр. осет. *хъ*). В этой форме, но в значении (*kaḥ*) *к*, она встретилась однажды в таласской надписи и как *qof* трижды в хумаринских граффити, где ею передается смычногортанное *къ*. Особый интерес представляет последняя буква надписи. Кроме данной надписи (с учетом всех пяти вариантов), буква окажется в этой форме в той же позиции, еще в одном надь-сен-миклошском граффити (см. табл. XXI, рис. 6) и в разных позициях в хумаринских касожских граффити. Во всех случаях это осетинская *æ* (касож. *э*), ведущая свое происхождение, как и *ǣ* древнеосетинского письма на арамейской графической основе, от арамейского *ʿajin* (см. табл. XXI, 4, 1).

В целом надпись № 4, которая выгравирована на питьевом роге, (как и остальные, идентичные ей, на других сосудах), транслитерируется как: *танкадзаманхъæ*.

С соответственным членением на слова, эта и идентичные ей надписи выражают ту мысль, которая заключена в осетинском фразеологическом фольклорном обороте: *тæнк ацамонгæ* — «пенящаяся чаша счастья».

Для доказательства рассмотрим отдельные слова и их формы:

1. *Танк* — совр. фольк. осет. *тæнк* — «пенящаяся». Эпитет *тæнк* употребляется в осетинском фольклоре всегда при слове, обозначающем «чашу счастья» — *ацамонгæ*, *амонгæ*. Слогографема *ан*, как можно судить по надь-сен-миклошским надписям и граффити, передавала как слог *ан*, так и *æн*.

2. *Адзаманхъæ* — совр. общ. осет. *ацамонгæ* — «чаша счастья». В данном слове, хорошо известном из осетинского нартовского эпоса, в букве *дз* эпиграфически отражена интерсонорность *ц*. После буквы *м*, перед сонорным *н*, как и в предыдущем слове, налицо историческое *а* (совр. *о*). В эпиграфическом написании слова требует особого объяснения только то явление, в котором во всех

пяти случаях перед конечной *æ* оказывается *qof* вместо ожидаемой *gimel*. Исключительность этого явления последовательно разъясняется следующими замеченными нами фактами: во-первых — наличием *qof* вместо *kaſ* в ряде иноязычных памятников, использующих графику сирийско-несторианского письма. Смещение это носит графический характер. Из фактов такого порядка в надь-сен-миклошских записях следует указать на граффити сосуда № 6 (табл. XXI, 3, рис. 9), в котором в средневековом осетинском *схънтан* (совр. *скондтон*) — ‘я сделал’ вместо ожидаемого *kaſ* (*к*) имеем *qof* (*хъ*). Такой же графический характер имеет замена *kaſ* на *qof* и в связанном с надь-сен-миклошским письмом таласском тюркоязычном памятнике осетинского письма, где *qof* (*к*, а не *д*) употреблена в тюркском окончании дат. пад. -*ка* слова *саи* — ‘счет’, ‘счисление’. Во-вторых — наличием в двух надь-сен-миклошских граффити знака *kaſ* там, где ожидается *gimel* (см. табл. XXI, 1, граффити № 15 и 16, рис. 11 и 11а). Даже при всей небрежности исполнения граффити трудно предположить, что это не *kaſ*, а *gimel*, которая в скорописи была весьма похожа по форме на *kaſ*. Граффити № 15 и 16 (табл. XXI, 1), в которых встречается *kaſ* вм. *gimel*, писались одним и тем же лицом, что явствует из их почерка и содержания. Очевидно, *kaſ* написано в этих граффити вместо *gimel* по той же причине, что и *qof* вместо *gimel*. Налицо опять факт графического смещения. Пишущий мало заботился о том, как воспримут его записи. Сам он прекрасно понимал, как звучит им написанное, и «ничтоже сумняшеся» писал вместо *gimel*, то *qof*, то *kaſ*.

Любопытно отметить, что в кубанском дигорском диалекте в графической передаче *г* мы не находим также ожидаемой *gimel*: в граффити на янтарной бусине из могильника IX—XI вв. с Рим-горы под Кисловодском в слове ‘счастье’ — совр. *амонгæ* (вместо *амонд*) и причастии ‘дающая’ — совр. *радтаг* для передачи звука *г* в обоих словах использован модификат сирийско-несторианской *cheth*, а не *gimel*. То, что при одной и той же графической основе письма в одном диалекте, как надь-сен-миклошский, использовалась для *г* то *qof*, то *kaſ*, а в кубанском дигорском IX—XI вв. *cheth*, еще раз характеризует малую заботу пишущих о том, насколько точно их графемы отражают звуки. Письмо, эта величайшая общественная условность, во многом субъективно. К

тому же употребление его от случая к случаю не создает необходимых условий для образования устойчивой орфографической нормы.

Таким образом, наличие *qof* (*хъ*) вместо *gimel* (*г*) в надь-сен-миклошском слове *адзаманхъæ* (вместо *ацамангæ*), оказывается явлением графическим, а не фонетическим.

Переходя к исследованию осетинских (аланских) граффити на надь-сен-миклошских сосудах, считаем необходимым подвергнуть анализу прежде всего те из них, которые представляют собой не отдельные слова, имена писавших их, а немногословные фразы. Таких граффити на сосудах два.

Первое граффити прочерчено на дне сосуда № 6 (см. табл. XXI, 3, рис. 9). Визуально оно представлено тремя словами. Два из них помещены одно под другим на самом дне, а третье сбоку, на ребристой подставке сосуда.

Далеко не все буквы этого граффити требуют палеографических комментариев. Первые три буквы верхней строки граффити на дне сосуда встречались в предыдущих надписях. Четвертая буква этой строки представляет собой арамейского происхождения *с*, знакомую нам из маяцких осетинских надписей, хумаринских касожских граффити и таласской надписи. В маяцком граффити и таласской надписи по отношению к арамейской эта буква зеркальна (см. табл. XXI, 4, 1). Во всех случаях, кроме таласской надписи, буква передает шепелявое *с* (*с_ш*). Пятая и шестая буква граффити также встречались в предыдущих надь-сен-миклошских надписях (см. табл. XXI, 4, 2). Седьмая буква представляет собой сирийско-несторианского дукта *teth* (*ѳ*), повернутую петлей вверх. Петля буквы округлена (см. табл. XXI, 4, 2). Восьмая буква *а* знакома в этой форме из надписи аланского князя Ута, а девятая представляет собой конечную сирийско-несторианского дукта *pup*, поставленную из наклонного в вертикальное положение (см. табл. XXI, 4, 2) и тем самым по форме совпавшую с *jod* древнеосетинского письма арамейского дукта и средневекового осетинского (аланского) маяцкого письма (см. табл. XXI, 4, 2).

В транслитерации верхняя строка граффити получает следующую форму: *аазсхънтан*.

Строка, процарапанная на ребристой подставке сосуда, с палеографической стороны совершенно ясна.

Первая буква ее в значении *л* уже встречалась в этой форме в надь-сен-миклошской надписи аланского кагана Ута. Вторая буква известна в этой форме и значении *-и* (ə) из касожской осетинского (аланского) дукта надписи № 1 на фляге Новочеркасского музея и осетинской (аланской) надписи на горшочке из-под с. Обильного на р. Куме. Третья последняя буква — *к* в этой форме представлена в маяцком письме, хумаринских граффити и таласской надписи (см. табл. XXI, 4, 2). В транслитерации эта строка граффити выглядит так: *лик*.

Третья, нижняя строка граффити содержит только одну букву, нуждающуюся в палеографическом комментировании — это первая буква. Она представляет собой так же, как и седьмая буква первой строки граффити, модификат сирийско-несторианской *teth* (ϥ), повернутой петлей вверх, но с тремя, а не двумя отходящими от петли штрихами. Эту графическую черту буквы мы встречаем и в сирийско-несторианском письме (см. табл. XXI, 4, 2). Остальные буквы этой строки граффити уже встречались и палеографически объяснены. Следует только сделать замечание в отношении предпоследней буквы — *ka*f. Лишняя линия внутри угла в нижней части не является элементом буквы. Это срыв орудия письма. Сравним эту букву в этом же слове на сосуде № 23 (табл. XXI, 2, рис. 8), где нет этого штриха. В транслитерации эта строка граффити читается: *тука*.

Транслитерируя граффити в целом, с разбивкой его на слово — формы, мы получаем следующий текст: *а аз схънтан лик тука*. В современном осетинском языке ему соответствует: *а аз лыг скондтон* — *Тука* — 'Это я вырезал (резаным сделал) — Тука'.

Проанализируем эпиграфический текст:

1). *а* — 'это'. Указательное местоимение 3-го л. ед. ч. общее по форме для дигорского и иронского диалектов осетинского языка.

2). *аз* — 'я'. Личное местоимение 1-го л. ед. ч. общее по форме для дигорского и иронского диалектов осетинского языка.

3). *схънтан* — 'сделал'. В граффити так передана личная форма глагола диг. *кæнун*, ирон. *кæнын* — 'делать' в 1-м л. прош. времени соверш. вида. О совершенности действия говорит преверб *с-*. После буквы *хъ* (qof), которая графически замещает ожидаемую здесь *к* (ka)f, о чем говорилось выше, пропущена гласная. Пропуск

букв, выполняющих роль гласных ('alef, waw, jod) в сирийско-несторианском письме явление обычное. Письмо надь-сен-миклошских осетин (алан) графически тесно связано с сирийско-несторианским, поэтому отсутствие гласной в данном случае не вызывает удивления. Это не описка, а норма письма. Какой гласный следует восстановить по времени составления граффити после *хъ* (-к) перед *н* предоставляем решать осетиноведам. Заслуживает внимания конечное *-ан* вм. совр. *-он*. Эпиграфическая форма глагола не демонстрирует очевидных диалектальных особенностей осетинского языка.

4) *лик* — 'резаный'. Причастие наст. вр., образованное по норме иронского диалекта (совр. *лыг*), а не дигорского, где произносят *лук*. То, что в граффити в исходе слова *лыг* написана *к*, можно считать в порядке вещей. Как указывалось выше, осетинский язык в паузе знает оглушение согласного. Постановка причастия после личной формы глагола, а не перед ним, встречается и в современной осетинской речи.

5) *Тука* — имя собственное. Если судить по сохраняющейся до сего времени фамилии *Туккаты* — 'Тукаевы'²⁶⁶, это имя дигорское. Вероятно, в языке писавшего граффити Туки, как и в языке писавшего надпись для кагана Ута, были налицо и дигорские и иронские черты, т. е. они являли собой смешанный тип речи, о чем уже говорилось раньше.

Второе граффити (см. табл. XXI, 2, рис. 8) представляет собой также фразу, прочерченную на кубке № 23 с осетинской гравированной надписью «пенящаяся чаша счастья». Это граффити визуально выглядит одним словом.

С палеографической стороны в нем комментируется только одна третья буква. Остальные уже встречались в предыдущих надписях и граффити. Комментируемая буква в этой форме встретится еще раз в одном надь-сен-миклошском граффити, повторенном дважды (см. табл. XXI, 1, рис. 11 и 11а), причем, как явствует из значения слов и в данном граффити и в том, которое имеется в виду, эта буква имеет значение *д*. Присматриваясь к ее форме, нетрудно убедиться, что она представляет собой *daleth*, идущую из собственного арамейского письма (см. табл. XXI, 4, 1), легшего в основу древнеосетин-

²⁶⁶ Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь, т. III. Л., 1934, с. 1225.

ского. В хорошей арамейской форме в древнеосетинском письме *daleth* представлена в граффити на керамическом обломке с горы Крестовой в Кисловодске (см. здесь, гл. I, табл. VIII).

Транслитерируя граффити с разбивкой его на словоформы, мы получаем следующий текст: *на уд а тука*. В современном осетинском звучании ему соответствует: *наэ уд, а Тука* — 'наша душа, это — Тука'.

С палеографической стороны представляет большой интерес использование слога графемы *æу* на грани двух слов фразы, когда *æ* отходит к первому слову, а *у* — ко второму. У писавшего были все возможности использовать для *а* и *у* самостоятельные буквы, но он этого не сделал. По-видимому, в его сознании атрибутивное сочетание «наша душа» представляло единый, нечленимый речевой комплекс.

Рассмотрим граффити с его лексико-грамматической стороны:

1) *на* — 'наша'. Соответствует совр. осет. *наэ* — энклитической форме притяжательного местоимения 1-го л. мн. ч., общей для дигорского и иронского диалектов осетинского языка.

2) *уд* — 'душа'. Вместе с предшествующим энклитическим местоимением *наэ* 'наша' образует фразеологический комплекс, по значению соответствующий русскому «душа общества». Из дальнейшего изложения будет совершенно ясно, что Тука был именно «душой» ватаги тех алан, которые участвовали в грабеже золотых сосудов.

3) *а* — 'это'. Указательное местоимение 3-го л. ед. ч., уже встречавшееся в анализированном выше граффити.

4) *тука* — имя собственное, известное нам также из предыдущего граффити.

Судя по собственным именам, это граффити выдержано в тех же диалектных нормах, что и предыдущее. Исчерпывающее значение данной фразы в общей сумме надписей и граффити на надъ-сен-миклошских сосудах, с вытекающими отсюда соображениями исторического порядка, будет дано в заключении исследования.

Кроме этих двух пространных граффити, на сосудах имеются еще одиночные слова — имена. Всех имен граффити пять. Два из них повторяются дважды. Рассмотрим эти граффити.

1. На чаше № 10 с гравированной надписью «пеня-

шаяся чаша счастья» прочерчено граффито (см. табл. XXI, рис. 6) из четырех уже известных нам букв, которые транслитерируются как *тагæ*. По-видимому, это слово следует сопоставлять с диг. *тагæ* — 'жила', 'веревка', употребленным в значении имени-прозвища. Предпоследняя буква граффити с выходящим за угол соединения небольшим шипом, направленным наискось вниз, а не горизонтально, вероятно, передает *г*, а не *к*. Возможно, конечно, что графически и «орфографически» в этом граффити не точно передано другое слово — дигорское собственное имя *Тæкæа*, которое, как подсказал М. И. Исаев, наличествует в дигорском селении Лескен. Важен тот факт, что оба имени, какое бы не закрепить за граффито, осетинские.

2. На доньях двух различных кувшинов № 3 и № 4 (см. табл. XXI, 1 рис. 10 и 10а) прочерчено на каждом одно и то же имя, транслитерируемое как *кауана*. В этом слове, как нам представляется, следует видеть историческое различие к совр. ирон. *хъæууон* (**хъæууонæ*) — 'селянин', 'аульчанин'. Слово это в исторически закономерной дигорской форме уже встречалось нам в надписи на чаше аланского кагана Ута, но в значении не собственного имени-прозвища, а как нарицательное: 'селянин'. Вероятно, оба граффити на кувшинах № 3 и № 4 выполнены одним лицом и едва ли начальную букву на сосудах № 3 следует читать как *g* (*гъ*), а не *q* (*хъ*). По форме она приближается к *г* граффити на чаше № 10 (см. табл. XXI, рис. 6), но в скорописном исполнении граффити незначительный выход линии за стык пересечения мог быть и просто-напросто срывом острия пишущего орудия, если это, конечно, не диалектальный параллелизм в употреблении *хъ* и *гъ*.

3. На доньях однотипных чаш № 15 и № 16 прочерчено, так же, как и в предыдущем случае, на каждом отдельном одинаковое имя (см. табл. XXI, 1, рис. 11 и 11а). Оба они транслитерируются как *уандка* и сопоставимы с ирон. *уæндгæ* — 'храбрый', 'дерзкий', 'смелый', употребленным как имя собственное. В дигорском ему будет соответствовать *æндеуагæ*. Все буквы данного граффити, кроме начальной, уже встречались, что касается начальной буквы, то вариант незначительного отклонения к ней известен из одного маяцкого граффити, где он имеет значение *у* (см. табл. XXI, 4, 2). Мы видим в этой букве осетинский (аланский) модификат сирийско-несториан-

ской *waw*, данной в удвоении (см. табл. XXI, 4, 2). Последняя буква граффити совершенно ясно изображает *к*. Попытку объяснить, почему в надь-сен-миклошских граффити *к* пишется *вм*, *з*, я дал выше.

4. На дне сосуда № 5 прочерчены одно под другим два слова (см. табл. XXI, 3, рис. 12), представляющие в нашем чтении одно собственное имя, притом касожское. Второе слово относится к первому как грамматическое приложение. Как могло среди осетинских имен оказаться касожское, я скажу позже. С палеографической стороны, имея в виду уже проанализированные раньше граффити, в данном имени требуют объяснения две буквы: последняя буква первого имени и первая буква второго. Последняя буква первого компонента имени в виде восьмерки (см. табл. XXI, 4, 3) встретила мне в одной маяцкой осетинской (аланской) надписи и в осетинской надписи на амфоре из Танаиса (см. гл. I, очерк 11). Угловатый модификат этой буквы наличен в тюркоязычной надписи осетинского (аланского) письма из Таласа (см. табл. XXI, 4, 3). В маяцкой и танаисской надписях она обозначает букву *и*, в таласской — *е*. За буквой скрываются диалектальные различия, как это было например в древнерусском письме при употреблении буквы ѣ (ядь). Первая буква второго компонента засвидетельствована в касожской осетинского (аланского) дукта надписи № 1 на фляге из Новочеркасского музея в значении *з* (см. гл. II, очерк 2, табл. XXI, 4, 1). По происхождению эта буква представляет старую форму арамейского *zajin*. Поскольку касожское средневековое письмо теснейшим образом связано со средневековым осетинским (аланским), наличие в касожском имени осетинских графем для *и* и *з* не должно удивлять.

Начальная буква первого компонента имени данного граффити может читаться только как *и*. Она происходит из древнеосетинского письма на арамейской графической основе, где для передачи звука *и* был использован, очевидно, модификат буквы *jod* (см. табл. XXI, 4, 3). Буква аналогичной формы, обозначающая в средневековом осетинском письме *и*, происходит из сирийско-несторианского конечного *pip* и, как в сирийско-несторианском письме, в осетинском используется только в этой конечной позиции (см. табл. XXI, 4, 2). Последняя буква второго компонента имени, нам уже известная, с учетом особенностей касожского письма осетинского (алан-

ского) дукта, насколько мы знаем его по хумаринским граффити, может транслитерироваться как *о*, ибо в касожском языке оно всегда дифтонгического происхождения, а данная графема в касожском письме одинаково передавала как дифтонг *æw* (-эў) → *о*, так и *wæ* (-ўэ) → *о*. Таким образом, граффити на дне сосуда № 5 (табл. XXI, 3, рис. 12) транслитерируется как *исай-зао*. Первый компонент граффити означает собственное личное имя *Исай*, и у потомков исторических касогов, современных кабардино-черкесов, ныне не встречается. Второй компонент граффити — *зао*, соответствует совр. каб.-черк. *зауэ* — 'война'. Однако еще в начале XIX в., как это явствует из записей Ш. Ногма, это слово имело значение 'воин'²⁶⁷. В целом имя читается *Исай-зао* — 'Исай-воин'. С синтаксической точки зрения граффити выдержано в нормах касожской (кабардино-черкесской) речи: профессия или звание, как грамматическое приложение, стоит на втором месте.

5. Граффити на дне кружки № 11 (табл. XXI, 1, рис. 13) состоит из двух букв. Обе буквы нам известны. Первая *и* в форме восьмерки, вторая — сирийско-несторианского дукта конечная *pip* (см. табл. XXI, 4, 2). Граффити транслитерируется как *ин* и представляет собой также касожское собственное имя: *Ин* — 'Великий', 'Большой'. Прилагательное *ин* в субстантивированной форме в совр. кабардино-черкесском языке встречать не приходилось, но что оно могло субстантивироваться, показывает слово *иныжь* — 'великан'. Прилагательное *ин* применительно к человеку употребляется в значении слова, характеризующего как духовные, так и физические его качества.

Как явствует из проведенного исследования, количество надписей и граффити на сосудах, исключая две греческих и одну тюркоязычную, оказывается равным не 18, как это представляется визуально, а 15.

Теперь перейдем к общим выводам, которые можно сделать из проанализированных надписей и граффити.

1) Как следует из надписи на чаше аланского кагана Ута, последний именовал себя не только каганом, но и жителем селения *Нагæ Nagy* = *Nagy-Szent-Miklós*.

²⁶⁷ Ногма Ш. Б. Филологические труды, т. I, — Нальчик, 1956, с. 159.

Мы не знаем, принадлежало ли богатство надь-сен-миклошскогоклада кагану Уту или оно составилось из золота, награбленного и у других владельцев (взять хотя бы чашу с тюркоязычной надписью греческого письма), но из текстов граффити «наша душа, это Тука» и «это я вырезал Тука» явствует, что некий алан по имени Тука возглавлял противоборствующую кагану Уту ватагу и что эта ватага ограбила Ута. Едва ли можно сомневаться в том, что под властью кагана Ута было какое-то количество соплеменников.

В этническом отношении ватага представляла собой, по-видимому, часть того же общества или селения, в котором правил каган Ут. Составлявшие ватагу осетины (аланы) пользовались тем же диалектом и тем же письмом, что и резчик надписи для кагана Ута. То, что в ватагу, возглавляемую ее «душой» аланом Тукой, входило, как можно судить по имени, какое-то количество касогов, не меняет положения. Не исключена возможность, что и сам каган Ут тем же способом, как и ватага Туки, «приобрел» золотые сосуды. За то, что надь-сен-миклошский клад представлял собой награбленное имущество, говорит тот факт, что граффити, сделанные на сосудах, носят след дележа, т. к. принадлежат разным лицам. Преследуемые, вероятно, каганом Утом, грабители в критический момент зарыли богатство.

2) Когда мог произойти факт грабежа и к какому времени следует отнести аланские граффити и надписи на сосудах? Наличие в надписи на чаше аланского кагана Ута венгерского слова *pagu* — ‘большой’, ‘великий’, использованного для названия селения (алан. *Нагæ* = венгр. *pagu*), говорит за то, что эти события никак не могли произойти ранее, чем венгры (мадьяры) основали здесь поселение, в дальнейшем известное под именем Nagy-Szent-Miklós, или вообще заселили эти места. А заселить их они могли, с учетом времени, необходимого для освоения новых земель, только спустя какое-то время после 896 г., когда венгры впервые появились на занимаемой ими ныне территории. Этот тезис поддерживает и тюркоязычная надпись греческого письма на сосуде, оказавшаяся в кладе. По палеографическим данным, а именно по форме буквы, В. Feher датирует ее, как уже говорилось, временем между 820—906 гг. Следовательно, сосуд с тюркоязычной надписью греческого письма мог оказаться среди предметов клада, рядом с чашей кагана

Ута из селения Нагæ (Nagy), никак не ранее начала X в. Г. Ильинский считает, что «судя по следам христианского влияния в орнаменте диска — после 866 г., когда дунайские болгары приняли христианство»²⁶⁸. Независимо от того, пришли ли предки осетин — аланы, группировавшиеся вокруг кагана Ута, в эти места вместе с венграми или ранее, скажем, с булгарами Аспаруха, датировку осетинских (аланских) надписей и граффити на сосудах и событие грабежа следует относить к X в. Уточнить ее могут конкретные материалы по истории селения Nagy-Szent-Miklós и, в первую очередь, археологические разыскания.

3) Как мог заметить читатель — графика осетинских (аланских) надписей и граффити на сосудах по форме и значению букв находит себе параллели в осетинских (аланских) надписях Маяцкого городища на Дону VIII—X вв., в касожских граффити осетинского (аланского) письма на камнях Хумаринской крепости X—XI вв., в осетинских (аланских) надписях на археологических объектах X—XI вв. и более раннего времени в районе Кисловодска и р. Кумы и в буквах тюркоязычной надписи аланского письма из Таласа (Киргиз. ССР), датированной проф. Б. И. Панкратовым по особенностям передачи в ней одного топонима XII в. н. э. Графические связи осетинского (аланского) письма надь-сен-миклошских сосудов оказываются таким образом весьма широкими. Так как аланы двигались по направлению с востока на запад, наиболее ранние формы этого письма следует искать на территории Восточной Европы, Северного Кавказа — Закаспия, где, по китайским средневековым источникам, на аланской территории (Северный Казахстан) существовали христиане сирийской ориентации²⁶⁹. Поэтому не оказывается неожиданным тот факт, что средневековое осетинское (аланское) письмо строится на сирийско-несторианской графической основе и что эта основа является неременным компонентом всех средневековых изводов осетинской (аланской) письменной графики, к какому бы географическому району она не относилась. Видно это и на надь-сен-миклошском письме. Однако, как показывают факты, средневековое

²⁶⁸ Ильинский Г. Указ. соч., с. 215.

²⁶⁹ Кюнер Н. В. Китайские известия о народах южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961, с. 100, 180.

осетинское письмо на сирийско-несторианской графической основе было вторичным явлением. На территории Северного Казахстана, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья и Северного Кавказа оно столкнулось с более ранним, древнеосетинским письмом на арамейской графической основе. Это письмо можно видеть в надписях на баночных сосудах срубной культуры, в граффити на керамическом обломке с городища горы Крестовой в Кисловодске и других памятниках. Аланское средневековое письмо сирийско-несторианского дукта не устранило целиком древнеосетинского письма арамейской основы, а смешалось с ним. В новом варианте письма стали употребляться вперемежку буквы обоих письмен, нарушив тем самым единство и стройность каждой графической системы (см. табл. XXI, 4, 1 и 2). Эту древнейшую арамейского дукта основу осетинского письма мы наблюдаем и в аланском письме надь-сен-миклошских сосудов.

Но есть в осетинском (аланском) письме на надь-сен-миклошских сосудах, по крайней мере, четыре таких буквы, формы которых не находят себе объяснения ни в арамейском, ни в сирийско-несторианском письменах. Это слогографемы *ан* двух типов, *æй* и *ам*. Один тип слогографемы *ан*, в виде скобообразной буквы, наличен, кроме надь-сен-миклошского письма, в тюркоязычной надписи из Таласа и в касожских граффити на камнях Хумаринской крепости. Словографема *æй*, кроме надь-сен-миклошского письма, имеет свой вариант в хумаринских граффити. Остальные слогографемы принадлежат только надь-сен-миклошскому письму, точнее будет сказать, осетинскому (аланскому) средневековому письму на территории Южной Венгрии. Происхождение и необходимость создания слогографем, как говорилось во «Введении», пока неясны.

Присматриваясь к графической основе надь-сен-миклошского аланского письма, мы можем себе представить, какой длинный путь проделали его носители на протяжении ряда веков, прежде чем оказаться в Европе: Закаспий, Северный Кавказ в верховьях р. Кубани, Нижний Дон, южнорусские степи и наконец Европа. О пребывании надь-сен-миклошских алан на Северном Кавказе и о движении их через южнорусские степи, кроме письма, говорят и собственные имена из ватаги алана Туки.

4) Принадлежность языка надписей и граффити на надь-сен-миклошских сосудах к осетинскому языку не вызывает никаких сомнений. Язык свободно, без какого-либо насилия над ним и без каких-либо натяжек уложился в графику письма, подтвердив тем самым правильность палеографической интерпретации букв, нашедших себя в аналогичной форме и звучании в осетинском письме за пределами Венгрии, включая источники происхождения письма.

Фразы надписи и граффити на сосудах сугубо этнические, чрезвычайно просты по своему содержанию и хорошо соответствуют своему назначению. Они дают, хотя и не очень большой, но достоверный материал для истории звуков, форм и диалектных особенностей средневекового осетинского языка.

Общий вывод таков: надписи на надь-сен-миклошских сосудах открыли нам новую, доселе неизвестную страницу из истории формирования осетинского народа и его культуры.

Очерк 11. Надпись на пряслице с городища Уллу-Дурбала близ г. Кисловодска (XIII—XIV вв. Северный Кавказ)

По сообщению археолога Э. В. Ртвеладзе, городище Уллу-Дурбала, или, как его иначе называют, Уллу-Дурбунлу (Большие пещеры), где было найдено пряслице, находится на правом берегу р. Подкумок, в 5 км на западе от селения Терезе. Городище расположено на высоком мысе, с одной стороны омываемом Подкумком, с другой — речкой Уллу-Дурбунлу. На городище фиксируются три параллельных друг другу каменных вала, защищающих его с юга, а также замечено достаточно много разрушенных фундаментов различных строений, одно из которых, вероятно, было церковью. В августе 1963 г. археологом Э. В. Ртвеладзе совместно с археологом А. П. Руничем был обнаружен на городище могильник с разрушенными могильными склепами, которые балкарцы называют *кешане*. Склепы были ограблены, но по остаткам инвентаря, в частности, по нескольким стеклянным браслетам, а также по форме самих наземных сооружений, могильник датируется X—XII вв. Пряслице с надписью найдено в небольшом шурфе, заложенном

Э. В. Ртвеладзе и А. П. Руничем в северной части города Уллу-Дурбала. Вместе с пряслицем найдены невыразительные фрагменты сероглиняной керамики с линейным орнаментом, характерным также для X—XII вв. Таким образом, пряслице с надписью с Уллу-Дурбала, по археологическим данным, датируется в рамках X—XII вв., а может быть, и несколько позднее, поскольку аланское население этих мест было отчасти вытеснено, отчасти ассимилировано пришедшими сюда тюркскими карачаево-балкарскими племенами далеко не сразу.

Пряслице в форме правильного круга выточено из светло-серого песчаника. Размер его в поперечнике 3 см, размер отверстия со стороны надписи 1 см, с противоположной — 0,8 см. Толщина пряслица — 0,9 см. Глубина букв надписи неравномерна (см. табл. XXII, рис. 1).

Дукт письма надписи сирийско-несторианский. Буквенных знаков в надписи 12. Из них сирийско-несторианскими являются 11, а один знак, по-видимому, старый аланский, может быть, салтово-маяцкий. Из сирийско-несторианских букв *w*, *s* и *c* повторяются дважды. Противоположная надписи сторона пряслица, по-видимому, также имела какой-то текст, но она настолько истерта, что разобрать какие-либо буквы совершенно невозможно. Сирийско-несторианская буква ' (*'ajin*) в осетинском средневековом письме, как и в древнеосетинском письме арамейского дукта, обозначает осетинское *æ*. Буквой *waw* одинаково передаются *o*, *y*, *v*. Девятый буквенный знак интерпретируемой надписи мы относим к маяцким. Исходя из текста надписи, он обозначает *e*. Располагая буквы надписи в строку, мы получаем ее текст в таком виде (см. табл. XXII, рис. 2).

Ближайшим образом буквы уллу-дурбалайской надписи сопоставимы с сирийско-несторианскими буквами уже известных нам семиреченских надписей XIII—XIV вв.

Первая буква данной надписи *tim* сопоставима с *tim* семиреченских надписей под 1566, 1583, 1584 гг. селевкидской эры (1255, 1282, 1283 гг. христианской эры).

Вторая буква надписи, *'ajin*, издавна используемая в осетинском письме для обозначения *æ* < *ä*, в нашей надписи несколько растянута и образует угол, верхняя линия которого закруглена. Буква весьма близка в своем хабите к *'ajin* семиреченских надписей под 1574 и 1611 гг. селевкидской эры (1263, 1300 гг. христианской эры). Другая, одиннадцатая, *'ajin* нашей надписи, с учетом ее

несколько необычного положения, также типична для семиреченских и сопоставима с *'ajin* 1575 г. селевкидской эры (1264 г. христианской эры).

Третья и восьмая буквы надписи, *waw*, однотипны и в этой форме сопоставимы с семиреченскими под 1566, 1569, 1583 гг. селевкидской эры (1255, 1258, 1272 гг. христианской эры).

Весьма интересны по своему хабиту *samesh* нашей надписи. Обычно эта буква в сирийско-несторианском письме состоит из двух элементов в виде либо вплотную прилегающих друг к другу полукругов, либо трех- или четырехугольников с одной общей линией основания. В буквах нашей надписи два элемента буквы *samesh* только намечены и линии их соединения не доведены до основания.

Четвертая по счету *samesh* нашей надписи, вычерченная наподобие формы «сердечка», находит себе близкую параллель в одной надписи из Одессы 350—400 г. н. э., исполненной письмом эстрангело²⁷⁰.

Что же касается десятой *samesh* нашей надписи, то в этой оригинальной форме она не встречалась нам в памятниках сирийской письменности.

Пятая буква надписи, *jod*, в этой ее форме весьма типична для сирийско-несторианского письма вообще. Из семиреченских надписей можно указать к ней параллели под 1560, 1581, 1609 гг. селевкидской эры (1249, 1270, 1298 гг. христианской эры).

Шестая буква надписи, *'alef*, в данной форме находит себе ближайшую параллель в семиреченской надписи под 1560 г. селевкидской эры (1249 г. христианской эры).

Седьмая буква надписи, *lamad*, по сравнению с типическим *lamad* сирийско-несторианского письма представлена здесь зеркально. Поставленная в обычное положение, она находит себе ближайшую параллель в семиреченских надписях под 1561, 1566, 1569 гг. селевкидской эры (1250, 1255, 1281 гг. христианской эры).

Из остающихся букв надписи, ранее не рассмотренных, остается подвергнуть палеографическому анализу две; девятую, интерпретируемую нами как *e*, и последнюю, двенадцатую, *-nun*.

²⁷⁰ Euting J. Tabula scripturae aramaicae. Приложение к кн.: Chwolson D. Syrisch-nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie. St. Pbg. 1890.

Девятая буква надписи по своему хабиту не принадлежит к буквам сирийско-несторианского и вообще сирийского письма, относится, очевидно, к маяцким. Небольшие шипы с двух противоположных сторон в верхней и нижней частях вертикального штриха буквы отличают ее от маяцкого *и* в виде вертикальной черты. Поскольку повторных параллелей этой буквы мы пока не имеем, предположение, что девятая буква *e*, а не *и* следует рассматривать только как догадку. По району находки надпись можно считать дигорской, а не иронской. Если бы она была иронской, то у пишущего была бы полная возможность использовать в данном случае для целей передачи диалектных особенностей сирийско-несторианскую букву *jod-и*, как он это сделал при обозначении родительного падежа (см. пятую букву надписи).

Двенадцатая буква надписи, *пип*, в форме крестообразного штриха, для сирийско-несторианских надписей типична. Нетипичным является только положение буквы в нашей надписи. Крестообразные *пип* семиреченских надписей располагаются вертикально крестом вниз, реже вверх, *пип* же нашей надписи расположена горизонтально. Ср. из семиреченских — надписи под 1575, 1642, 1650 гг. селевкидской эры (1264, 1331 и 1345 гг. христианской эры). Обобщая палеографические наблюдения в таблице, мы получаем следующую картину (см. табл. XXII).

По палеографическим данным, уллу-дурбалайская надпись может быть отнесена к XIII—XIV вв. н. э. Наличие в ней особого маяцкого знака для передачи звука *e* еще раз говорит за то, что аланское средневековое письмо на сирийско-несторианской графической основе было для осетин явлением вторичного порядка, постепенно оттеснившим более старое письмо арамейского дукта.

Транскрибируя надпись в современном осетинском письме с соответственными словоразделами, читаем ее так:

Мæ осæ алвесæн — 'Моей жены прялка (прясло)'.

То, что в надписи нет имени собственного жены — владелицы пряслица, — в порядке вещей. Произносить и тем более писать имя жены по обычаю осетин считалось непозволительным.

Надпись выдержана в фонетических, грамматических и лексических нормах дигорского диалекта. Наличие здесь этого диалекта более чем к месту, поскольку дигор-

ским по эпиграфическим данным оказывается на близлежащей территории такой памятник, как надпись на бусине с городища при Рим-горе под Кисловодском (см. гл. II, очерк 9).

Глава III. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ НАДПИСИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА ЧУЖОГО (несобственного) письма

Очерк 1. Иронская надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа (IV в. н. э. Абхазия)

В Государственном Эрмитаже в Ленинграде (отдел Востока, инв. № 61170) хранится инталия с тремя погрудными изображениями женщины, юноши и мужчины и с надписью греческого письма, по-гречески не интерпретируемой.

Опубликовавший эту инталию Р. В. Кинжалов посвятил ей специальную статью²⁷¹.

Инталия представляет собой плоский оранжево-красный овальной формы сердолик, заключенный в золотую оправу.

Лицевая сторона оправы расцвечена 26 гнездами, заполненными вперемешку стеклышками красного цвета и серо-зеленоватой пастой. Стеклышки и паста не везде сохранились. Обратная сторона оправы совершенно гладкая. С боков и в нижней части оправы имеются ушки, указывающие на то, что инталия была составной частью какого-то украшения. Размер инталии вместе с оправой равен 3,9×5,15 см, самого камня — 2,5×3,4 см. Вес инталии в оправе 15,72 г.

Инталия поступила в Эрмитаж в 1888 г. из Абхазии от В. М. Шервашидзе. Точное место и обстоятельства находки неизвестны, но на основании архивных данных Эрмитажа можно заключить, что она была найдена где-то в районе впадения р. Келасури в Черное море.

Рассматривая надпись на инталии с чисто внешней стороны, убеждаемся, что она вырезана зеркально. Сле-

²⁷¹ Кинжалов Р. В. Резной сердолик Государственного Эрмитажа (к вопросу об ономастике Закавказья III—IV вв. н. э.) // Исследования по истории культуры народов Востока. — М. — Л., 1960, с. 98—104.

довательно, читать надпись на инталии следует по оттиску слева направо (см. табл. XXIII).

На оттиске с инталии слева мы видим изображение женщины средних лет. Корпус женщины дан в полуфас, лицо в профиль. У нее большие глаза, довольно прямой крупный нос, маленький рот; волнистые волосы опускаются до плеч. Взор женщины обращен вправо, где рядом с ней, в центре инталии, помещено в фас изображение юноши. Лицо юноши на четверть оборота повернуто в сторону женщины. У него короткие вьющиеся волосы. Направо от юноши изображен лицом в профиль и корпусом в полуфас, как и женщина, мужчина средних лет, с небольшой, обрамляющей лицо бородой и усами. У него также волнистые волосы, довольно крупный нос, глаза меньше, чем у женщины. Взор мужчины обращен в сторону женщины и юноши. Все трое одеты однообразно, что характеризует, как нам представляется, этническое единство лиц. Поверх сорочки с круглым воротом накинута какая-то одежда то ли с отворотом, то ли с опушкой, вероятно, узорчатая, о чем говорит штриховка ткани.

По овалу на сердолике вырезана надпись греческого письма. Она начинается слева от изображения женщины. Здесь, снизу вверх, как бы по овалу вырезано NINAΣ. Справа от юноши, отчасти над его головой, с небольшим наклоном вправо и в том же письме читаем OYHZ и за головой мужчины, сверху вниз, -ANHΣ. В нижней части камня, под изображениями, слева направо читается OYAPHOYHΣ.

Пытавшийся прочесть надпись на инталии ее публикатор Р. В. Кинжалов высказал предположение, что все четыре написания представляют собой личные имена, последнее, нижнее — родовое, но объяснить эти имена, кроме предположительного женского — Нина, не смог.

При попытке интерпретации надписи у нас возникло предположение, что она выполнена сплошной строкой и отдельные написания нужно, отправляясь от этой сплошной строки, делить на образующие надпись слова и формы.

При изучении надписи прежде всего обращает на себя внимание то, что все три написания — левое, правое верхнее (если его принять за единое) и нижнее — имеют почти однообразные окончания. Это навело на мысль, что в надписи мы имеем дело с осетинским язы-

ком, если трактовать эти окончания как (H)Σ и HΣ = (ι)ξ и ιξ, а рассматривать их соответствующими осетинскому ирон. -ис — форме 3-го л. ед. ч. настоящего времени вспомогательного глагола 'быть'.

В соответствии с этим предположением надпись на инталии представилась нам в виде трех самостоятельных фраз:

NINAΣ, OYHZANHΣ, OYAPHOYHΣ.

В результате работы оказалось, что первая фраза, NINAΣ, состоит из женского имени NINA — 'Нина' и вспомогательного глагола (ι)Σ — совр. осет. ирон. ис — 'есть'.

Женское имя Нина, вероятно, было заимствовано из древнегрузинского языка и приобрело засвидетельствованную надписью форму уже в осетинской среде. Несколько подробнее об этом см. ниже.

Ударение в эпиграфическом осетинском женском имени NINA падало, по-видимому, как и ныне в иронском диалекте, на конечный, т. е. второй слог, и вместе с вспомогательным глаголом (ι)Σ — 'есть' составляло единый фразовый акцентуальный комплекс²⁷². Однако, как мы видим, эпиграфический фразовый комплекс NINAΣ — ирон. Нина ис — 'Нина есть' графически отличался от орфоэпического. Получалось это потому, что в греческой лапидарной практике *i subscriptum* (подписная иота), в данном случае под гласной *a*, не писалась. Таким образом, здесь вместо обычного для рукописей Nivaξ получалось Nivaξ (см. табл. XXIII, рис. 2).

Вторую фразу надписи на инталии, что вырезана вверху со смещением вправо, -OYHZANHΣ можно разделить на следующие словоформы: OYH ZAN HΣ. Эта фраза, очевидно, исторически соответствовала современному осет. ирон. *уй зæнæг ис*, с тем, однако, различием, что слово *зæнæг* было употреблено здесь в своей более древней форме, без суффикса -æг, и в значении не 'потомство', а 'семейство'. Взгляните на инталию. Можете ли вы представить себе в примерно одновозрастном женщине бородатом мужчине ее потомка? А ведь вторая надпись на инталии по ее местоположению относится не только к юноше, но и к мужчине. Вероятнее всего предположить здесь филиацию в значении слова ZAN.

²⁷² Абаев В. И. Об ударении в осетинском языке // ДАН-В, 1924, октябрь-декабрь, с. 152, 154.

Иначе говоря, вторая фраза, транскрибируемая как *ui zap is*, по нашему мнению, имела значение: 'ее семейство есть' (см. табл. XXIII, рис. 2).

Сплошной текст нижней, третьей фразы надписи после разделения на словоформы представляется в таком виде: *ΟΥΛ ΡΗΟΥ ΗΣ* (см. табл. XXIII, рис. 2).

Транскрибируя эту фразу как *ul- giu is*, мы считаем ее утраченной иронской, отвечающей по форме и значению еще живому дигорскому предложному образованию: *uæl-geu jes* — 'на груди есть'.

Характеризуя предложные образования этого типа, В. И. Абаев сообщает, что они являют собой нечто застывшее, сцементировавшееся и должны быть рассматриваемы скорее как сложные слова, чем как предложные образования в собственном смысле слова (предлог сочетается здесь не с каким-либо косвенным падежом, а с основой)²⁷³.

Данная В. И. Абаевым характеристика этого типа предложного образования показывает, что он, этот тип, достаточно древен и, следовательно, мог существовать когда-то и в иронском диалекте, но исчез. Наша надпись дает право на такое заключение.

В целом надпись на инталии представляется состоящей из трех самостоятельных осетинских предложений: *Nina(i)s* (эпигр. *NINAΣ*) 'Нина есть' (совр. ирон. *Нина ис*); *ui zap is* (эпигр. *ΟΥΗΣ ΖΑΝΗΣ* — 'ее семейство есть') (ср. совр. ирон. *уй зæнæг ис*, с иным значением и новой формой слова *зан*) и *ul-giu is* (эпигр. *ΟΥΛΡΗΟΥΗΣ* — 'на-груди есть', в современном иронском утрачено, ср., однако, дигор. *уæл-реу йес*).

Отправляясь от содержания приведенных предложений, можно думать, что инталия первоначально служила печатью осетинской владелицы по имени Нина и на ней были вырезаны только левая боковая и верхняя сдвинутая вправо надписи, т. е. *NINAΣ* — 'Нина есть' и *ΟΥΗΣ ΖΑΝΗΣ* — 'ее семейство есть'. В дальнейшем камень-печать был использован вторично в нагрудном украшении, и тогда на нем появилась нижняя надпись: *ΟΥΛΡΗΟΥΗΣ* — 'на груди есть'. Делая эту приписку на камне-печати, резчик вырезал ее также зеркально. Соблюдением этого приема не нарушалась гармоничность надписи, что еще раз свидетельствует о художест-

венном вкусе и грамотности резчика. Единство стиля не было нарушено.

Случаи вторичного использования камней-печатей как украшений нередки²⁷⁴.

По характеру резьбы и моделированию изображений Р. В. Кинжалов относит инталию к последней четверти III — первой четверти IV в., указывая там же, что палеография греческих букв надписи (см. табл. XXIII, рис. 1 и 2) поддерживает эту датировку²⁷⁵.

Однако нам представляется, что наличие в инталии женского имени Нина, проникшего в осетинский язык из древнегрузинского, не дает возможности датировать инталию и надпись на ней в рамках, предложенных Р. В. Кинжаловым.

Появление в грузинском ономастиконе личного женского имени Нина связано с личностью проповедницы христианства в Грузии каппадокийкой Ниной. Грузинская церковная традиция относит появление ее в Грузии в 315 г. Умерла она, по данным церкви, в 340 г. Таким образом, имя ее, как можно думать, стало особенно популярным и модным в Грузии и в прилегающих к ней областях после утверждения в Грузии христианства как государственной религии, т. е. около 337 г. и позже.

Отталкиваясь от этих данных и соображений, мы склонны относить инталию и надпись на ней к IV в. н. э., а в пределах этого века — не раньше чем ко второй его четверти.

Следует обратить внимание на то, что носителем христианского имени Нина, которое появилось в Грузии только в IV в., является осетинская женщина. По-видимому, владелица инталии была христианка. Маловероятно, чтобы имя Нина проникло к осетинам в IV в. непосредственно из Каппадокии, минуя Грузию.

Вероятно, место находки инталии, где-то в районе впадения р. Келасури в Черное море, т. е. на территории исторической Авазгии (Абхазии), дает возможность сделать предположение о непосредственной близости в IV в. местожительства абхазов и осетин.

Документальных известий, непосредственно и конкретно указывающих на места, занимаемые предками осетин в горах Кавказа в IV в., мы не имеем; но если

²⁷³ ОЯФ, с. 427.

²⁷⁴ Кинжалов Р. В. Указ. соч., с. 100—101.

²⁷⁵ Там же, с. 101—102.

соотнести сведения об этом более поздних авторов — Прокопия Кесарийского (VI в.) и Феофана Византийского (VIII в.) — с указанием о месте находки нашей инталии, представляется возможность с достаточной определенностью заключить, что в IV в. предки современных осетин, именуемые аланами, жили в верховьях р. Кубани и южнее от этих мест, в горах Главного Кавказского хребта.

Прокопий Кесарийский определяет границы территории алан в горах Кавказа так: с юга с аланами граничат сваны, с запада — племя брухов²⁷⁶, которое отделяет их от авазгов (абхазов), с востока — гунны-сабиры²⁷⁷. Из сообщений Прокопия можно заключить, что аланы в горах занимали места к северу от Сванетии и к востоку от Абхазии, т. е. жили на территории нынешней Балкарии и Карачая.

Феофан Византийский сообщает, что когда император Юстиниан II направил в 703 г. Льва Исавра послом в Аланию, путь туда и обратно пролегал через Авазгию. Никакие промежуточные области и племена им не упоминаются. В этом сообщении заслуживает внимания тот факт, что владетель Авазгии, предостерегая алан против Льва Исавра, говорит им, что «Юстиниан прислал его, чтобы возбудить нас против вас, наших соседей». Аланы, в свою очередь, говорили послу про авазгов: «Мы имеем с ними сообщение, и наши купцы всегда ходят туда»²⁷⁸.

²⁷⁶ Племя брухов (*bruchoi*), по-видимому, представляет собой тех же алан, располагавшихся по отношению к Авазгии (Абхазии), образно говоря, «на линии передней обороны». По нашему мнению, это племенное название образовано от осет. ирон. *бру* (геср. *быру*) 'крепостная стена', 'вал', 'укрепление', 'ограда' с соответственным суффиксом может быть, ирон. *-ыг* того же значения, что в словах *хъысыг* 'щетинистый' или *мæсыг* 'башня' (см. Вс. Миллер. *Ossetica*. — М., 1904, с. 62, п. 7). Если это так, то между аланами и авазгами (абхазами) не существовало никаких промежуточных племен. Свидетельство Феофана Византийского, приведенное ниже, подчеркивает правомерность такой догадки.

²⁷⁷ Прокопий из Кесарии. *Война с готами*. — М., 1950, с. 381, 383. *Guerre Gotica di Procopio di Cesarea*, v. 3, Roma, 1828, p. 15—16, 21.

²⁷⁸ ОЯФ, с. 310; *Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта в переводе с греческого В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского*. — М., 1884, с. 286—287.

Следовательно, Феофан Византийский, как и Прокопий, помещает алан в соседстве с авазгами.

Этим путем, по которому ходили в Авазгию купцы и по которому, как можно полагать, шел в Аланию в 703 г. Лев Исавр, мог быть путь либо через Клухорский перевал к истокам р. Кодор и вдоль нее к выходу в Черное море и на побережье Авазгии, либо от истоков р. Кубани через Марухский перевал к истокам р. Чхалты, притоку р. Кодора, и далее опять вдоль р. Кодора к морю. Таким образом древняя Алания выходила на Черное море, а в горах и контролировала эти пути²⁷⁹.

Вот почему место находки осетинской (аланской) инталии в Абхазии где-то в районе устья р. Келасури, соседней с р. Кодор, не кажется неожиданным.

Кроме этих двух фактов — факта примерной датировки инталии и факта, косвенно подтверждающего существование Алании в IV в. там же, в верховьях р. Кубани и южнее ее, где Алания находилась в VI, VIII и затем X вв., — осетинская инталия заслуживает внимания и изучения как исторический памятник сама по себе со многих сторон.

Для X в. достаточно вспомнить о находке на р. Зеленчук, притоке р. Кубани, известной осетинской зеленчукской надписи, датируемой нами 941 г. (см. ниже, очерк 2).

Во-первых, инталия интересна своей надписью. На Кавказе эта надпись является первым и самым древним памятником осетинского языка чужого письма. До сих пор мы довольствовались только личными именами. Связного фразового текста мы не имели.

Во-вторых, надпись на инталии показывает нам, что диалектные различия осетинского языка начинаются намного раньше, чем это предполагалось. Ниже мы постараемся показать, что понимание этой надписи с позиций дигорского диалекта невозможно.

В-третьих, поскольку текст надписи осетинский и относится к изображенным на инталии лицам, не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с портретами алан, предков осетин, в их физическом облике и одеянии IV в.

²⁷⁹ Интересное предварительное сообщение по этому вопросу было сделано 7 января 1929 г. в ГАИМК А. Н. Дьячковым-Тарасовым. См.: *Зап. Северокавказского краевого горского НИИ*, т. II. — Ростов-на-Дону, 1929, с. 332—333, 347. Работа эта, к сожалению, не получила развития.

н. э. Факт этот не менее знаменателен и интересен, чем сама надпись.

В-четвертых, обращает на себя внимание тот факт, что на инталии, при наличии трех фигур, из которых две мужских, обозначено имя только женщины, в то время как из композиционного положения фигур можно полагать, что обращенные своими профилями к центральной юношеской фигуре лица женщины и мужчины, по-видимому, находятся по отношению к юноше, а следовательно и между собой, в каком-то родстве. Очевидно, это мать и отец, жена и муж. На инталии же, как мы видим, обозначено только женское имя. Мужчина и юноша безымянны. Отсюда невольно напрашивается вывод о том, что в аланской среде IV в. были еще налицо матриархальные порядки, а роль женщины в обществе была столь значительна, что ее муж рядом с ней мог быть неназван, как и ее дитя. В этой детали инталия представляет собой для исторической науки находку первостепенную.

В-пятых, изучавший инталию как памятник искусства Р. В. Кинжалов указал на то, что ее по исполнению нельзя отнести, строго говоря, ни к памятникам античным, ни к памятникам сасанидским, ни к памятникам парфянским²⁸⁰. Такое наблюдение представляется справедливым. Его поддерживает надпись. Стилистически она настолько самобытна, в ней, фигурально говоря, настолько ярко выражено «варварство», что ее трудно поставить в один ряд с другими традиционными надписями на инталиях. Вне сомнения, и камень резал и оправу к нему ковал местный (кавказский) мастер.

В заключение следует сказать, что мы интерпретируем надпись как иронскую, а не дигорскую.

В первой фразе на инталии эпиграфическое NINAΣ может быть графически объяснено только через осетинское иронское Nina is, а не дигорское Nina jes, ибо в эпиграфическом NINAΣ в соответствии с приемами лапидарной эпиграфической практики может быть не отражено только *i subscriptum* (подписная иота). Иначе говоря, осетинский вспомогательный глагол после гласной *a* в слове NINA мог орфоэпически начинаться только с *i*, а не с *η*.

Если бы вспомогательный осетинский глагол произно-

сился в данном случае не *is*, т. е. не по-иронски, а *es* (даже без *j*, что сомнительно и орфоэпически, и графически), т. е. по-дигорски, то резчик надписи первую осетинскую фразу, с именем собственным, оканчивавшимся на *a*, изобразил бы в форме NINAHΣ, а не NINAΣ. Но он этого не сделал. Следовательно, *η* произносилось им как *i*.

Эллинист проф. И. М. Тронский подчеркнул, что произношение «эты» как *i*, а не *η* для данного времени (IV в.) вне сомнений, что разве только истые грамотеи, копирующие более старые образцы греческого письма, произносили графическую «эту» в тот век как *η*, а не *i*, и едва ли можно отнести к этим грамотеям резчика инталии, передававшего мысль по-осетински, а не по-гречески.

Действительно, подставляя во всех случаях в осетинские слова инталии вместо графической *η* орфоэпическое *i*, получаем в надписи последовательно иронские формы: Nina (i) s, *ui zap is*, *ul-giu is*. Предлог *ul* представляет собой утраченную иронскую параллель к дигорскому *uæl* в таком предложном образовании, как *uæl-geu jes*.

Если же стать на позицию отражения в надписи дигорского диалекта, многое окажется в ней трудно объяснить, кое-что невозможно. Прежде всего окажется непонятным, почему в надписи в начале слова дигорское *e* не иотировано. У резчика надписи такие возможности были. Затем окажется необычной форма NINAΣ. Как ее объяснить? Из NINAHΣ (с *H-e*) на осетинской орфоэпической и греческой графической (лапидарной) почве форма NINAΣ никак получиться не могла. Наконец, как объяснить в этом случае форму OYH, отвечающую местоимению *ui* (совр. ирон. *уй*) её? Ведь если признать *H-e*, то оно предстанет нам в странной форме *ue* вместо дигор. *uoj* (*уой*).

Можно, конечно, занять третью позицию и допустить, что резчик представлял собой субъекта, в речи которого отразилась некая ступень перехода от дигорских норм к иронским. Иначе говоря, допустить, что в одних случаях он произносил дигорское *je* — *e*, в других — иронское *i*. Но такая точка зрения представляется неубедительной, ибо наличие в речи одного и того же лица норм произношения двух диалектов скорее говорило бы не об исторически переходной ступени в развитии языка, а о существовании двух диалектов уже как самостоятельных.

²⁸⁰ Кинжалов Р. В. Указ. соч., с. 100.

Очерк 2. Зеленчукская надпись — памятник ясского диалекта осетинского языка (X в. (941 г.) Северный Кавказ)

Венгерский тюрколог Ю. Немет первым из ученых столкнулся с ясским диалектом. В списке слов на языке ясов, алан, которые пришли в Венгрию в XIII в. вместе с половцами из южнорусских степей, осетинский язык оказался мешаным — ироно-дигорским, с преобладанием в нем черт последнего. Этот язык был назван ясским диалектом²⁸¹.

Впервые мы обратили внимание на ясские диалектные особенности при интерпретации четвертой аланской надписи Маяцкого городища VIII—X вв. в личном имени *Шауш* (диг. *сос* — ‘молчаливый’) при глагольной связке *и* в иронской форме. В дальнейшем, в процессе работы над памятниками осетинского средневекового письма и языка, становилось очевидным, что ясский диалект был распространен на довольно обширной территории юга России и Северного Кавказа.

Ясской, т. е. ироно-дигорской, при новом пристальном рассмотрении оказалась из известных памятников и надпись на Зеленчукской плите, в которой мы перечитываем заново с позиций ясского диалекта шестую-девятую строки и конечное слово надписи перед датой (табл. XXIV, рис. 1 и 2). Выказанное нами ранее мнение о том, что на осетинский язык памятника оказал влияние язык средневековых кабардино-черкесов (касогов), следует считать потерявшим свое значение²⁸². Зеленчукская надпись — памятник во всех отношениях осетинский.

Первое слово шестой строки *сах* соответствует совр. осет. *сахъ* (*хъ*) — ‘доблестный’. Геминация фарингала в графике памятника не отражена. Следующее, второе слово шестой строки, начинающейся с греческой «иты», представляет собой начальный гласный слова, продолженного в седьмой строке. В целом оно звучит *при*

²⁸¹ Németh J. Eine Wörterliste der Jassen, ungarländischen Alanen. Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften in Berlin, 1958, 4, S. 1—36. Есть русский, немного сокращенный перевод В. И. Абаева: Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. — Орджоникидзе, 1960, с. 1—24.

²⁸² Эпиграфика Востока, т. XII, с. 48—51.

(эпигр. *ηρη*) и представляет собой дигорскую форму родительного падежа этнонима *ирæ* — ‘осетины’. Слово *при* вместе с предшествующим ему именем *сахъ* (*хъ*) образует генетивную определительную конструкцию: *сахъ* (*хъ*) *при* — ‘доблестных осетин...’

Седьмая строка текста, кроме перенесенной на нее части слова *при*, имеет дефектное слово *фо* (*υ*)..., ранее всеми исследователями читавшееся как *φου* [*φι*] — осет. диг. *фурт* — ‘сын’, в действительности же представляющее ясское *фу* [*до*] *х* — ‘скорбь’ (по поводу смерти близких). В иронском это слово звучит *фыдох*, в дигорском *фудонх*. В эпиграфическом тексте было *фо* (*υ*) *дох* с пропуском *υ* (ср. ниже *ητο* (*υ*) *ο*) и с перенесением *х* на восьмую строку, так как на остающемся свободном от графем месте седьмой строки можно уместить только две буквы. Этими буквами были: *до*, а не *υοτ*. При новой интерпретации слова получает хорошее объяснение наличная в начале восьмой строки буква *х*.

В восьмой строке, кроме буквы *х* от слова *фу* [*до*] *х*, имеется еще одно целое слово: *обо*. По моему убеждению, оно выписано со стяжением конечного дифтонга *ау* в *о* и соответствует ирон. *обау* — ‘надмогильный курган’. В дигорском диалекте это слово в форме *обай* имеет значение ‘могила’, ‘склеп’. Мне представляется, что дигорское значение слова более подходит к тексту памятника.

Слово *обау* (эпигр. *обо*) вместе с предшествующим ему *фудох* образует вторую определительную конструкцию текста: *фудох обау* — ‘скорбная могила’. Соединяя в единое целое разъясненные выше слова шестой-восьмой строк, получаем фразу: *сахъ* (*хъ*) *при фудох обо* (*-обау*) — ‘доблестных осетин скорбная могила’. Фраза соответствует осет. ирон. *сахъхъ иры фыдох обау*. Далее следуют имена погребенных.

Самым дефектным из личных имен оказывается первое. Имя дано в дигорском оформлении: *Истур* (эпигр. *ητο* (*υ*) *ο*) — ‘Большой’. Протетическое *и* помещается на восьмой строке, слог *стур* — на девятой. В памятнике буквы *σ* и *τ* даны в лигатуре *τ*, типичной для X в. К *τ* справа вверху присоединена буква *ο* в виде скобы, обращенной раствором вправо. Такое открытое *ο*, кроме имени *Истур*, наблюдается в слове *обо* — осет. ирон. *обау* — ‘могила’. Личное имя *Истур* дано в родительном падеже на *-и*.

В дальнейшей интерпретации, вплоть до двадцатой строки, мы солидарны с В. И. Абаевым²⁸³. Поправка вносится в слово двадцатой-двадцать первой строки, которое В. И. Абаев интерпретирует как *цирт(æ)*, в надписи *т̃ξηϥθ̃ε*. В. И. Абаев читает текст зеленчукской надписи как текст чисто дигорский. Его интерпретация эпигра. *т̃ξηϥθ̃ε* как *цирт(æ)* говорит о том, что он допускает существование в прошлом дигорской формы с гласным исходом, при современной *цирт*. По нашему мнению, конечная гласная *æ* (-греч. *ε*) отражает ясскую краткую форму глагольной связки, равную диг. *æй*, ирон. *и*. Не исключено, что после «эпсилон» -*æ* в надписи резчиком была допущена еще одна описка, не вырезана «йота», при которой глагольная связка в ясском диалекте звучала, как и в дигорском, — *æй*. При транслитерации текста современным греческим письмом возможная «йота» надписи заключена в круглые скобки (см. табл. XXIV, рис. 1). Иначе говоря, в полном соответствии с нормами осетинского синтаксиса конец текста надписи читаем: *цирт æ(й)* — 'памятник есть'.

В целом осетиноязычный текст зеленчукской надписи в новом чтении с позиций ясского диалекта представляется в таком виде: *сахъ(хъ) ири фу[до]х обо: Истури фурт Бакатар, Баката[r]и фурт Анбалан, А[n]балани фурт Лак, ани цирт æ(й)* — 'Доблестных осетин скорбная могила: Истура сын Бакатар, Бакатара сын Анбалан, Анбалана сын Лаг, этих (-их) памятник есть'.

Далее следует дата памятника. В автографии Г. И. Куликовского она отделена от текста точкой (см. табл. XXIV, рис. 2). С переводом обозначенного на памятнике исчисления времени по солнечному циклу на обычное дата соответствует 941 году н. э.²⁸⁴

Зеленчукская надпись является памятником осетин-

²⁸³ ОЯФ, с. 260—270.

²⁸⁴ ТППЯ, гл. IV, очерк 2, с. 105—106. Датировка эта принята всеми иранистами, исследовавшими Зеленчукскую надпись. Последним из них является профессор Иллинойского университета (США) Ладислав Згуста, приславший мне в марте 1977 г. оттиск своей статьи в сборнике в честь проф. Антонина Достала. Статья носит заглавие: *Inscriptionis palaeo-Osseticae apud Zelenčuk flumen repertae lectiones novae proponuntur*. Выходных данных сборника на оттиске не указано.

ского языка, а не письма. Ни древние, ни средневековые осетины не имели своего оригинального письма на греческой графической основе. На зеленчукской надписи это особенно заметно — оно не приспособлено к осетинской фонетике: фарингальный *хъ* так же, как и увулярный *х*, одинаково передаются греческим «хи», звук *т* передается то «тэтой», то «тау», а взрывной *б*, то через «пи», то через «бэту». Резчик надписи не соотносил графику греческого письма с фонетикой ни своего языка, ни византийско-греческого. Если такое соотношение кое-где и наблюдается, то оно случайно. Традиция письма греческими буквами на осетинском языке отсутствовала. Это подтверждается, в частности, большим количеством описок в тексте зеленчукской надписи. Собственное письмо средневековых осетин было, как мы это знаем, письмом арамейско-сиро-несторианского дукта.

Под зеленчукской плитой лежали члены одной осетинской фамилии. Похоронены они были одновременно, по-видимому, в результате постигшего их какого-то трагического события. Всех погребенных объединяет один эпитет — 'доблестные'.

Не исключено, что зеленчукская могила была кенотафом, т. е. захоронением без погребения. У горцев Северного Кавказа, в том числе и у осетин, такие символические памятники практиковались в тех случаях, когда соплеменник или соплеменники погибали вдали от родины. Кенотафом, в частности, оказался Этокский памятник с кабардинской надписью 1130 года. Раскопки, произведенные археологом Г. И. Ионе на месте, где стояла Этокская статуя, не обнаружили погребения²⁸⁵. По информации, полученной нами от В. И. Абаева, осетины устраивали кенотафы чаще всего на дорогах и у источников, т. е. в местах, наиболее часто посещаемых жителями того или иного селения и проезжими людьми.

В 1964 г. Северо-Осетинский научно-исследовательский институт снарядил археологическую экспедицию для поисков зеленчукской плиты. Последним видел ее в 1892 г. Г. И. Куликовский. Поиски не дали результатов. «Район, где она должна (была) находиться (ныне)

²⁸⁵ Ионе Г., Опрышко О. Памятники рассказывают. — Нальчик, 1963, с. 84—86.

По нашему мнению, обращение к тексту зеленчукской надписи с позиций ясского диалекта осетинского языка делает интерпретацию памятника более четкой. Едва ли при отсутствии самого памятника можно было бы достичь большего.

Очерк 1. Тюркоязычные (хазарские) надписи на обломках керамики из Саркела (IX—X вв. Подонье)

ث ت ث ر ق ف ع س ر ن ه ل س

В этом сообщении Фахр ад-дина Мубаракшаха весьма существенным является ряд фактов: во-первых, заметим, что при арамейском, а не арабском, порядке букв хазарского письма в нем отсутствует буква 'alef.

²⁸⁸ Ta'rikh-i Fakhuru'ddin Mubarakshah. E. Denisson Ross. James G. Forlang Eund. London, 1927.

Современные исследователи, занятые изучением хазар, склоняются к тому тезису, что хазары были народом тюркоязычным²⁸⁹. Персидский историк, сообщая об особенностях хазарского письма, помещает хазар в соседстве с русскими. Следовательно, речь идет о IX—X вв. Попытаемся просмотреть эпиграфический материал, сохранившийся на керамических обломках из раскопок столицы Хазарии — Саркела IX—X вв. Не зазвучат ли

²⁸⁹ Zajączkowski A. Ze studiów nad zagadnieniem chazarskim. Kraków. 1947; Артамонов М. И. История хазар. — Л., 1964.

некоторые граффити на керамических обломках из Саркела по-тюркски? Оказалось, такие догадки правильны. При этом необходимо учитывать, что средневековые города в этническом отношении были чрезвычайно пестрыми. В Саркеле жили хазары, аланы, восточные славяне и даже касоги. Керамика Саркела также ярко свидетельствует об этой пестроте. Опубликованный в прорисях графический материал из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции кое-что дал²⁹⁰. Тюркоязычное население Саркела действительно пользовалось письмом аланского дукта. Писали слева направо, не соединяя (а иногда и соединяя) буквы.

Каково было это тюркоязычное саркельское письмо в целом, судить трудно, материала пока недостаточно; но что оно здесь было, говорят следующие факты.

1) Надпись из четырех букв на кирпиче, сделанная до обжига (см. табл. XXV, рис. 1), содержит буквы, уже известные из средневекового осетинского письма. По-алански или по-касожски она не интерпретируется. Первая буква слева представляет собой слографиему *ут*, известную из тюркоязычной надписи осетинского (аланского) письма на деревянной палочке из Таласа (см. здесь, табл. XXVII). В тюркоязычных надписях Саркела в этом значении слографема *ут* встречается еще несколько раз (см. табл. XXV, рис. 2). Вторая буква надписи в этой форме также хорошо известна из тюркоязычной таласской надписи. Там она встречается неоднократно. Графическое значение ее — *и*. В ином, но более близком к сирийско-несторианскому письму положении эта буква в данной надписи стоит в конце ее. Между двумя *и* помещается крестообразная *с*. Буква хорошо известна из маяцкой осетинской (аланской) надписи № 2 и таласской тюркоязычной надписи осетинского письма. В маяцкой осетинской надписи эта буква обозначает звук, средний между *с* и *ш* («шепелявое» *с*). В целом данная надпись на кирпиче транслитерируется как *утиси*, что с разбивкой на словоформы читается по-тюркски как *Ут исы* — ‘работа Ута’. С синтаксической стороны мы имеем здесь дело с атрибутивным словосочетанием, в котором определение стоит в «нулевой» форме, а определяемое получает аффикс принадлежности 3-го л. -ы (эпиграфически -и).

²⁹⁰ ТВДАЭ, II, МИА, 75, 1959, табл. III, XVI, XVIII, XXI, XXII.

Личное имя *Ут*, идущее от нарицательного др. тюрк. *ут* — ‘бык’, и др. тюрк. *ис* — ‘работа’, как нам представляется, не вызывают сомнений.

2) Две однотипных надписи на плече однотипных сосудов, каждая из двух уже знакомых нам букв (см. табл. XXV, рис. 2). Обе транслитерируются как *сут*. Так в надписи графически передано название содержимого сосудов: тюрк. *сут* — ‘молоко’.

3) Надпись на кирпиче, состоящая из двух букв (см. табл. XXV, рис. 3). Первая буква слева представляет *и* средневекового осетинского письма, идущую из древнеосетинского письма арамейского дукта. Эта буква здесь в Подонье хорошо известна из маяцких надписей (см. здесь, табл. XIII). Вторая буква представляет собой сирийско-несторианского дукта *šip* — *ш*, поставленную из горизонтального положения в вертикальное. Надпись транслитерируется как *иш*. По-видимому, это личное имя мастера (ср. др. тюрк. *иш* ‘товарищ’ и аналогичное по значению осетинское (аланское) *анбал*, употреблявшееся как имя собственное). Едва ли слово *иш* могло иметь не собственно-именное, а нарицательное значение — др. тюрк. *иш* ‘работа’, ‘труд’ с диалектной меной *с* на *ш*.

4) На обломке сосуда читается имя собственное то ли владельца сосуда, то ли мастера, его изготовившего (см. табл. XXV, рис. 4). Имя состоит из трех хорошо известных букв осетинского письма, данных в простейшей лигатуре. Первая буква слева представляет собой древнеосетинское арамейского дукта *ā*, в данном случае, по времени, употребляемое как *а*. Вторая буква, идущая из древнеосетинского письма на арамейской основе в значении *и*, в виде вертикальной прямой черты, здесь слилась с вертикальной чертой — элементом первой буквы, но соединена с последней третьей буквой слова горизонтальной черточкой. Последняя буква в форме полулуния со срезом слева хорошо известна в значении *у*. Ее можно видеть в маяцкой надписи (см. здесь, табл. XIII, рис. 10), в таласской тюркоязычной надписи осетинского письма (см. здесь, табл. XXVII) и др. В целом с раскрытием лигатуры слово транслитерируется: *аиу*, т. е. *аю*, и сравнивается нами с тюркским *аю* ‘медведь’, употребленным как имя собственное. См. этого типа (*ю* = *и* + *у*) на обломке другого сосуда из Саркела (табл. XXV, рис. 5). Возможно, что в по-

следнем случае буква ю могла быть аббревиацией начальной графемы имени Юсуф // Юсуп.

5) Надпись из четырех букв на горшке (см. табл. XXV, рис. 6) исполнена в дукте аланского письма, характерного смешением арамейской и сирийско-несторианской основ. Первая буква слева представляет собой модификат арамейского *he* — *ā*. В средневековом осетинском письме эта буква отличалась от исходной арамейской выходящим за пересечение трех линий вертикальным штрихом.

Долгота *a*, как уже неоднократно говорилось, в средние века была уже утрачена, и буква имела значение обычного *a*. Вторая буква слева представляет собой кружок, покоящийся на двух ножках, и может быть интерпретирована только как сирийско-несторианского дукта *tim* -м. В этом положении и в весьма близкой к данному *tim* форме буква встречается в аланской надписи на янтарной бусине из катакомбного погребения под Кисловодском с Рим-горы (см. здесь, табл. XX, рис. 6). Стоящая между ножками *tim* (м) третья буква в виде угла, обращенного острием вниз, представляет собой зеркальную сирийско-несторианского дукта *jod*, используемую в средневековом аланском письме как *u*. Последняя, четвертая буква слова представляет собой, вне всякого сомнения, конечную сирийско-несторианского дукта *nup* — *n*, вертикальный штрих которой здесь несколько искривлен. В целом надпись на горшке транслитерируется как *амин*, что представляет собой в нашем чтении надписи арабское личное имя *أمين* 'Амин', широко известное и у тюркских народов. По-видимому, это имя владельца горшка.

Мы отобрали из керамического графического материала хазарского Саркела тот, который не может быть истолкован иначе, как тюркоязычный. Вероятно, при более пристальном изучении этого материала тюркологи обнаружат еще не одну новую надпись или граффити, пополняющие этот материал.

По нашему мнению, сообщение Фахр ад-дина Мубаракшаха заслуживает полного доверия. Известие персидского историка XIII в. строится на данных авторов, современных не ему, а хазарам X в. Сообщая о том, что «у хазар есть также письмо, происходящее от русского», Фахр ад-дин Мубаракшах тут же оговаривается, что это русское письмо употребляют не рус-

ские вообще, а находящаяся вблизи хазар ветвь румийцев, которых хазары называют русами. Это пояснение, как нам представляется, чрезвычайно важно. Название «румийцы» происходит от тюрк. *урум* — Византия, византиец, в аланском произношении *рим* (ср. Рим-гора, поселение алан-христиан VII—XII вв. вблизи Кисловодска). Под словом *урум*, *рум* хазары имели в виду соседящих с ними средневековых алан, исповедовавших христианство, а не восточных славян (русов), о массовом утверждении христианства у которых в X в. не могло быть еще речи. Официально, как известно, оно было принято в 988 г., но в данном случае речь идет не о факте принятия христианства, а о массовом или по крайней мере групповом его утверждении.

Хазарский каганат был разгромлен в 965 г. Свято-славом, русом, славянином-язычником, а не христианином. Восточные славяне (русы) на Дону, как уже говорилось в очерке о языке маяцких надписей, пользовались каким-то своим письмом аланского дукта и могли, конечно, в отдельных случаях исповедовать христианство. Это, по-видимому, и дало повод персидскому историку отождествить ветвь румийцев (алан) с русским, тем более, что он сам непосредственно не был свидетелем описываемых событий.

За то, что письмо хазар, в котором содержалась 21 буква, было арамейского, а не византийского происхождения, говорит и тот факт, что, согласно персидскому историку, «та ветвь хазар, которая пользуется этим письмом (т. е. румийским.— Г. Т.), исповедует иудейство».

Иудейство хазар, при 21 букве хазарского алфавита, еще раз говорит также в пользу арамейского (аланского), а не византийского происхождения хазарского письма (см. здесь, табл. XXV).

Сказать что-либо большее на основании имеющегося в нашем распоряжении фрагментарного графического и исторического материала едва ли можно.

Очерк 2. Восточнославянские памятники аланского письма на Рязанщине (X—XI вв.)

В 1963 г. в Рязанском историко-краеведческом музее мы обнаружили небольшое пряслице красного шифера.

С двух сторон вокруг отверстия на нем были вырезаны знакомые буквенные знаки, в которых надлежало разобратся. Пряслице было найдено в 1945 г. местным любителем археологических древностей тов. Зубковым на месте разрушающегося славянского селища Борки, что расположено в 2-х км от г. Рязани.

Ширина верхней и нижней плоскостей, на которых по кругу вырезаны буквенные знаки — 7 мм, ширина отверстия — 8 мм, диаметр пряслица 22 мм, высота его 14 мм (см. табл. XXVI, 3, рис. 1а). На боковой стороне пряслица вычерчены затейливые узоры (см. табл. XXVI, 1, рис. 3), напоминающие «магические» лабиринты того типа, что выбит на межевом камне «Степана», найденном в Калининской области²⁹¹.

За верхнюю плоскость пряслица мы условно приняли ту, где по кругу, слева направо, после рисунка наподобие профиля лошади (см. табл. XXVI, 1, рис. 1), расположены хорошо распознаваемые квадратного еврейского письма буквы tsade и heth, обозначающие число 908, а за этим числом в дукте сиро-несторианского письма, по-алански написано: *анзи* — 'года' (см. табл. XXVI, 1). Слово выполнено в норме дигорского диалекта осетинского языка. Дата выполнена по византийской христианской эре, а не селевкидской. Писавший надпись алан был двуязычен. Это вытекает из надписи на другой, нижней плоскости пряслица, где также по кругу слева направо, начиная от словораздела в виде вертикальной черты, как и в первом случае, написаны хорошо читаемые квадратного еврейского письма буквы: tsade, jod, heth, составляющие число 918 (см. табл. XXVI, 1, рис. 2). После числа *аланскими буквами* по-русски написано: «лѣта». Надпись сделана аланом, ибо русский написал бы «лѣта 918» и поставил словораздел после числа, а не перед ним.

Как покажет дальнейшее изложение фактов, пряслице с надписями письма аланского дукта было на Рязани явлением не случайным. Ту же манеру и культуру письма мы встретим и в надписи на горшке из погребения с. Алканова, расположенного очень близко к селищу Борки. Обстоятельства находки алкановского горшка были таковы. Осенью 1897 г., во время производства раскопок дюны под названием «Могилки» в окрестностях с. Алканова, археологу В. А. Городцову посчастли-

вилось при вскрытии одного из погребений обнаружить глиняный горшок с круговой, сделанной до обжига, надписью из 16 знаков²⁹² (см. табл. XXVI, 3, рис. 1, 2, 3, 4 и прорисовку надписи, табл. XXVI, 3, рис. 5).

На основе убедительных данных археолог считал алкановский сосуд принадлежностью славянской, точнее, вятичской культуры и относил его к X—XI вв.²⁹³

Вскрытое В. А. Городцовым погребение принадлежало старой женщине. Костяк лежал на спине, со скрещенными на животе руками, головой на юго-запад. Кроме горшка с надписью, при погребенной были найдены 6 бронзовых проволочных височных колец, браслет из низкопробного серебра и небольшой железный нож²⁹⁴.

Знаки на горшке вызвали многочисленные толки и суждения, не прекращающиеся до нашего времени. Одни ученые полагали и полагают, что они представляют собой тамги, поставленные в строку представителями родов или фамилий, присутствовавшими при погребении, другие считали и считают их знаками загадочного письма²⁹⁵.

Из всех мнений, которые были высказаны по этому вопросу, наиболее логичной в свете имеющихся фактов нам представляется точка зрения В. А. Городцова. После того, как в 1898 г. он обнаружил еще два обломка керамики со знаками того же типа, что и на алкановском горшке, В. А. Городцов сделал о всем найденном в Алканове графическом материале совершенно правильные выводы. Позволим себе привести его мнение *in extenzo*, т. к. в нем оказывается все нужное для дальнейшего суждения о знаках алкановской надписи, чего нет, к сожалению, у других авторов.

«Оба обломка²⁹⁶ хорошо обожжены, хорошо формо-

²⁹² Городцов В. А. Заметки о глиняном сосуде с загадочными знаками // Археологические известия и заметки, т. V. — М., 1897, № 12, с. 385—390. При осмотре сосуда знаков оказалось 15, а не 16.

²⁹³ Городцов В. А. Указ. соч., с. 388, его же. Древнее население Рязанской области // ИОРЯС, т. XIII, кн. 4. — Спб., 1909, с. 146.

²⁹⁴ Труды Рязанской ученой архивной комиссии, т. XII, вып. 3, 1897, с. LXXVI.

²⁹⁵ Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961, с. 161—162.

²⁹⁶ Имеется в виду находка 1898 г. См. статью Городцова В. А. Заметки о загадочных знаках на обломках глиняной посуды // Археологические известия и заметки. — М., 1898, т. VI, № 11—12, с. 370—371.

²⁹¹ История культуры древней Руси, т. I, с. 62, рис. 31.

ваны и, по-видимому, относятся к лучшему сорту гончарных изделий древнего поселка.

На одном из них оказались начерченными еще по свежей глине три знака, на другом два, из которых один цельный, а от другого же сохранилась часть в виде черточки. В первом случае очевидно, а во втором очень вероятно, — знаки располагались в строку, т. е. совершенно так, как и на погребальном сосуде.

На первом из обломков знаки расположены по шейке сосуда, по обрезау которой идет простой орнамент из черточек. На втором знаки, очевидно, шли ниже шейки, по боковым стенкам, и, очень вероятно, так, как они идут на погребальном сосуде.

Интересно, что из четырех цельных знаков два оказались сходными со знаками погребального сосуда²⁹⁷.

Другие два знака имеют начертание оригинальное. Смысл знаков по-прежнему остается загадочным, но уже является более вероятным иметь в них памятники доисторической письменности, чем клейма или родовые знаки, как можно было предполагать при первом знакомстве с ними на погребальном сосуде, где казалось очень естественным наличие на одном сосуде многих клейм или родовых знаков, так как акт погребения мог служить причиной съезда нескольких семей или родов, которые и пожелали увековечить свое присутствие на похоронах начертанием своих клейм на глине погребального сосуда.

Совсем другое дело — нахождение знаков в более или менее значительном количестве и в строковой пла-

нировке на бытовых сосудах. Объяснить их как клейма мастера невозможно, потому что знаков много; объяснить, что это знаки или клейма нескольких лиц, также нет возможности. Остается одно, более вероятное предположение, что знаки представляют из себя литеры неизвестного письма, а комбинации их выражают какие-нибудь мысли мастера или заказчика. Если же это верно, то мы имеем в своем распоряжении до 14 букв неизвестного письма»²⁹⁸.

Таково мнение В. А. Городцова. Заключение, к которому пришел археолог, следует считать совершенно правильным. Факты и наблюдения подтверждают его.

При знакомстве со знаками надписи на алектановском горшке бросается в глаза, что три из них в виде жирной точки повторяются и, как показывает практика чтения надписей, должны быть приняты за словоразделы. Между словоразделами оказываются восемь, два и один знак.

Естественно предположить, что при таком делении строки текста в надписи могли быть выражены либо имя и время погребения покойной, либо имя и число лет покойной. Наибольшее количество не разделенных словоразделами знаков — восемь, при таком понимании текста, должно, естественно, падать на имя покойницы, а меньшее — на дату погребения или возраст. Дата и возраст обычно следуют за именем. Следовательно, чтение текста нужно начинать слева — с буквы в форме креста, перед которой стоит жирная точка — словораздел. С этой точки пишущий начинал вычерчивать надпись, вследствие чего между нею и последней буквой надписи расстояние оказалось вдвое большим, чем в других случаях.

Таковы первые визуальные наблюдения над текстом, без которого нельзя начинать чтения. Но начинать чтение, отправляясь от чисто внешнего наблюдения, допустимо лишь тогда, когда знаки надписи можно с чем-то соотнести, сравнить, сопоставить. Только потому, что такая возможность имеется, позволим себе высказать свое мнение о надписи на алектановском горшке.

Сначала несколько общих замечаний. Около двух десятков лет тому назад нами высказалась мысль о том, что доглаголическое и докириллическое письмо восточных славян могло представлять собой оригинальный

²⁹⁷ Разумеются знаки X и A. Второй, предпоследний знак на рисунке, сделанном В. А. Городцовым с надписи на горшке, при осмотре горшка нами не обнаружен. По-видимому, за знак были приняты приставшие к его отсыревшей поверхности былинки, которые впоследствии отпали. Если бы это был знак, сделанный как и все прочие до обжига, даже более слабо, он не исчез бы. Поражает та небрежность, с какой отнесся к надписи на горшке последний ее публикатор А. Л. Монгайт (указ. соч., с. 161). Имея полную возможность воспроизвести надпись заново, поскольку горшок хранится в ГИМе, он опубликовал без проверки старый рисунок В. А. Городцова с несуществующим знаком A. Мало того, при воспроизведении надписи в печати, из рисунка В. А. Городцова у А. Л. Монгайта совершенно выпал первый знак надписи слева в виде X. Это немаловажно, т.к. очень часто следующие исследователи работают не по первоисточнику, а по публикации из вторых рук.

²⁹⁸ Городцов В. А. Заметки о загадочных знаках... с. 370—371.

извод аланского письма²⁹⁹. Аланы юга России — это ясы русских летописей. В опубликованных нами ранее аланских и аланского дукта надписях были приведены отдельные буквенные знаки, по форме и значению совпавшие то с глаголическими, то с особыми кириллическими буквами славянского письма. Количество этих знаков, как можно убедиться из некоторых очерков данной книги, ныне несколько возросло, хотя собственно восточнославянских памятников в районе южной русской лесостепи до сих пор не обнаружено. Публикуемый в этой книге очерк «Фрагменты аланских граффити с городища Тыхтиха» на среднем Дону показывает, как в одном поселении сосуществовали славянская и аланская культуры. Трудно себе представить, что при подобного рода сосуществовании славянского населения с аланским у первых не было простой человеческой необходимости использовать в чисто утилитарных целях аланское (яское) письмо, попытаться приспособить его к своему языку.

Население Алекановского поселка В. А. Городцовым и другими исследователями признается вятичским³⁰⁰. Академик А. А. Шахматов в свое время развивал теорию, что вятичи жили первоначально на Дону и лишь позднее колонизовали Оку³⁰¹. Эта точка зрения А. А. Шахматова, как мы убедимся ниже на эпиграфическом материале, была исторически правильной. Довольно раннее заселение славянами Дона показано было по названиям рек И. И. Срезневским³⁰².

Все вышесказанное доказывает, что в славянской миграции с юга на север, с Дона на Оку и другие места, во вновь осваиваемые области, должна была быть в какой-то мере занесена письменная культура подонских

²⁹⁹ Турчанинов Г. Ф. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и флягах из Новочеркасского музея // СА, 1964, 1, с. 72—87; ТППЯ, с. 67—79 и здесь гл. II, очерк 2.

³⁰⁰ Городцов В. А. Древнее население Рязанской области... // ОРЯЗ, II, 1919, т. XIII, вып. 4; Арциховский А. В. Курганы вятичей. — М., 1930, с. 92, 103, 107.

³⁰¹ Шахматов А. А. Южные поселения вятичей // Изв. АН. — Спб., 1907, VI серия, № 16, с. 723—724 и др.

³⁰² Срезневский И. И. Русское население степей и южного поморья в XI—XIV вв. // Изв. II отд. АН. — Спб., 1858, I серия, т. VIII, с. 313.

славян, письмо оригинальное, но вместе с тем аланского дукта, и если в южнорусских степях этих памятников пока не найдено, то севернее они могли сохраниться и, будучи здесь обнаружены, пролить свет на начальные этапы возникновения восточнославянского письма.

После этих общих замечаний обратимся к надписи на алекановском горшке, чтобы извлечь из уже имеющихся аланских и аланского дукта надписей факты для ее интерпретации.

Относительно алекановского горшка В. А. Городцов писал, что он был слеплен и обожжен наспех. Видимо, наспех делалась и надпись на нем. Отсюда схематизм ее знаков, чего нельзя не учесть при интерпретации текста. Надпись прочерчена по сырой глине неглубоко. Третий знак слева нанесен на поверхность в такой последовательности начертаний: сначала прочерчен крестообразный, а поверх его дугообразный знак. Третий знак представляет собой вязь, состоящую из двух самостоятельных букв. Судя по отсчету знаков, этой точки зрения придерживался и В. А. Городцов.

Буквенным началом надписи мы считаем знак в форме косоугольного креста после точки и читаем ее слева направо. Мотивы для избрания такого, а не иного приема интерпретации текста надписи, изложены выше. Кроме того, направление восточнославянской надписи аланского дукта было такое же, как и направление письма аланского.

Первая буква надписи в этой форме в аланском письме впервые была засвидетельствована одной из маяцких надписей на Дону (см. табл. II, очерк 2, табл. XIII, рис. 3). Значение ее в дальнейшем оказалось подтверждено касожским письмом аланского дукта на Дону (гл. II, очерк 2, табл. XIII, рис. 1) и надписью аланского письма из Таласа (гл. IX, очерк 3, табл. XXVII). Графические отклонения незначительны, фонетические тоже. В аланском письме буква передавала звук средний между *с* и *ш*, т.к. в VIII—X вв. в этом языке, вероятно, уже не было чистого *с*. В касожском буква служила целям передачи двух звуков: чистого *с* и звука аналогичного аланскому. В славянском письме, исходя из фонетических норм языка, буква использовалась только для обозначения звука *с*.

К аланскому и аланского дукта касожскому письму имеет непосредственное отношение и вторая буква алекановской надписи. Она представляет собой упрощенный

модификат аланской буквы *л*. Засвидетельствована она и в слове «лѣта» на пряслице с селища Борки (см. табл. XXVI, 1).

Третий знак надписи представляет собой вязь из двух букв. Сначала была прочерчена буква в форме четырех-конечного креста с длинным стволom, а поверх его скобообразная буква. Начнем со скобообразной буквы. Если вместо пересечений на концах скобы сделать завитки, то буква сразу же преобразится в широкое глаголического типа «вѣди» (*в*). В аланском письме, если брать его широко в разных изводах, скобообразная буква, будучи обращена раствором вниз с завитками и без них, обозначала звук *у*, чаще губогубной (см. табл. XIII, рис. 2).

Естественно предположить, что для обозначения звука *в* могла быть использована эта же буква в перевернутом виде. Исходя из этих соображений, предлагаем эту четвертую букву алектановской надписи читать *в*, а написанную ранее ее третью букву полагать за *а* в форме креста, какой она известна из глаголического письма, но без отогнутых вниз концов горизонтального штриха. Отношение ее к крестообразному *а* аланского письма и связь его с сиронесторианским 'alef см. в табл. XXVI, 2. В итоге чтения первых четырех букв надписи получается слог: *слав*.

В пятой букве — тот знак с вилообразным навершием, который в весьма близкой к нему форме встречается как особый знак в славянском кириллическом письме под названием «юс большой» — *о* носовое. В древнерусском письме, при потере носового характера звука, он стал восприниматься как *у*.

Большой интерес представляет шестая буква алектановской надписи. Несколько суженная в верхней своей части в данной надписи, эта буква обычно в форме, более похожей на унциальное греческое *N*, в осетинском письме встречается в значении *т* (см. табл. XXVI, 2). Обращаем внимание русистов на то, что эта буква, как клеймо горшечного мастера, прочерчена до обжига около ручки той гнездовской амфоры X в., которая имеет на тулове надпись, одними читаемую как *Гороушца* другими как *Гороушца*³⁰³.

³⁰³ Авдусин Д. А., Тихомиров М. Н. Древнейшая русская надпись // Вестник Академии Наук, 1950, № 4, с. 71—79; Черных П. Я. Две заметки по истории русского языка. К вопросу о Гнездовской надписи // Изв. Отд. лит. и языка АН СССР, 1956, т. XI, вып. 5, с. 398—401.

Присоединяя к ранее прочитанной части слова *слав...* букву пятую и шестую получаем: *славѣт...*

К шестой букве надписи в значении *т* справа, в нижней ее части, почти примыкает седьмая буква в виде вертикальной черточки. В аланском письме эта буква имеет значение *и* (см. табл. XXVI, 2). В алектановской надписи знак имеет то же значение, но как можно догадываться, употреблен в функции обозначения мягкости предшествующего согласного *т*, явления свойственного восточнославянской речи.

Впервые встретился в нашей практике эпиграфических разысканий восьмой знак. Если бы не надпись на шиферном пряслице со славянского селища «Борки», о котором шла речь выше, мы приняли бы эту букву за некую разновидность *а*. Но оказывается — это *ѣ* «ять».

В целом первое слово надписи на алектановском горшке, имея восемь букв, читается в кириллическом письме *Славѣтѣ*. В надписи имя дано в форме дательного падежа слов женского рода на *-а*. Его исходная форма *Славѣтѣ* — «Славутя». Мы пишем это имя в переводе через *у*, а не *о* носовое, т. к. нет уверенности в том, что *о* в пору его написания произносилось здесь еще как носовое. Имя дано в уменьшительно-ласкательной форме и относится к той старой женщине, которая была погребена в могиле. До сих пор нам было известно лишь мужское имя *Славѣта* — «Славута». Оказывается, это исконное славянское имя употреблялось и как женское. Акад. С. П. Обнорский, с которым мы поделились в свое время своим чтением алектановской надписи, не находил в таком чтении имени ничего удивительного.

Судя по грамматической форме личного имени (дательный принадлежности), в горшке находилась пища для покойной.

После имени в надписи, непосредственно без словораздела, прочерчен девятый знак небуквенного значения (см. табл. XXVI, 3, рис. 5). Это, судя по всему, оригинальное изображение креста, символа христианства умершей.

Далее в надписи за словоразделом в виде жирной точки стоят два знака, отделенные от последующего такой же точкой. Присмотревшись к ним, можно видеть, что первый из них является цельным, а второй состоит из трех отдельно вычерченных элементов.

Прежде чем объяснить эти стоящие между двумя

словоразделами знаки, придется сделать небольшой экскурс в историю аланского письма, в дукте которого в основном выполнена алекановская надпись. Аланское, т. е. средневековое осетинское письмо, продолжало традицию древнеосетинского письма, которое было создано на арамейской графической основе. В древнеосетинском письме использовалась арамейская система счета (см. гл. I, очерки 4, 9, 11). Этой системой счета пользовались и средневековые осетины (аланы) (см. гл. II, очерки 1, 6). В алекановской надписи для выражения числовых величин, как оказывается, была использована также арамейская система счета. Первый из двух интерпретированных нами знаков представляет собой схематическую фигуру арамейской «тысячи», обращенную влево, а не вправо, как принято в арамейском письме. Второй знак представляет фигуру из трех цифр: пяти и двух единиц, в совокупности обозначающих число 7. Цифра 5 имеет в надписи обычное правостороннее направление, а число 2, состоящее из двух единиц — зеркальное (см. табл. XXVI, 2) ³⁰⁴.

Цифры 1000+5+1+1 образуют число 1007. Очевидно, этим числом обозначен год погребения женщины. Счет лет дан, как и на пряслице из селища Борки, по христианской византийской эре от рождества Христова.

В алекановской надписи остается еще один знак, отделенный от начала текста также жирной точкой. Этот знак представляет собой аланского письма букву *a* (см. табл. XXVI, 2). В надписи буквой в аббревиации обозначено, очевидно, аланское слово *a[nzi]* — 'года', как и на пряслице из селища Борки, в дигорской форме.

Почему в алекановской надписи, которая читается как восточнославянская, для года использовано аланское слово? Вывод может быть только один. Надпись исполнялась аланом, знавшим, кроме своего родного осетинского языка, и славянский. Значит, вместе с мигрировавшими с Дона к северу вятичами на Рязанщину частично ушли и аланы, жили здесь на селище Борки и в Алеканове рядом со славянами, так же, как это было на селище Тытчиха (см. гл. II, очерк 8, с. 120—124. Напомню, что в славянской надписи с селища Борки, где

при обозначении даты использована также семитическая система счета, слово 'год' на одной стороне пряслица звучит по-славянски: *лѣта*, а на другой стороне по-алански: *анзи*.

В целом в алекановской надписи на горшке насчитывается 17 разных знаков. Из этих знаков: буквенных восточнославянских, докириллических — 2, буквенных аланских — 7, числовых арамейских — 4, 1 знак в виде креста, представляющий собой христианскую символику и 3 в виде жирных точек — словоразделы.

В переводе на современный русский язык алекановская надпись читается · Славуте + · 1007 · а[нзи] (года). Археолог В. А. Городцов, датируя алекановское погребение, относил его к X—XI вв. Текст надписи конкретизирует эту дату.

Если бы кто-либо из археологов провел на месте прежних раскопок В. А. Городцова такую же тщательную работу, какую проделала на селище Тытчиха А. Н. Москаленко, можно было бы надеяться, что мы найдем здесь не только новые письменные памятники, но и определим степень взаимосвязи аланского населения со славянским в описываемое время на этой части территории древней Руси. А пока, как мне сообщили в 1963 г. в Рязани сотрудники Историко-краеведческого музея, Алекановское и Борковское селища все более и более разрушаются.

В прошлом предпринималась попытка прочесть алекановскую надпись с позиций скандинавских рун в применении их к древнерусскому языку. Попытку эту предпринял приват-доцент Львовского университета доктор Ян Лециевский (Jan Lecijski). В 1901 г. он опубликовал статью под заглавием *Napisy runiczne na ugnasz z Alekanowa* ³⁰⁵, представлявшую часть его большого труда по славянским руническим надписям, вышедшего несколько позже ³⁰⁶.

Надпись на алекановском горшке Я. Лециевский читал: Ум · малу · ставих · нуж[д]ая — 'Умершему Малу ставих нуждая'.

Статья Лециевского была переведена на русский язык проф. В. Н. Щепкиным. В примечаниях к переводу

³⁰⁵ Древности/Труды Московского арх. об-ва, т. 19, вып. 2, 1901, с. 47—56.

³⁰⁶ Runy i runiczne pomniki stowianskie. Lwow-Warszawa. 1906, с. 183—190.

³⁰⁴ Lidzbarski M. Handbuch der nordsemitischen Epigraphik nebst aus gewählten Jnschriften, I. Weinmar, 1898, tabl. XLVI. Zahlen-tafel.

В. Н. Щепкин подверг исследованию Я. Лециевского основательной, хорошо аргументированной критике, в которой показал, что предложенное Лециевским чтение не имеет ничего общего со строем древнерусского языка.

В 1906 г. Я. Лециевский, публикуя вторично статью об алекановской надписи в уже упомянутой книге, ничего не прибавил и ничего не исправил в прежнем чтении. Кроме В. Н. Щепкина, чтение Я. Лециевского подверг критике и акад. В. Ягич³⁰⁷. Не отвечающее нормам древнерусской речи толкование Я. Лециевского не вошло в научный обиход. Мало того, что чтение не отвечало нормам древнерусской речи, оно было неверным по существу. Ведь в могиле с алекановским горшком покоилась женщина, а не мужчина.

Очерк 3. Тюркоязычная надпись осетинского письма на деревянной палочке из Таласа (XII в. Киргизская ССР)

Интерес к таласскому памятнику возник у нас в 1961—1962 гг. в связи с определением языка надписей на камнях Маяцкого городища VIII—X вв. на Дону и баклажках Новочеркасского исторического музея примерно того же времени (см. гл. II, очерк 2). После того, как надписи на камнях Маяцкого городища в нашем чтении оказались аланскими (средневековыми осетинскими), а на баклажках из музея — касожскими (средневековыми кабардино-черкесскими), мы, естественно, не могли не обратить внимания на таласский памятник. Многие буквы этого памятника своей формой повторяли аланские и касожские на Дону. Еще большая уверенность в том, что таласский памятник может быть исполнен средневековым осетинским письмом, появилась после того, как нами были удовлетворительно прочтены граффити на камнях разрушенной Хумаринской крепости в верховьях р. Кубани. Касожское письмо, как нижнедонское, так и хумаринское, было письмом осетинского (аланского) дукта, и, следовательно, наличие какого-то извода этого письма в Средней Азии, откуда пришли аланы, не вызывало удивления.

³⁰⁷ К вопросу о рунах у славян // Энциклопедия славянской филологии, т. III, Спб., 1911.

Изучению таласской надписи на деревянной палочке как памятника средневековой аланской письменной графики много способствовал и тот факт, что впервые опубликовавший его известный тюрколог-эпиграфист С. Е. Малов, ввиду своеобразия многих букв надписи, «долго колебался — признать ли надпись на палочке за тюркские руны». Даже после того, как он нашел памятнику весьма и весьма предположительное чтение, прежние сомнения не оставляли рунолога³⁰⁸. Оригинальность подавляющего большинства букв, не встречавшихся ранее в тюркском руническом письме, вела к тому, что все чтения надписи на палочке (С. Е. Малов, А. М. Щербак и турецкий ученый Оркун)³⁰⁹ оказались сильно отличающимися друг от друга, изобилующими неясными местами.

Средневековое аланское и тюркское руническое письмо имели в прошлом, как это стало теперь очевидным, один общий, арамейский источник происхождения. Между ними есть старые точки соприкосновения, которые в дальнейшем оказались малоощутимыми, не всегда заметными, если не углубляться в палеографическую историю обоих писмен. Каждое из них нашло свой собственный путь развития, и тем не менее общность источника и схожесть ряда букв готовы всегда сбить с толку даже опытного исследователя. В существование памятников аланской письменности никто не верил, никто их не знал, а поэтому, естественно, все, что оказывалось внешне сходным с тюркскими рунами, относилось к этому письму.

Так получилось и с таласской надписью на деревянной палочке. Найдена она была в конце 1932 г. геолого-разведочной партией треста Средазгеоразведка на южном склоне Киргизского хребта, что опускается в сторону долины р. Талас к северо-западу от г. Дмитриевского, на месторождении серного колчедана Ачикташ. Геолого-разведка установила на месте следы давних горных

³⁰⁸ Малов С. Е. 1) Таласские эпиграфические памятники // Материалы Узкомстариа, вып. 6—7, — М. — Л., 1936, с. 38; 2) Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М. — Л., 1959, с. 67—68.

³⁰⁹ Малов С. Е. Указ. соч.; Щербак А. М. О письменности печенегов // ТВДАЭ, II, МИА, 75, с. 387—388; Оркун Н. N. Eski türk yazitlari, III, Jstanbul, 1940, s. 209—214.

поисков. Вероятно, прежде здесь шла добыча квасцов и железного купороса для нужд дубления. Во всяком случае, окрестное население давно знало это месторождение. Палочка найдена при проходке шурфа на глубине 5 метров от поверхности в западной стенке шурфа. Она попала в древнюю горную выработку до того, как та была заброшена. Когда же выработка была оставлена, стенки штольни, окисляясь и осыпаясь, погребли под собой палочку.

Своей сохранностью палочка обязана благоприятным условиям нахождения в земле, поскольку химический состав купороса, заключая в себе кристаллизационную воду, способствует образованию определенной влажности земли, начиная примерно с 1,5 м глубины.

Порода дерева, из которой выстругана палочка, — ель. При извлечении палочки из шурфа она обломилась. Оставшуюся часть извлечь не удалось, т. к. это грозило обвалом. Общая длина извлеченной части немногим более 14 см. Палочка гладко обстругана с четырех сторон. Наибольшая ширина грани — 12 мм. Знаки надписи нанесены на поверхность всех четырех граней с большой уверенностью. Для писавшего — письмо было привычным явлением.

Археолог М. Е. Массон, описавший находку палочки, датировки ее не дает. Его формулировка, что палочка «пролежала свыше тысячи лет»³¹⁰, целиком зависела от точки зрения С. Е. Малова, который считает, что она «не новее VIII в. н. э.»³¹¹.

Исследование надписи мы начали с изучения ее палеографической стороны. Нужно было определить хабит и ареал распространения аланского письма данного извода, повторяемость букв и идентичность их звучания в других осетинского дукта письменностях. Памятники для сопоставления находились под рукой. Это были маяцкие аланские лапидарные надписи, касожские того же аланского дукта надписи на баклажках из Новочеркасского исторического музея, хумаринские касожские граффити с верховьев р. Кубани, а также письменные

³¹⁰ М а с с о н М. Е. К истории открытия древнетюркских рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса, вып. 6—7. М.— Л., 1936, с. 13.

³¹¹ М а л о в С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 63.

памятники аланского дукта, подготовленные нами к печати, но еще не опубликованные.

Прилагаемая к очерку сравнительная палеографическая таблица XXVII дает ясную картину взаимосвязанности письмен перечисленных выше памятников. После того, как палеографическое лицо подавляющего количества букв оказалось предельно ясным и строки надписи были транслитерированы, можно было приступить к определению языка надписи и направлению ее строки.

Условно мы приняли за начало текста ту самую плоскость палочки, которую считал началом строки рунолог С. Е. Малов (см. табл. XXVII, рис. 1).

Начальная буква в виде косоугольного четырехконечного с загнутыми сверху штрихами креста палеографически была принята за модификат средневековой осетинской буквы *с*, известной из одной надписи на камнях Маяцкого городища (см. табл. XIII, 1), и касожской надписи № 2 на баклажке из Новочеркасского музея (см. табл. XIII, 2). В средневековой осетинской графике, поскольку в языке не было звука *с*, эта буква обозначала шепелявую *ш*; в касожской, где имелись и шепелявое *ш* и чистое *с*, эта буква обозначала последний звук.

Вторая буква была известна из хумаринских касожских граффити письма аланского дукта. Значение ее — *а*.

Третья буква, в виде дуги, обращенной раствором вниз, оказалась сирийско-несторианского дукта буквой *jod*. Возможность такого ее положения подтвердила сирийско-несторианская надпись из Семиречья под 1645 г. селевкидской эры (1334 г. христианской эры)³¹². В надписи на палочке буква обозначала звук *й*.

Четвертая буква, встречавшаяся ранее во всех средневекового осетинского письма и дукта надписях, обозначала *к*, а следующая за ней остроугольная «восьмерка» сопоставлялась с округлой «восьмеркой», знаменующей собой сарматскую *и* в надписи на амфоре III в. из Танаиса и маяцкую *и*. Оказалось, что в средневековом письме за этой графемой оказались скрыты и дигорское *е*, и иронское *и*, выступающие в историческом чередовании. Шестой буквой строки был знак, весьма похожий на заглавное латинское, греческое и славянское *м*. Звуковое значение этого знака было определено именным хумаринским касожским граффито и тремя тюркскими надписями

³¹² См.: Euting J. Tabula scripturae aramæicae.

аланского письма на двух сосудах и одном кирпиче из Саркела. Этот знак представлял слогографему *от||ут*.

Чтение графемы *ут* привело нас к мысли, что если она соответствует древнетюркскому слову *ут*, *уд* — 'бык', то начало надписи могло бы указывать на летосчисление по двенадцатилетнему животному циклу. Это соображение заставило вернуться к началу текста надписи и посмотреть, не связано ли слово, предшествующее графеме *ут*, с исчислением времени. Оказалось, что это действительно так: в основу первого слова надписи было положено чагат. *сай* 'счет', 'счисление', а графема *ке* (-ка) обозначала тюркский дательный-местный падеж. Форму *сайке* следовало бы перевести: 'в [лето] счисление', а со словом *ут* — 'в [лето] счисление (вм. в году) быка'. Припомнилось, что в сиро-тюркских XIII—XIV вв. надписях из Семиречья при исчислении времени по селевкидской эре обычно употреблялось тюркское слово *сакъыш* 'счет', 'счисление', например: *Александрос кан сакъышы...* 'Александра хана по [лето] счислению...', а затем уже, после счета лет по селевкидской эре, указывалось, к примеру: *йыл барс арди* — 'год барса был' и т. п.³¹³

Сиро-тюркские надписи Семиречья, как утверждает проф. А. Н. Кононов, стоят среди памятников тюркской речи особняком. В них заметно влияние какой-то иноязычной речи. Слово *сакъыш* в рунических памятниках для обозначения летосчисления не употребляется; синтаксические конструкции типа *йыл барс арди* 'год барса был' выглядят не совсем по-тюркски, ибо здесь следовало бы иметь *барс йылы арди* и т. п. Употребление слова *сай* вместо *йыл* 'год', некоторые отклонения от норм тюркской речи в надписи на палочке также говорят за то, что она была написана не тюрком. По ряду данных можно заключать, что ее исполнителем был алан, но алан, который уже тюркизировался и в значительной мере утратил нормы своей исконной аланской речи. Новые, необычные явления в тексте надписи, по-видимому, являются продуктом скрещенной речи. Продолжим, однако, палеографическое исследование надписи.

Седьмую букву строки при палеографическом изучении следует сопоставить с *ā* древнеосетинского письма арамейского дукта, изображаемой посредством арамей-

ской *he matres lectionis*. Долгота *a* в древнеосетинском в дальнейшем была утрачена, а буква уже в значении просто *a* осталась. В данной надписи в ретроспективном плане ее можно сравнивать с *he* арамейской надписи Тейма, с тем, однако, различием, что данная буква в надписи на палочке оказывается повернутой против обычного ее положения на 45° вправо. Итак, седьмая буква первой строки это *a*. Следующая за ней восьмая буква представилась совершенно ясной. Мы увидели в ней раннюю VII—VIII вв. сирийско-палестинскую *zajin*, причем то, что она оказалась стоящей после *a* древнеосетинского письма арамейского дукта, не удивительно. Средневековое аланское письмо представляло собой буквенную смесь арамейского с сирийско-несторианским, в обоих случаях уже переработанную в осетинском графическом ее осознании и практике. Девятая буква строки уже встречалась нам в слове *сайке* в значении *й*, а здесь — *и*. Седьмая, восьмая и девятая буквы строки дают слово *ази* (-азы). Его мы сопоставили с тувин. *азы* 'или' союзом, встречаемым в форме *ази* и в древнетюркских рунических памятниках³¹⁴.

Итак, первые три слова начальной строки надписи читаются: *сайке ут азы* 'в [лето] счисление быка или ...'. Далее перед изломом палочки сохранилась только одна буква. Учитывая то, что после союза 'или' может быть имя, равнозначное слову *ут* 'бык', мы выяснили, что в двенадцатилетнем счете по животному циклу вместо слова *ут* 'бык' в более позднее время употреблялось слово *сыгъыр* 'корова'. Следовательно, начальная десятая буква первой строки надписи может обозначать букву *с*. И действительно, как мы увидим ниже, эта буква в слове, не вызывающем в данном случае никакого сомнения, встретится еще в том же значении *с* в данной надписи (см. четвертую строку). Палеографически эта буква *с* находит себя в сирийском письме раннего времени, где она будет обращена дугой вправо (см. табл. XXVII). Если к уже читаемой части надписи добавить слово *сыгъыр*, то она будет читаться так: *сайке ут азы с* [ыгъыр] 'в лето счисление быка или к[оровы]...'.

Здесь следует обратить внимание на необычный для тюркских языков порядок слов. Следовало бы при допу-

³¹³ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, с. 80.

³¹⁴ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, словарь, с. 362, б.

щении, что слово *сайке* (-*сайка*) употреблялось в значении 'года', иметь: *ут азы сыгъыр сайка*....

После излома мы видим одиннадцатую букву сохранившейся части строки, которая хорошо известна на маяцкой лапидарной надписи № 10 и касожской № 1 письма аланского дукта на баклажке из Новочеркасского музея (см. табл. XIII, 1 и 2). Эта буква имеет значение слогографемы *ан*. Очевидно, предшествующей, недостающей буквой слова (на месте излома) была *б* или *м*, т. е., что слово в полной форме следует читать как тюркское местоимение 1-го л. ед. ч. *бән||мән* 'я'. Вместе с четырьмя недостающими буквами слова — *с[ыгъыр]* 'корова' и одной буквой местоимения [*б*] *ән* || [*м*] *ән* 'я' на обломленной части палочки действительно могло разместиться не более пяти букв подряд. Этот факт, как нам представляется, подтверждает правильность догадки и чтения недостающих слов строки. Следующее слово первой строки надписи начинается с буквы, немного отличающейся по форме от начальной буквы текста. Это *с*, наличное в точно такой же форме в лапидарной надписи № 2 с Маяцкого городища (см. табл. XIII, рис. 3). В счете сохранившихся знаков первой строки это двенадцатая буква. Тринадцатая буква несколько отличается от третьей и девятой, обозначающих *и*, тем, что в верхней своей части она пересечена небольшой вертикальной черточкой. Мы видим в этой черточке древнеосетинского письма арамейского дукта букву *jod*, дополняющую знак *и*. Иначе говоря, предполагаем, что тринадцатая буква является слогографемой, передающей дифтонг *ий*. Четырнадцатая буква, которая встречается в надписи на палочке еще три раза, представляет собой *а*, вышедшую, вероятно, из 'alef арамейского письма египетского периода его развития. 'Alef арамейского письма этого периода в нижней своей части нередко имеет небольшой шип, обращенный острием влево, а в верхней части — штрихи, похожие на трезубец. Достаточно букву повернуть трезубцем вниз, чтобы получить прообраз аланской *а* данного типа. Возможно, конечно, что эта буква окажется по происхождению не арамейской, но по контексту надписи на палочке она всюду знаменует собой *а*. Пятнадцатой, последней буквой первой строки надписи является *к* в виде тупого угла, обращенного своим острием вправо. Эта буква — самая распространенная в аланском средневековом письме. На этой букве текст первой

строки надписи прерывается, так как остающаяся часть надписи вместе с обломком палочки осталась в земле. Буквы 12—15 в своей совокупности образуют слово *сийак*, которое, по нашему мнению, является собственным *аланским* именем. Ср. осет. *сиаг* 'зябкий'. Личное имя этого значения отмечено в Scythic В. И. Абаева³¹⁵. То, что в надписи на палочке в конце имени оказывается *к*, а не *г*, можно связывать с влиянием на графику живого языка писавшего ее осетина (алана), который был двуязычен. Осетинскому языку свойственно оглушение исходного звонкого согласного в паузе.

Таким образом, сохранившаяся часть первой строки текста надписи (см. табл. XXVII, рис. 2) на палочке транслитерируется: *Сайке ут азы с [ыгъыр б||м] ан Сийак* (-*Сийаг*)... 'В[лето]счисление быка или к[оровы] я, Сияг...

За личным именем Сийак в недостающей части текста, по-видимому, была лично-глагольная форма 'отделился', т. е. 'покинул (эти места)' и т. д.

Текст на второй плоскости палочки, представляющий собой продолжение надписи, следует начинать читать, как нам представляется, со второй буквы, поскольку первая является последней буквой предшествующего слова, для чтения недоступного. Часть палочки осталась в земле. О вероятном значении этого отсутствующего слова выскажем предположение позже.

Буква, с которой мы начинаем чтение текста второй строки, представляет собой уже известную нам *к*. За ней следует арамейского дукта древнеосетинского письма *waw* в значении *у*. В этой форме она знакома нам и из древнеосетинской надписи на баночном сосуде с Нижнего Поволжья (см. здесь, табл. II, рис. 2) и из одного хумаринского касожского граффито с верховьев р. Кубани. Третья буква данного слова представляет собой угловатую сирийско-несторианского письма *teth* — *т*, затем следует знакомая нам из первой строки буква *а*, а за ней также уже известная в качестве третьей буквы первой строки *и*. В целом первое слово второй строки текста в нашей интерпретации состоит из пяти букв и читается *кутаи*. Как покажет дальнейший текст, это этноним, а не древнетюркское *къутай* 'шёлк'. Первые три буквы следующего слова нам уже знакомы из предшествующего текста надписи на палочке. Последовательно в трансли-

³¹⁵ ОИЯ, с. 303.

терации они передают часть слова, которая звучит как *аск...* Четвертая буква этого слова представляет собой зеркальную *jod* сирийско-несторианского письма, выступающую после согласной в значении *и*. Буква *и* в этой форме в надписи встретится еще несколько раз. В целом слово транслитерируется как *аски*. Оно соответствует тюркскому *әски* (*эски*) 'древний', 'старый'. Следующее слово строки начинается с только что объясненной буквы *и*, за которой следует *а*, уже известная нам из ряда слов предшествующей части надписи. Далее идет начальная и срединная сирийско-несторианского дукта буква *пип* — *н*. Известна нам и четвертая буква слова: это *с* арамейского дукта, которую можно видеть в маяцких надписях. Две последние буквы слова тоже знакомы. В целом слово, состоящее из шести букв, транслитерируется: *йансай*. Оно отвечает историческому этнониму китайских хроник Яньцай, которым в них именуется Приаральская древняя Алания³¹⁶. Заметьте, что этому слову надписи предшествует определение *әски* (*эски*) 'древняя'.

В этом месте считаем уместным вернуться к самому началу текста второй строки. Первая буква этой строки, которая ныне известна как *и*, является концом слова *[әск]и* (*-[эск]и*), служившего определением к этнониму *Кутай*. Поскольку слово *Кутай* оказывается в тексте рядом с древним аланским этнонимом Яньцай, можно предполагать, что писавший под именем *Кутай* имел в виду ту часть аланской территории Яньцай, которая граничила с Приобьем и которая в китайских хрониках связывалась с народным *худэ*. Историк и археолог А. Н. Бернштам видел в названии *худэ* остяков³¹⁷ (совр. ханты). Предположение это вполне обосновано. По ряду источников известно, что у остяков в Приобье существовало некогда княжество, именуемое ими *Кута-Хута* или *Кота-Хота*³¹⁸. Вероятно, об этом княжестве и идет

³¹⁶ К ю н е р Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961, с. 180.

³¹⁷ Б и ч у р и н Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I. — М. — Л., 1950, с. XLVIII, т. III. — М. — Л., 1953, схема китайской исторической карты времени младшей династии Хань и Тоба Вэй (I—VI вв. н. э.). Схемы карт составлены А. Н. Бернштамом.

³¹⁸ Б а х р у ш и н С. В. Научные труды, т. III, ч. 2. — М., 1955, с. 115. Согласно информации природного ханты Н. И. Терешкина (Ле-

речь как о территории приаральской зоны, подчиненной Алании и составлявшей северо-восточную окраину государства Яньцай. Что касается окончания *-й*, то поскольку надпись писалась аланом по имени *Сийак* (*Сиаг*), здесь налицо осетинское (аланское) речевое вкрапление в тюркскую речь. Писавший нет-нет да сбивался на нормы своей родной речи. В этнониме *Кутай* (*-Худай*) с позиций аланской речи окончанием является не *-й*, а потенциальное *-ай* ($\leq -a + \text{әй}$), ибо при перечислении однородных предметов или названий в осетинской (ретроспективно: аланской) речи употребляется отложительный падеж с флексией *әй*. Эта догадка представляется тем более достоверной, что в надписи рядом с *Кутай* стоит этноним Янсай (Яньцай), который по форме отвечал тем же нормам аланской речи и был воспринят писавшим надпись аланом так же как форма отложительного падежа.

Итак, прочтенная часть текста второй строки надписи на деревянной палочке транслитерируется так: *'....[әск]и Кутай, әски Йансай.... [древняя]я Худай, древняя Яньцай...'*

Следующее за этнонимом *Йансай* слово состоит из одной целой и одной дефектной буквы. Далее идет излом палочки. Целая буква нам уже знакома из этнонима *Йансай* — это *с*; дефектная буква, судя по сохранившемуся тупому уголку и с учетом строя тюркской речи, может быть воспроизведена только как слогографема *ан* того же типа, что и в местоимении *[б]ән||[м]ән* 'я' в первой строке текста. Иначе говоря, слово из двух букв нами читается *сән* (*сэн*) 'ты'.

Следующее слово строки не имеет начала. На месте излома могло уместиться две-три буквы. Очевидно, этими буквами были *ван...* Все зависит от того, как писалось начало слова: со слогографемой *ан* или без нее. В первом случае было две буквы, во втором — три. Из оставшихся после излома пяти букв слова нам встречалась первая — *н*, вторая — *а* и четвертая — слогографема *ан*. Не встречалась третья буква, представляющая собой сирийско-несторианского дукта *šip* — *ш*, поставленная вертикаль-

нинградское отд. Ин-та языкознания АН СССР), *Кода||Куда* русских исторических источников дано в русской адаптации; по-хантыйски, где не было звонких зубных, это название, по-видимому, звучало: *Кота||Кута* или *Хота||Хута*.

но, и сирийско-несторианского дукта *g*, являющаяся пятой, последней, буквой слова. Воспроизводя слово в целом, мы получаем в транслитерации: [ван]нашанг. В транскрипции, с учетом тюркской речи и особенностей аланской графики, это слово соответствует историческому этнониму [Вань]наша, поставленному в тюркском родительном падеже, причем старый тюркский формант падежа *н*, передан в аланской графике двумя буквами *-нг*, так как в аланской речи не было мягконебного *-н*, а следовательно, не было и особой буквы для его передачи. Этноним *Ваньнаша* (*Вэньнаша*) был одним из старых синонимов наименования Приаральской Алании в китайских хрониках.

На палочке во второй строке текста до ее конца остается только две буквы. Первой является уже знакомая нам *и*, наличная в этнониме *Йансай*, второй — *а*, которая идет из древнеосетинского письма арамейского дукта. Начало последнего слова строки читается: *йа...* Мы полагаем далее восстановить [ры]... Вместе с предыдущим этнонимом это слово, вероятно, передает определенную тюркскую конструкцию: [Ван]нашанг *йа* [ры]... *-Вэньнашанг йари...* 'Ваньнашская земля (страна)...' В целом вторая строка надписи (см. табл. XXVII, рис. 2) на деревянной палочке в нашем чтении транслитерируется: ...*(а)ск*)и *Кутай*, *а*ски *Йансай*, *с*ан (*Ван*)нашанг *йа*(*ри*)... '[древня]я Худай, древняя Яньцай, ты [Вань]нашской зе[млей]...'

Дальше, может быть, было написано: 'ее называешь' и т. д.

На третьей плоскости палочки в третьей строке надписи ранее не встречавшихся букв три. Первая из них, третья справа, рисунком напоминающая скобу, известна как слобографема *ан*. В этой форме и значении встречается она в хумаринских касожских граффити аланского дукта. Вторая — пятая справа, в виде полулуния, также известна из маяцких надписей. Значение ее *у*. Следующая за ней, шестая буква, которая встретится в надписи на палочке еще трижды, известна из осетинских маяцких и хумаринских касожских граффити как слобографема *ай*.

Первая буква третьей строки надписи представляет собой уже известную крестообразную *с*, следующая за ней — слобографему *ут* и заключительная — слобографему *ан*. В целом образуется звукоряд *сутан*. В этом

звукоряде можно видеть этноним *Сута* (*-Судэ*) в форме древнетюркского творительного падежа, показателем которого является *-н*. Этноним *Сута* (*-Судэ*) был одним из исторических синонимов в наименовании Приаральской Алании опять-таки по китайским хроникам³¹⁹. В каком контексте мог быть подан этот этноним в надписи на палочке, не известно из-за отсутствия предшествующего текста. Он никогда не будет нам известен. Далее нами выделяется графический комплекс *нуайасай*, в котором слово *нуа* сопоставляется с неоформленным аланским *нуах*/*наху* 'новый', слово *йасай* (*-асай*) рассматривается как самоназвание страны приаральских алан, оформленное в отложительном падеже с флексией *-ай* (*-ай*), той же, что налицо в этнониме *Кутай* (см. выше). Оставшиеся слова строки транслитерируются как *сис*, в котором мы признаем в аланском произношении тюркское местоимение 2-го л. ед. ч. *сиз* 'вы' и следующий за этим местоимением фрагмент слова *ис...* Можно предполагать, что по контексту здесь было нечто вроде *ис*(*ым койурсыз аны*)... вместо ожидаемого *ад*(*ым койурсыз аны*)... как это было бы обычным для большинства тюркских языков. Арабизм первого компонента восстанавливаемой фразы () не вызывает удивления. Памятник датируется нами, как сказано ниже, XII в.

При таком взгляде на текст третьей строки надписи (табл. XXVII, рис. 2) она в целом представляется в форме: ...*Сутан, нуа Йасай сис* (*-сиз*) *ис* [*ым койурсыз аны*]... '...Сутой, Ново-Ясией (*-Асией*) вы наз[ываете ее]...'

Текст третьей строки ввиду наличия в ней аланизмов требует некоторых дополнительных комментариев. Следует обратить внимание на то, что аланское слово *нуа* (*нуах* в м. *наху*) в значении определения 'новый' дано без привычного суффикса *-аг* (осет. *нахуаг*, *ног*). Мало того, оно дано с метатезой гласных. Если бы в современном осетинском языке не было формы *нуог*³²⁰ (с ассимиляцией *а* после *у* в *о*), можно было бы, пожалуй, усомниться в том, что в нашей надписи это аланизм. Слово *нуа* (*-наху*) как определение составляло с определяемым единый лексико-грамматический комплекс, и этот комп-

³¹⁹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Указ. соч., т. II. — М. — Л., 1950, с. 260—261; Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 181.

³²⁰ Миллер В. Ф. Осетино-русско-немецкий словарь, т. II. Л., 1929, с. 868.

лекс следует перевести не иначе как 'Ново-Ясией', гесп. 'Ново-Асией'. Можно думать, что дифтонг *уə* (графически *ya*) вместо *жу-о* был в некотором роде фонетической нормой писавшего надпись алана (ср. ниже передачу им тюркского слова *кзой* 'овца' с дополнительно вписанной гласной как *куай* (-*кзуəй*). Писавший был двуязычен, но в этом двуязычии, как уже говорилось, сбивался на нормы родной ему аланской речи. В данном случае налицо второе, весьма ощутимое аланское вкрапление в тюркскую речь писавшего текст.

На четвертой плоскости деревянной палочки помещено окончание текста надписи. Это видно из того, что левая часть палочки, после излома в средней ее части, совершенно свободна от текста.

В этой последней строке текста надписи в нашем чтении сохранились фрагмент первого слова строки и еще два полных слова. При переносе первого слова четвертой строки с третьей написаны его последние буквы. Эти буквы представляют собой аффикс личного имени писавшего текст. Из первой строки текста надписи мы знаем это имя: *Сийак*. На четвертую строку с третьей перенесено окончание *аг-ак*. Форма имени *Сийаг*, которое выше интерпретировано как аланское, в современном осетинском языке звучит с конечным звонким *г* (*сиаг* 'зябкий'). Можно думать, что в первой строке в имени *Сийак* отражено оглушение звонкой согласной в паузе, а в четвертой не отражено. Подобная непоследовательность свойственна живому осетинскому языку. Здесь же заметим, что в тексте надписи имеется еще один случай паузного оглушения конечной согласной — в тюркском местоимении *сиз*, написанном как *сис*.

Личному имени *Сийаг* могло предшествовать местоимение 1-го л. ед. ч. *бән//мән* (-*бэн//мэн*), которое, как и начало личного имени, помещалось в конце третьей строки: *[бән//мән (-бэн//мэн) Сий]аг...* '[я Сий]аг...'

Второе слово четвертой строки начинается с буквы с той формы, которую мы знаем из слова *с[ыгзыр]* 'корова'. За этой буквой следует слогографама *ай*, также нам известная. Третья буква, в виде квадрата, представляет собой сирийско-несторианского дукта *q(ḳof)*. В квадрате этой буквы вписано в качестве глоссы древнетюркского рунического письма *а* (см. табл. XXVII). Эта буква *а* встречается в памятниках как орхонской, так и енисейской письменностей. В целом второе слово чет-

вертой строки читается *сайда*. В этом слове мы видим разновидность того же слова, которым начинается первая строка текста: *сайке*. Смещение *q* и *к* явление графического порядка. Графическим явлением следует назвать и замену аланского *е* на тюркское руническое *а*, поскольку в последнем письме для звука *е* графемы не существовало. Итак, *сайда* четвертой строки — это то же самое, что *сайке* первой: 'в [лето]счисление'. Любопытно, что ни один тюрколог, работавший над текстом надписи на палочке, не заметил этой вписанной в сирийско-несторианскую *q(ḳof)* рунической тюркской буквы *а*.

За словом *сайда* следует третье слово последней, четвертой строки текста. Оно начинается с широко представленной в аланском письме буквы *к* сирийско-несторианского дукта, в которую слева вписана тюркского рунического письма буква *о|у* енисейского образца (см. табл. XXVII). Предшествующие исследователи эту букву также не заметили. За этими буквами следует слогографама *ай*. В целом третье слово последней, четвертой, строки текста читается: *коай* или *куай* (что соответствует тюркскому *кзой* 'овца') и является в этой форме нормой произношения писавшего надпись алана. В слове следует отметить факт графического смещения буквы *q* с *к*. Для сиротюркских XIII—XIV вв. надписей Семиречья это явление было в свое время отмечено акад. П. К. Кокорцевым³²¹. Последним в этой строке могло быть не сохранившееся ввиду излома палочки слово (*кайттам* 'я возвратился').

Четвертая строка (см. табл. XXVII, рис. 2) с учетом условно запроецированных утраченных слов транслитерируется в целом в таком виде:

...[*бән//мән Сий*]аг *сайда* (-*сайка*) *куай* (-*кзой*) [*кайттам*] '...[я Сий]аг в [лето]счисление овы [возвратился]'.

Объединяя все четыре строки надписи на палочке, мы получаем следующий текст: *Сайке ут азы с[ыгзыр б||м]ән Сийак (Сийаг)... [әск]и Кутай, әски Йансай сән [Ван]-нашанг йа[ри]... Сутан, Нуа-Йасай сис (-сиз) ис[ым койурсыз аны]... [б||мән Сий]аг сайда (-сайка) куай (-кзой) [кайттам] — 'В [лето]счисление быка или к[оровы] я, Сиаг... [древня]я Кутай, древняя Яицай, ты*

³²¹ Кокорцев П. К. К сиротурецкой эпиграфике Семиречья// Изв. АН, VI серия, т. III, 1909, с. 777, прим. 1.

[Вань]нашской зе[млей]... Сутой, Ново-Асией вы называе[те] её]... [я, Сий] аг, в [лето]счисление овцы [возвратился]’.

Несмотря на значительные лакуны в тексте, наличные по известным нам причинам, мы можем составить себе достаточно ясное представление о содержании информации в целом и о ее исполнителе.

Писавший был таласский алан по имени Сийаг (Сиаг), что по-русски означает ‘Зябкий’. Об этническом происхождении исполнителя надписи следует судить, конечно, не по его имени, а по тем аланизмам, которые нет-нет да врываются в тюркский текст надписи. Наиболее веским и убедительным аланским вкраплением в тюркоязычный текст является фраза *нуа иасай* = осет. *нæу* [æg] *Ясæй* — ‘Ново-Асией’, где использован осетинский отложительный падеж (формант -æй) и неоформленное определение *нуа-нæу* к имени *Ас* (*Яс*), являющемуся самоназванием аланов и их страны³²². Сюда же примыкает и отложительный падеж в этнониме *Кута* (*Кута + æй > Кутай*). Из фактов более мелкого, в основном фонетического порядка, следует отметить два случая оглушения звонкого согласного в паузе, в одном случае в имени собственном писавшего (*Сийак* вм. *Сийаг*), в другом — в тюркском личном местоимении 2-го л. мн. ч. *сиз*, написанном как *сис*. К фактам фонетического порядка относятся и метатеза звуков в дифтонге, когда вместо *ау(æу)* пишется *уа* (ср. *нуа-нæу* ‘новый’), и передача тюркского *кзой* ‘овца’ формой *куай*. Возможно, что при более пристальном изучении текста надписи обнаружатся еще какие-либо мелкие аланизмы, но, как нам представляется, уже и этих вполне достаточно, чтобы говорить о том, что писавший текст надписи был алан, но в значительной степени уже утративший свою родную речь.

Этот алан в год быка, который по двенадцатилетнему животному циклу исчисления лет является вторым годом цикла, отправился из Таласской равнины в путешествие на север и северо-восток от нее и посетил землю, населенную его единоплеменниками и называемую в китайских хрониках Яньцай, Ваньнаша и Судэ, с восходящей в Яньцай северо-восточной областью, населенной остяками (ханты) и именуемую Кута (кит. *Худэ*).

³²² ИЭСОЯ, т. I, с. 79—80.

Из этого путешествия он вынес письмо приаральских алан, на котором и сделал запись на деревянной палочке. Судя по двум буквам-гlossам, он знал древнетюркское письмо. Об этом же говорит и направление письма на палочке, хотя мы не знаем, какого направления было аланское письмо в Приаралье. Сийаг возвратился в Таласскую равнину в год овцы, который по двенадцатилетнему циклу счета лет является восьмым годом цикла. Таким образом, он пробыл в своем путешествии не менее шести лет.

Не будем строить догадок, почему палочка оказалась погребенной в штольне разработок серного колчедана в Ачикташе. Остается непреложным факт, что в Таласской равнине, кроме тюрок, в годы совершения надписи на палочке, жили аланы. Сколь многочисленны они были, неизвестно, но один из них, как мы теперь знаем, посетил своих приаральских соплеменников.

По китайским источникам, аланское государство Яньцай, простиравшееся от Аральского моря до Волги и Урала, существовало со II в. до н. э. по IV в. н. э.³²³ Надпись вносит существенную поправку в конечную дату пребывания аланов в Приаралье. Анализируя этнонимы надписи по китайским источникам, китаист проф. Б. И. Панкратов сообщил, что надпись не может относиться ко времени ранее XII в. н. э., так как этноним Судэ (Сута) в этой форме, сравнительно с древней иероглифической *Si'ok-d'æk* мог образоваться только в XII в., когда стал возможен открытый исход слова. В это время, как можно судить по надписи, область Судэ (Сута) называлась по-алански Ново-Асией. Наличие начального *j* в этом этнониме (*Йас* вместо *Ас*) может говорить о кипчакском влиянии.

Государство Яньцай было, по-видимому, разгромлено хуннами, но аланы, как этнос со своей письменной культурой, в Приаралье не исчезли. Эту письменную культуру и засвидетельствовал нам автор надписи на деревянной палочке из Таласа по имени Сийаг (Сиаг).

³²³ Кюнер Н. В. Указ. соч., с. 11.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АЛОИА — Архив Ленинградского отделения института археологии Академии Наук СССР.
- АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ.
- ВДИ — Вестник древней истории, М.
- ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры, Л.
- ДАН — В — Доклады Академии Наук СССР, серия В, Петроград — Ленинград.
- Журнал — Журнал Министерства народного просвещения, Спб.
- ЗВОРАО — Записки восточного отделения Русского археологического об-ва, Спб. — Петроград.
- ЗРАО (Н. С.) — Записки русского археологического общества (новая серия), Спб.
- ИАК — Известия археологической комиссии, Спб. — Петроград.
- ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института, Орджоникидзе.
- ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского научно-исследовательского института, Цхинвали.
- ИЭСОЯ — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, М. — Л.
- КСИИМК — Краткое сообщение института истории материальной культуры, Л.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.
- МАК — Материалы по археологии Кавказа, Тифлис.
- ОИЯ — Основы иранского языкознания, т. I, М., 1979.
- ОЯФ — В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I, М. — Л., 1949.
- СА — Советская археология, М.
- ТВДАЭ — Труды Волго-донской археологической экспедиции, МИА, М. — Л.
- ТППЯ — Г. Ф. Турчанинов. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы, Л., 1971.
- ЭВ — Эпиграфика Востока, М. — Л.
- Zgusta — Ladislav Zgusta. Die Personennamen griechischer Städte der nordlichen Swarzmeer-ünste. Praha, 1955.

Табл. I
Палеографическая таблица к очерку 1 главы I. Надпись близ д. М. Красноярки (VIII в. до н. э. Вост. Казахстан)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО IX—VIII в.в. до н. э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ БЛИЗ Д. М. КРАСНОЯРКИ	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
⌒	l	⌒	ia
⚡	m	⌒	л
✓	ʿ (ajin)	⌒	м
⚡	n	⌒	ā (→ æ)
		⌒	н
		⌒	ia

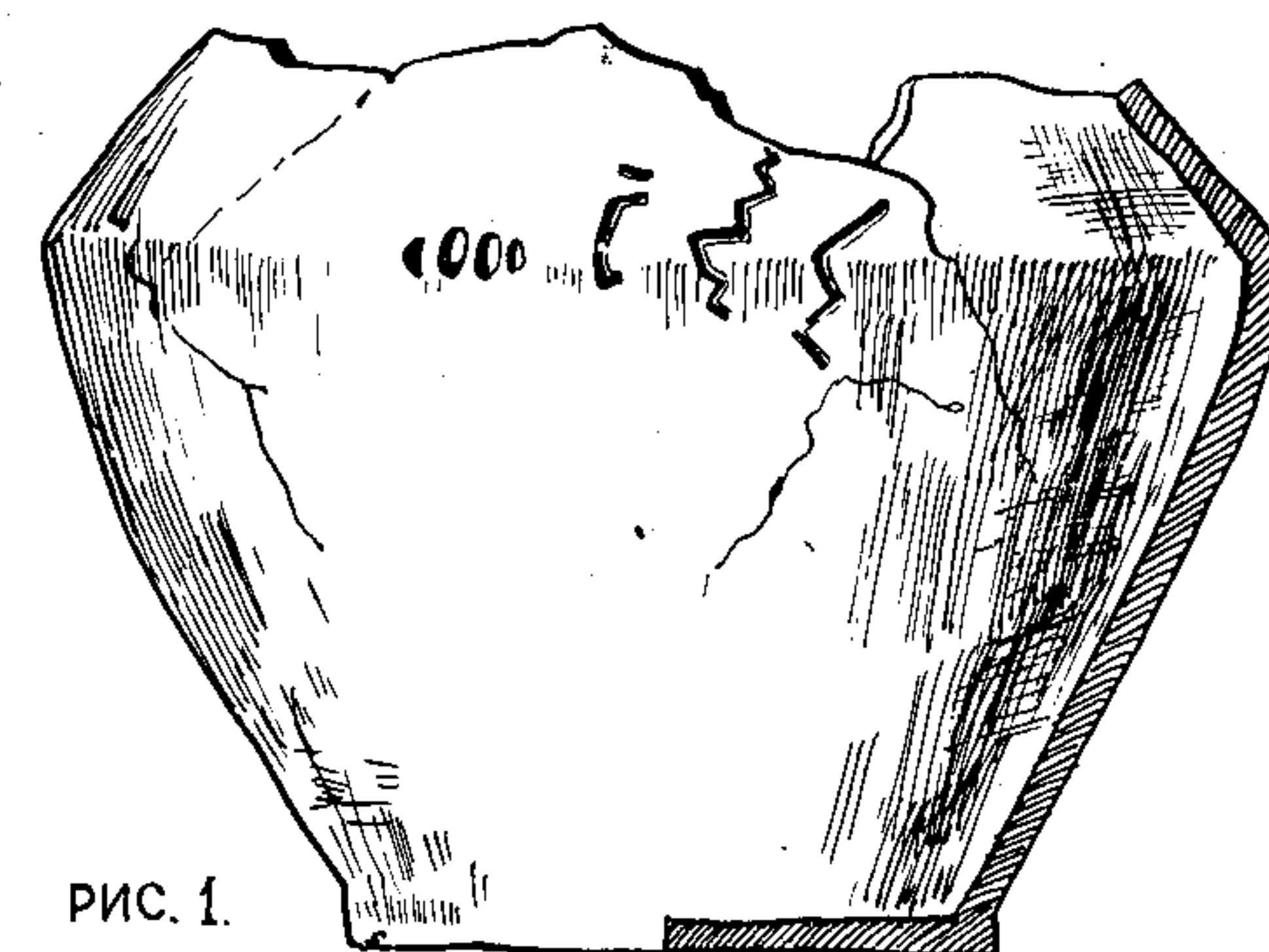


РИС. 1.

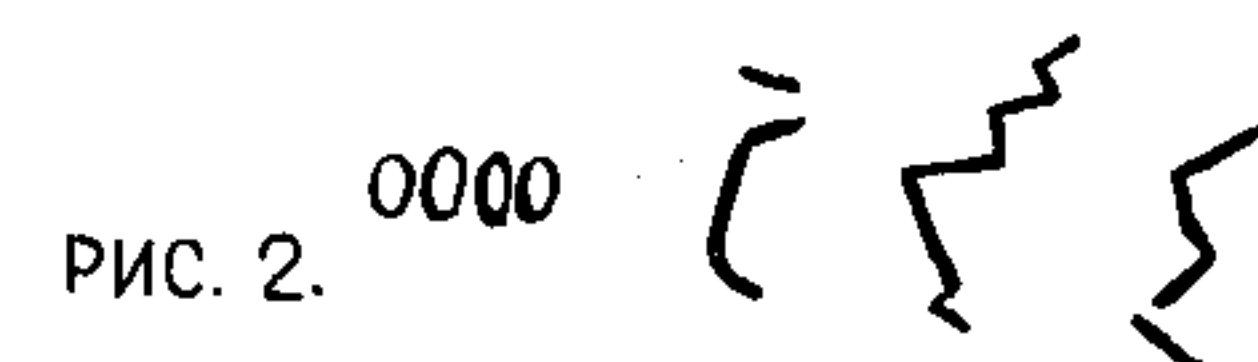


РИС. 2.

Табл. II
Палеографическая таблица к очерку 2 главы I. Надпись на баночном сосуде из погребения близ с. Горная Пролейка (вторая пол. VI в. до н. э. Нижнее Поволжье)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО VI—V вв. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ БЛИЗ С. ГОРНАЯ ПРОЛЕЙКА	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
9	b	—a	б
>	d	2	д
л	h	л	ā (he matres lectionis)
γ	w	γ	o
2, 2	z	2, 2	ž, аз
o	ʒ (th)	Δ	т (ʒ)
†	j	1, 1, 1	ē, и, ÿ
у u	' (ajin)	т, u	ā (→ æ)
у	r	2	μ

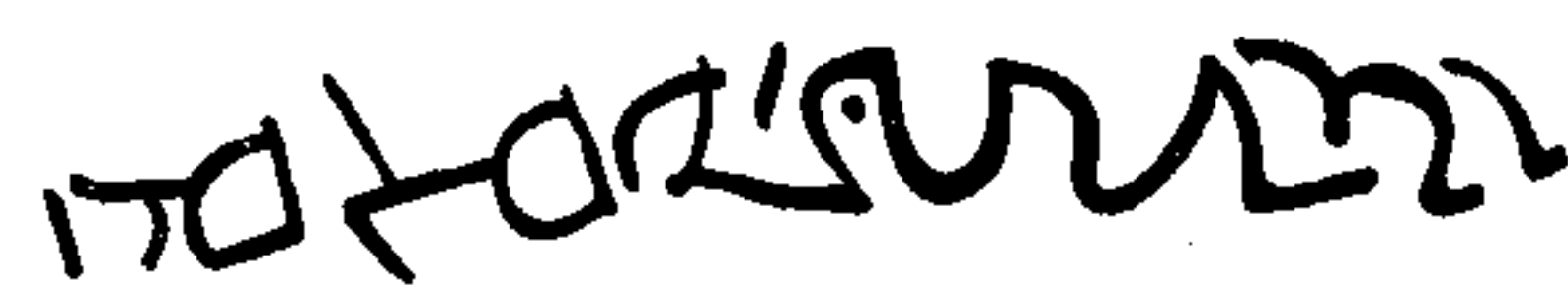
РИС. 1. 

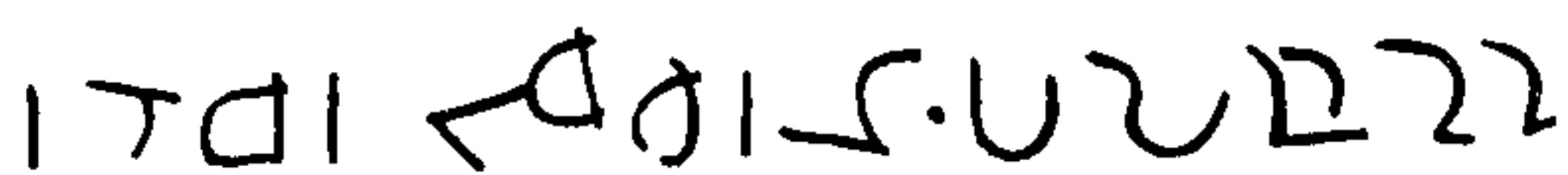
РИС. 2. 

Табл. III
Палеографическая таблица к очерку 3 главы I. Надпись из погребения близ с. Рубцы (V—начало IV в. до н. э. Северное Причерноморье)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО V, НАЧАЛО IV в. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ С. РУБЦЫ	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
✓	š	т	ш
т	'a	т	'a
Δ	r	б	р
γ	s	1, 1, 1	и, и, ē (i matres lectionis)
у	l	т	ц
с	ʒ (th)	л	л
с	š	т	т (ʒ)
с		ш	ш (сш)

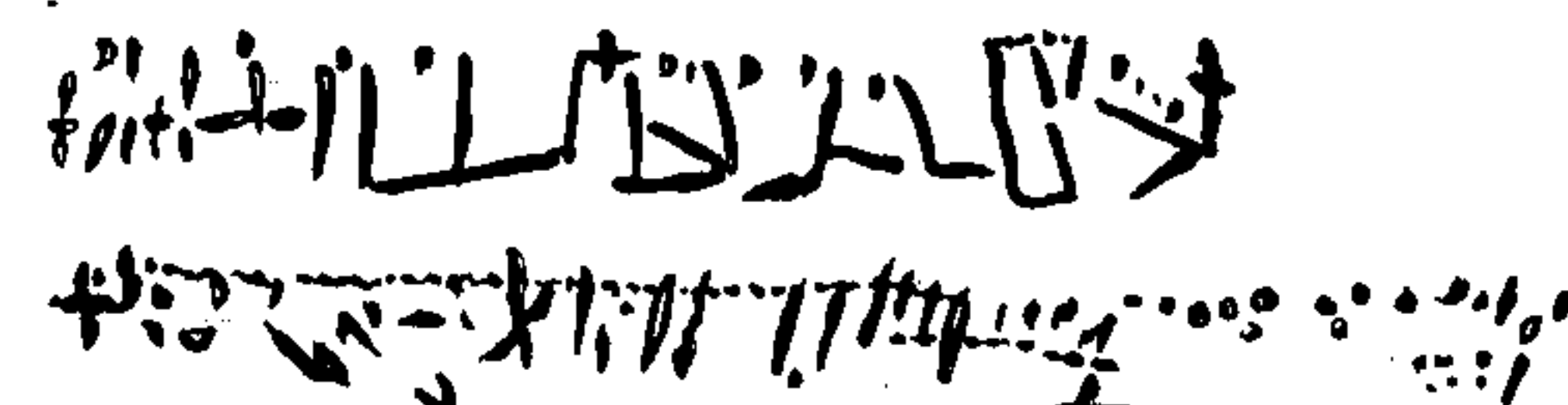

РИС. 1.

 РИС. 2.

Табл. IV
Палеографическая таблица к очерку 4 главы I. Надпись с поселения
близ г. Умани (V в. до н. э. Украина)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО VII-V в.в. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ НА ГОРШОЧКЕ	
ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР
?	w	^	o
#	h	#	x
7	r	7	p
3	s	3	c
	2		2
	3		3
\\	4	/	4
I	1	I	1



РИС 1.

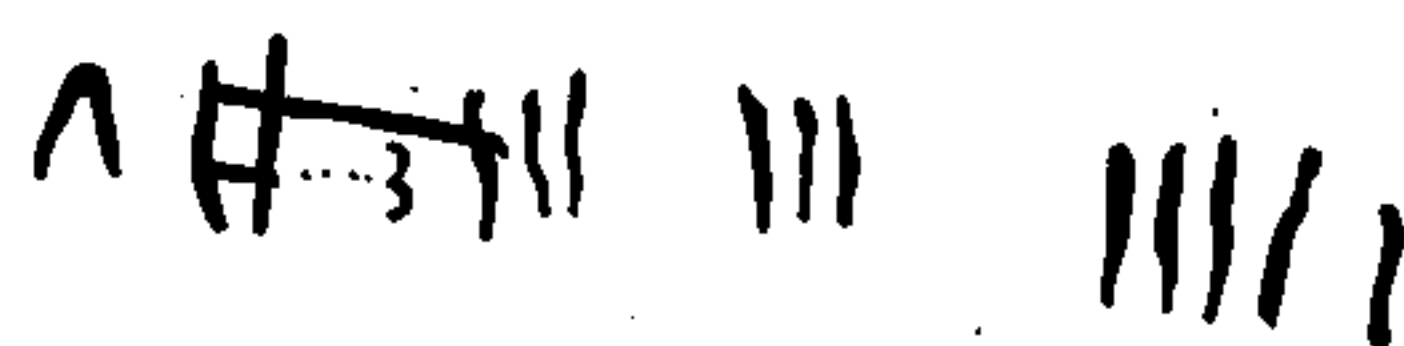


Табл. V
Палеографическая таблица к очерку 5 главы I. Надпись на сосуде
с Золотой Косы (V в. до н. э. Сев. Причерноморье)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО VII-V в.в. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НА СОСУДЕ с Золотой Косы	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
⌘	s	++, ⌘	c
t, x	t	t, t	т
x	'a	x, x	a
v	'(ajin)	1	ă (→ æ)
t	j	т, t	й, u
λ	s	λ	г
7	p	7	п
#	h	#, #	x
h	t	т	т

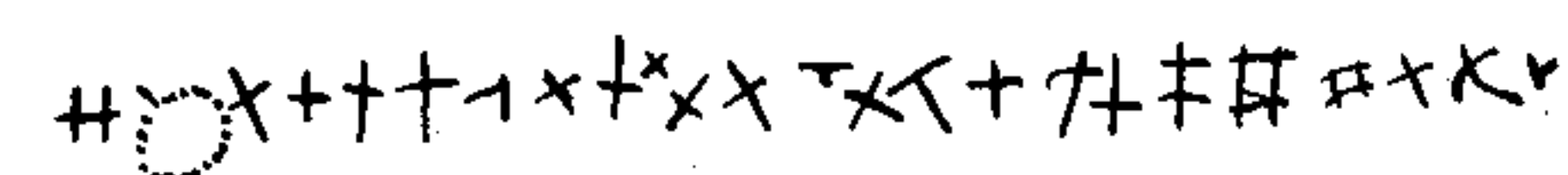


РИС 1.

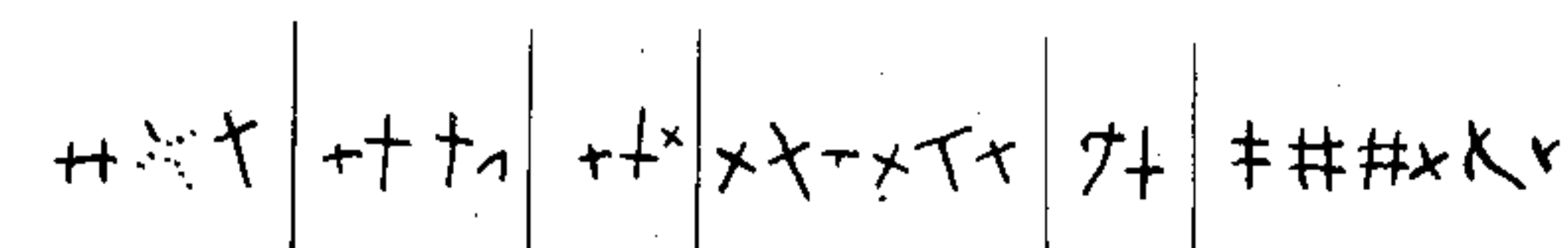


РИС 2.

Табл. VI

Палеографическая таблица к очерку 6 главы I. Надпись из погребения близ д. Переездой (V в. до н. э. Украина)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО VI-V вв. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ БЛИЗ Д. ПЕРЕЕЗДОЙ.	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
𐤀	t	𐤁	φ
𐤁	'a	𐤂	т
𐤂	h(ā)	𐤃	a
		𐤄	ā(>a)
		𐤅	ia

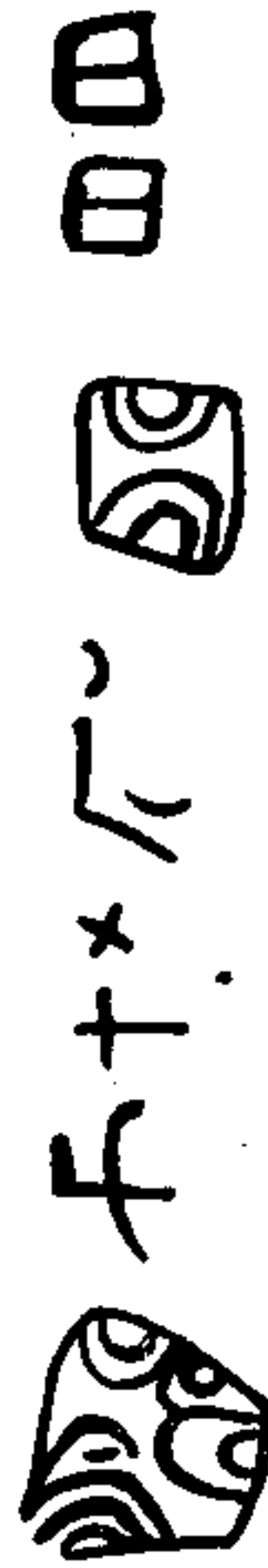


рис. 1.

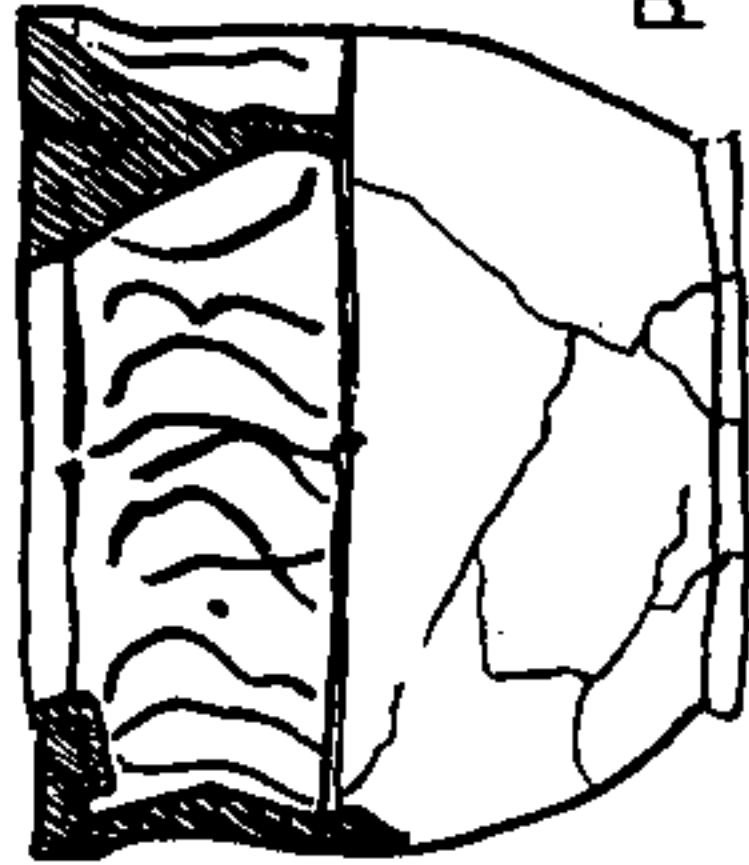


рис. 1



рис. 2.

Табл. VII

Палеографическая таблица к очерку 7 главы I. Надпись из погребения у с. Константиновка (V в. до н. э. Украина)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО V в. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ У С. КОНСТАНТИНОВКИ	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
𐤀	m	𐤁	м
𐤁	d	𐤂	d
𐤂	s	𐤃	s
𐤃	n	𐤄	o
		𐤅	n

Табл. VIII
Палеографическая таблица к очерку 8 главы I. Фрагмент надписи с горы Крестовой (V в. до н. э. Северный Кавказ)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО V в. до н.э.		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ С ГОРЫ КРЕСТОВОЙ	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
𐤀	d	𐤁	A
𐤁	c('ajin)	𐤂	ā(→a)
𐤂	t	𐤃	т
𐤃	'a.	𐤄	a
𐤄	s	𐤅	s
𐤅	κ(q)	𐤆	и
		𐤇	кб

рис. 1

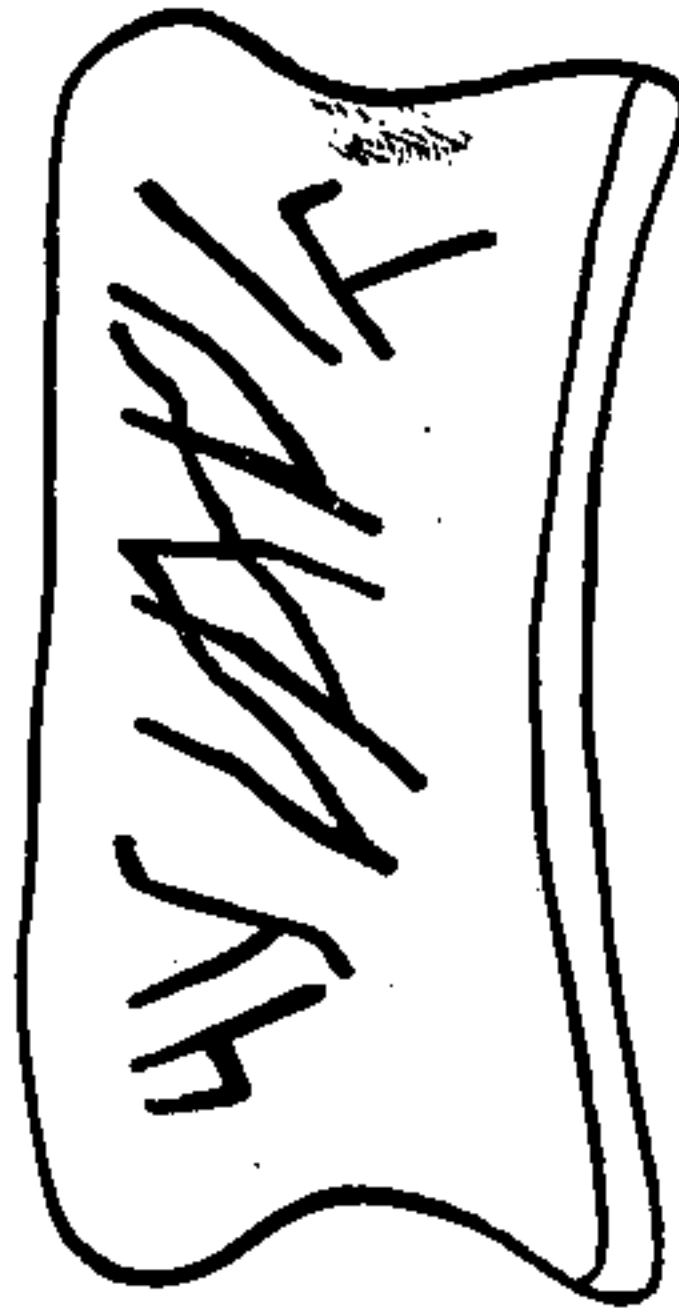


рис. 2

Табл. IX
Палеографическая таблица к очерку 9 главы I. Надпись из древней
Тир (II в. до н. э. С.-З. Причерноморье)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО		КВАДРАТНОЕ ЕВРЕЙСКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО НАДПИСИ ИЗ ТИРЫ	
ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР
п	h(=ā)	п	h(=ā)	п	ā(>a)
п	t	γ	a	γ	a
т	j	т	t	т	т
х	k	х	j	х	и
+	t	+	a	+	a
γ	n	γ	k	γ	т
з	d	з	t	з	н
з	20	з	n	з	д
з	10	з	d	з	20
з	1	з	1	з	10
з	1	з	1	з	1

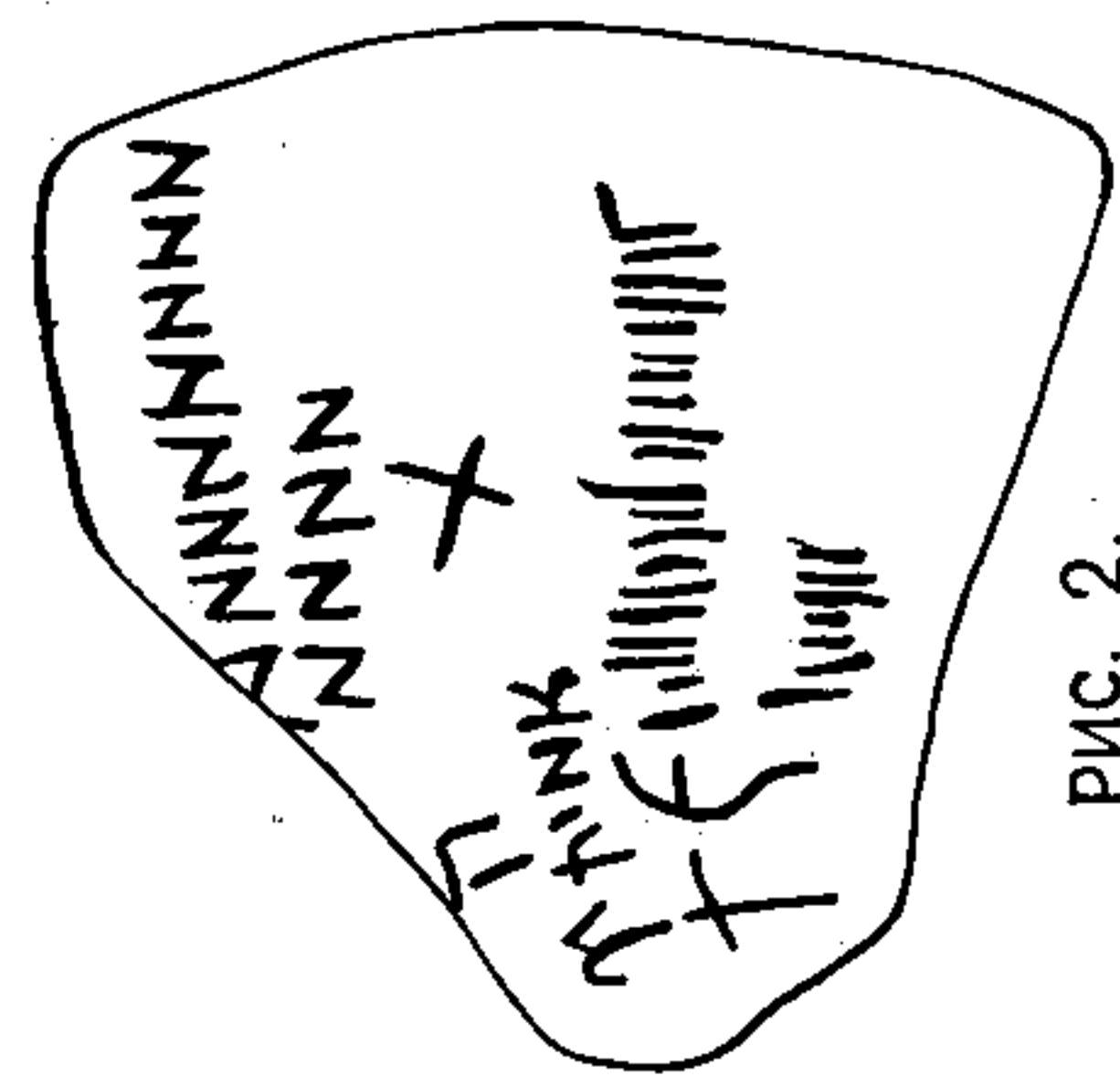


РИС. 2.

Табл. X,1
Глиняное пряслице с двухстрочной надписью из Одесской обл.
(II в. н. э. Украина)

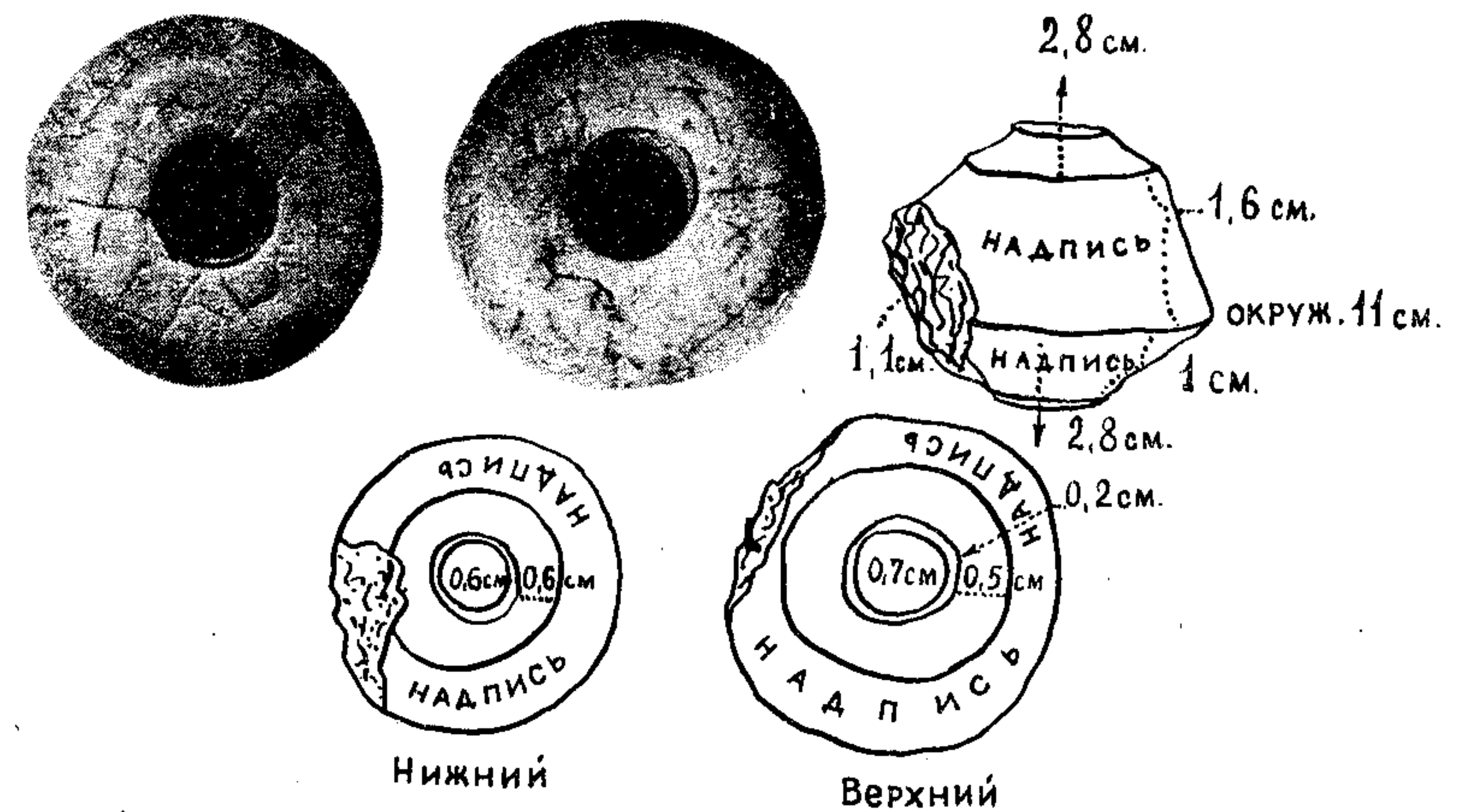


РИС. 1

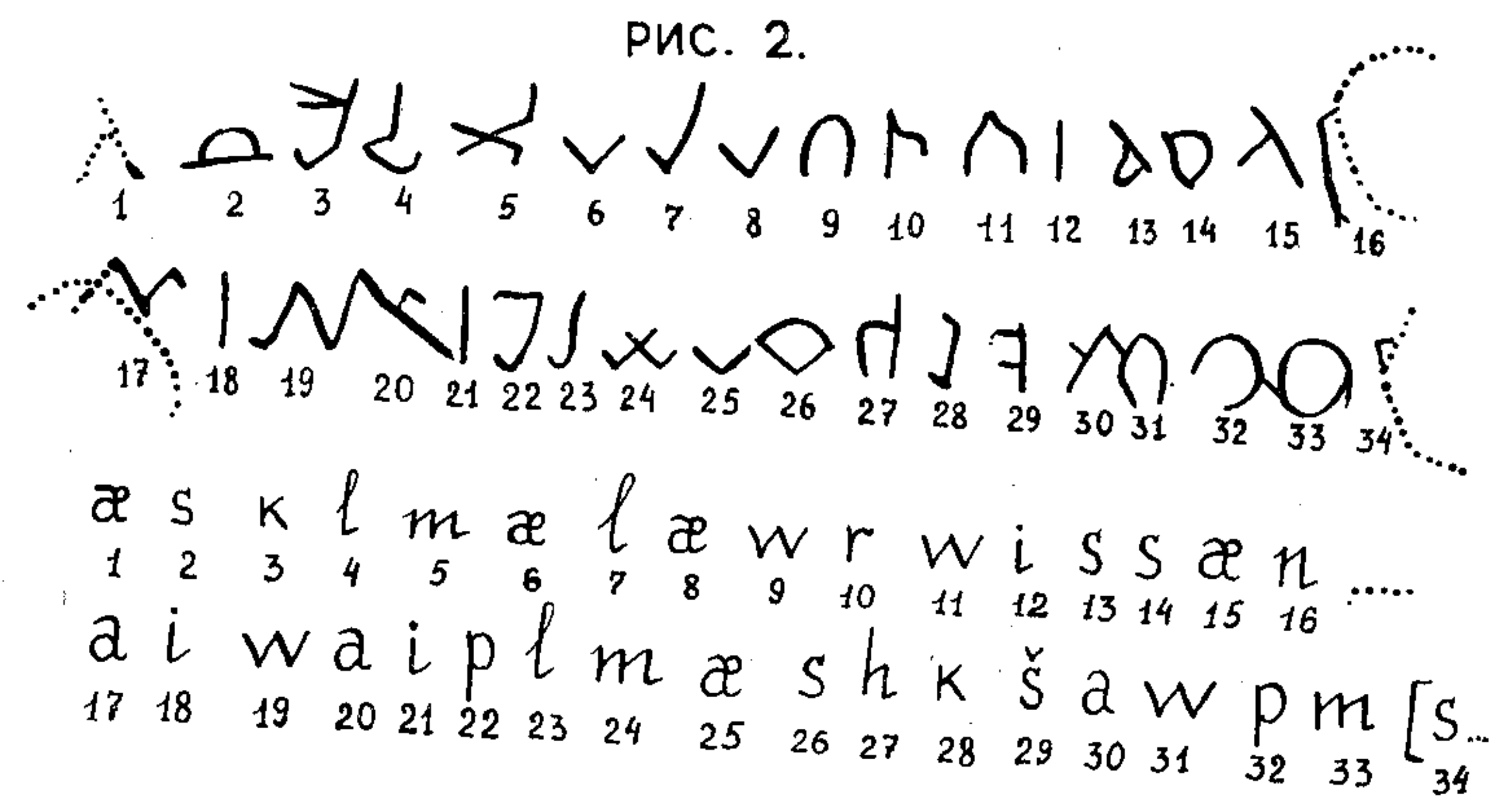


РИС. 2.

212
Табл. XI
1. Палеографическая таблица к очерку 11 главы I. Надписи на амфорах Танаиса и из-под Одессы (II—III вв. н. э.)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
g	p	p	n
7	p	c	n
l	l	ll	л
b	t (th)	8β	y
~	'a	δδd	m
7	n	z	a
o	'a (ajin)	1	n
v	'a (ajin)	o	æ
		v	a
		—	и
		*	

2. Палеографическая таблица к очерку 11 главы I. Надпись на амфоре с р. Ингулец (II—III вв. н. э.)

АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
3	20	ε	20
~	s	~	c
o	'a (ajin)	o	æ (ä)
z, z	j	z	й
4	n	1	н

Табл. XII
Палеографическая таблица к очерку I главы II. Фрагмент аланского граффито из Херсонеса (VII в. Крым)

ХЕРСОНЕССКОЕ АЛАНСКОЕ ГРАФФИТО		ДРЕВНЕ - ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО		СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО		СИРО - НЕСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО		АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
И	т	И	т	И	т			И	т
4	ф	ф, ф	ф	ф	ф				
К, К	ш			К, К	ш	У, У	š		
Λ	æ			1	æ	Λ	'(ajin)	Λ	'(ajin)
У	х					~	h		
1	и	1	и	1	и				
L	a					L	'a		
X	c (сш)			X	c (сш)				
q	1000							п	1000
1	1	1	1					1	1

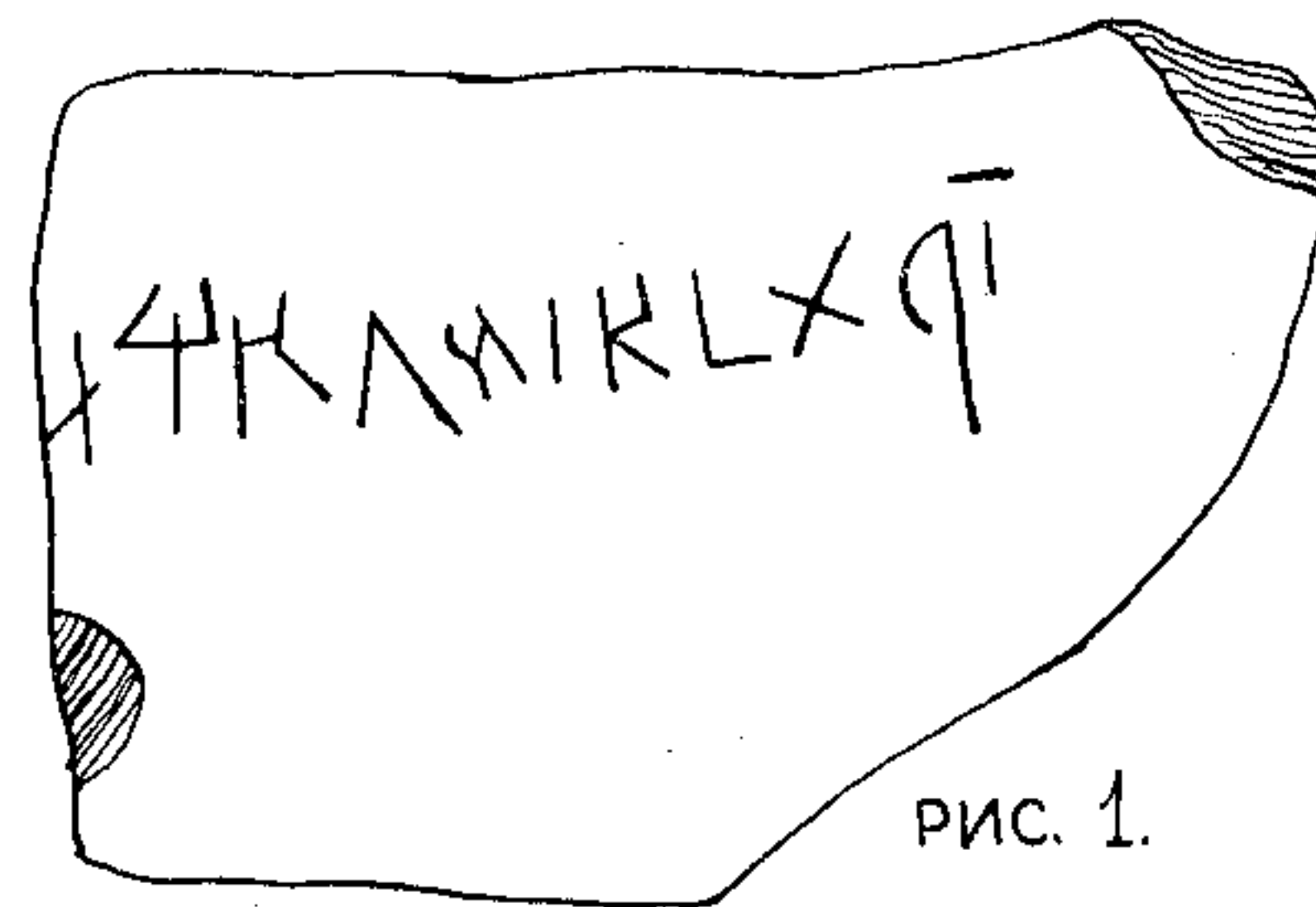
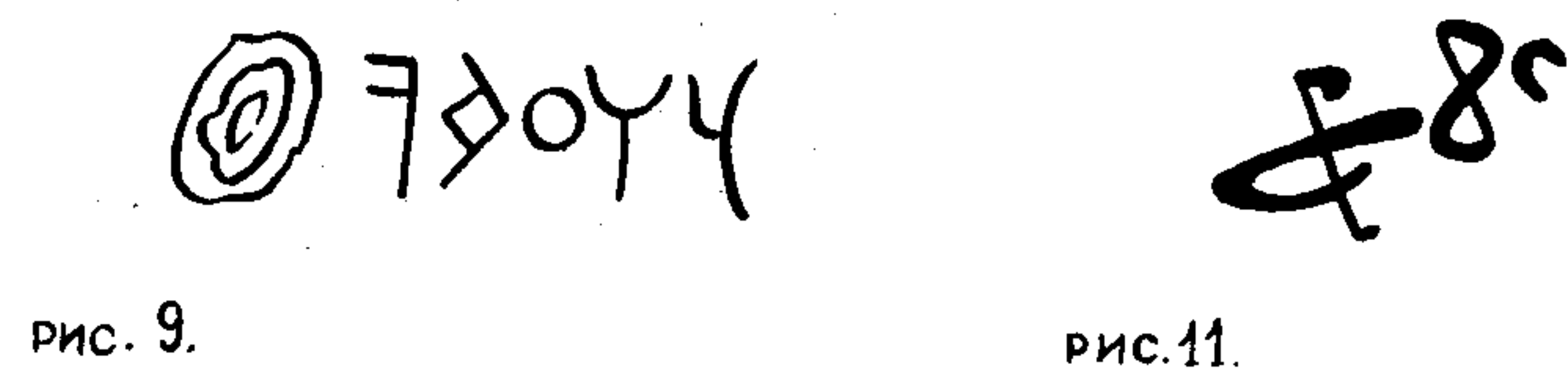
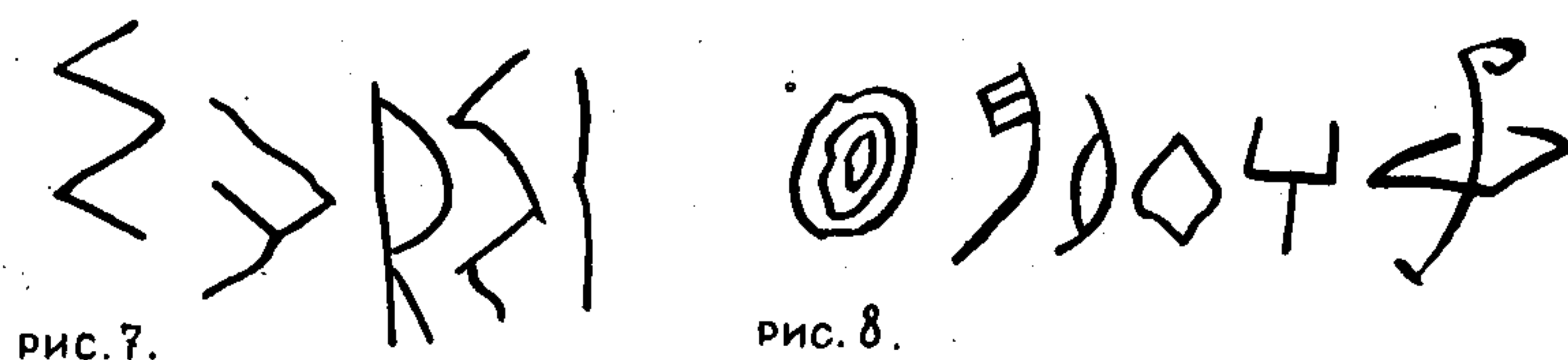
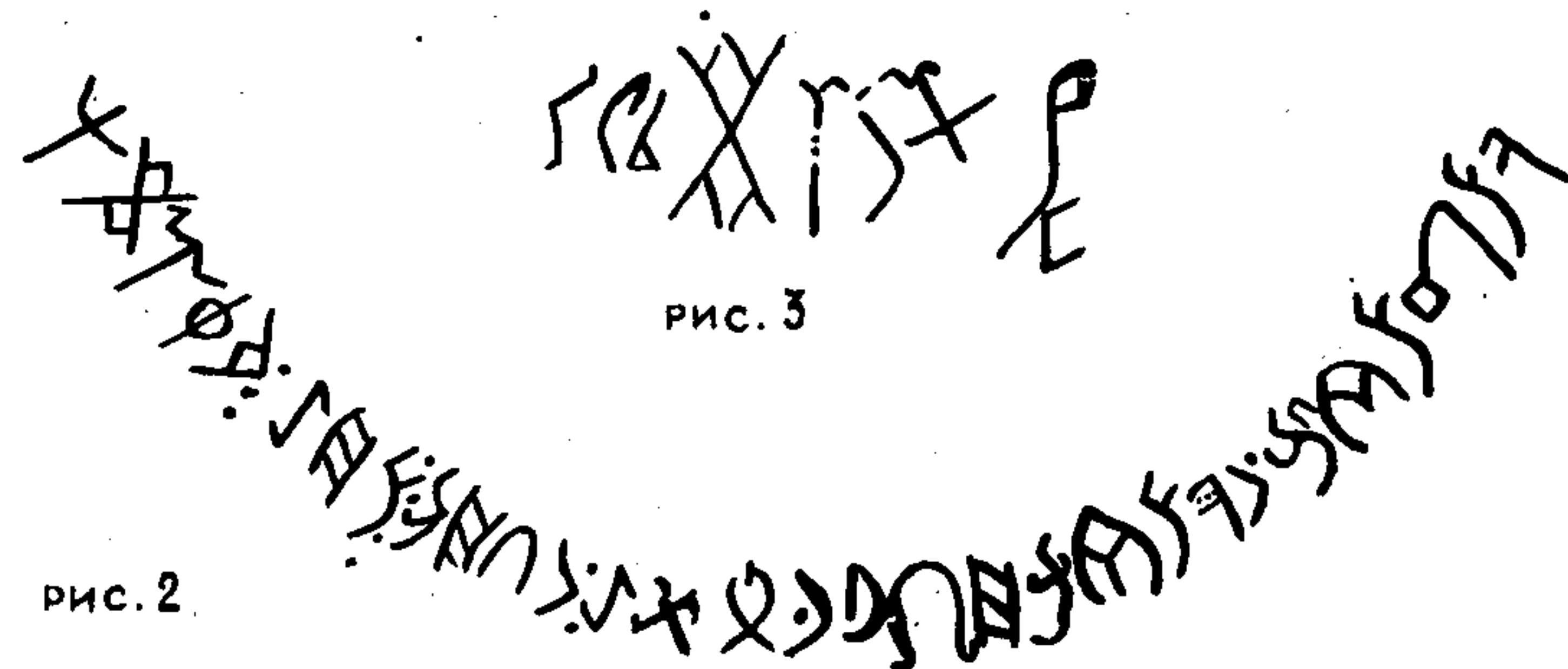
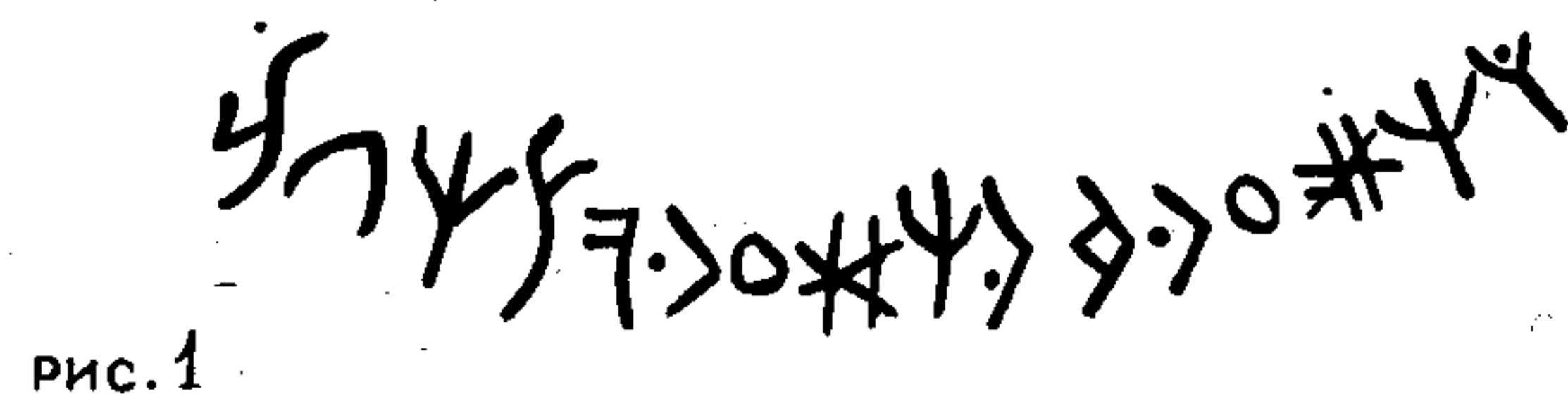


Рис. 1.



ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ					ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ				
	N N НАДПИСЕЙ						N N НАДПИСЕЙ				
	1	2	3	4	5		1	2	3	4	5
а	7			у		б					
а			<	-		в		}			
ан	у				д	г		~			
ан	м		м			к	>	>			
и	8					л	у		ч		
и		l		l		н		р			
о		Г				р		Δ			
у	D					с		X			
у		Р				ш				{	
у				R		т					
ум		X				ф				ч	
б			Р			с (ajin)				сб	
										о	

Табл. XIII, 3

ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ		ПРИМЕЧАНИЕ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ		ПРИМЕЧАНИЯ
	N/N НАДПИСЕЙ				N/N НАДПИСЕЙ		
	1	2			1	2	
а	7	7	ЛИГАТУРА: ð-а I-и(и) ã-а носовое	б	7	ЗВОНКИЕ И ГЛУХИЕ ЛИТЕРАЛЬНЫЕ ОБОЗНАЧЕНЫ ВАРИАНТАМИ ОДНОЙ БУКВЫ	
а	X			г	~		
аи	W			с	✓		
'а		о		к	>		>
а"(х)	M		q	ф			
ан	ð	ð	л'	f			
и/и	I	I	лб'	f f			
и		Y	лГ'		Y		
у	o, o	o	п	o			
у	D		с		X X		
ya	X		ЛИГАТУРА λ(u)y ≤(λ)a	x	Y		
'ум	X			с	f		f

Табл. XIV

Надпись на амулете из Донецкой обл. (IX в. н. э. Подонье). Очерк 3 главы II. Палеографическая таблица к очерку 3 главы II.

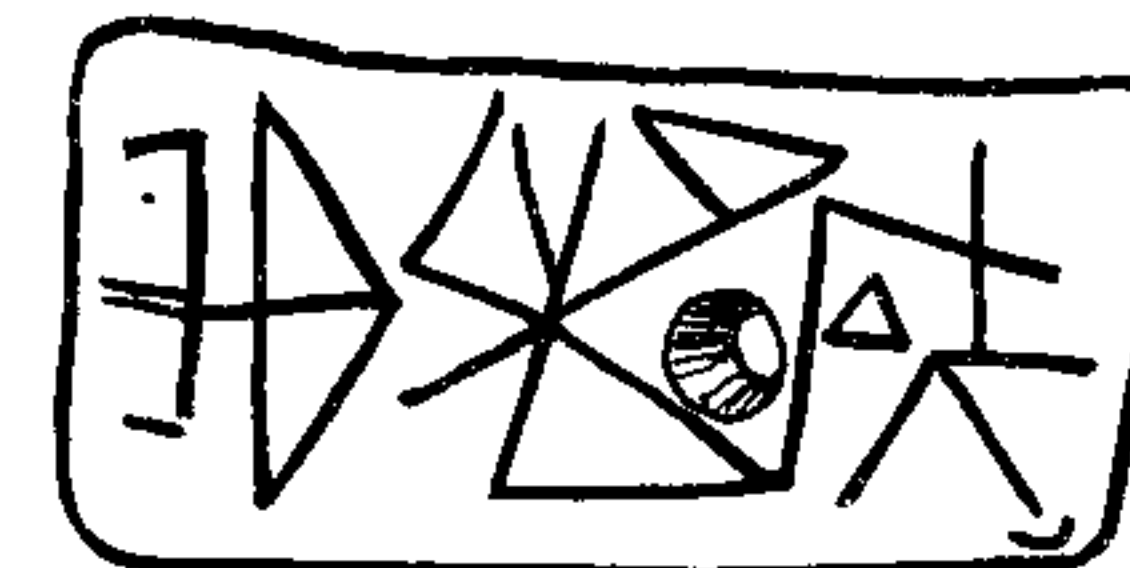


РИС. 2.

РИС. 1.

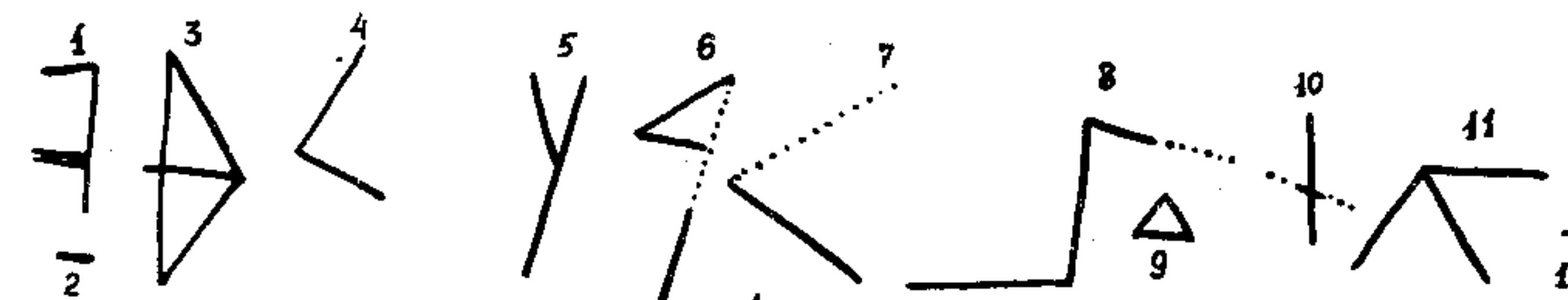


РИС. 3

ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ				ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ		ПРИМЕЧАНИЕ
	АЛАНСКОЕ ПИСЬМО		КОСОЖКОЕ ПИСЬМО			ГЛАГОЛИЦА	КИРИЛИЦА	
	N/N НАДПИСЕЙ							
	1	2	4	1				
р(r) н г и у в(v) у ан, а" (ä) п о и у	 8 м D	Δ р ~ з р с I	 р I	 м о I D	р(r) н г и ю(ju) в(v) ъ(+а) ä п о i ю(ju)	б р м, и 8, 8 в у р р з I ю	 р А I ю	МЮНХЕНСКИЙ АБЕЦЕДАРИЙ АЛЕКСАНДРЪ

СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО					ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
БУКВЫ НАДПИСИ НА АМУЛЕТЕ	МАЯЦКИЕ НАДПИСИ	НАДПИСЬ С РИМ-ГОРЫ	НАДПИСИ НАДЬ-СЕН МИКЛОША	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ						
7	7	7	7 7	а	7	7 7	h (ā) matres castres	1	7	7
1				й	7			с	7	7
Δ				с	7			с	7	7
<				а	7			с	7	7
у	р		у	а	7			с	7	7
Δ				н	7			с	7	7
<				а	7			с	7	7
у			✓	а	7			с	7	7
Δ				з	7			с	7	7
Δ				н, и	7			с	7	7
Δ				н	7			с	7	7
Δ				т	7			с	7	7
Δ				и, и	7			с	7	7

Табл. XV
Палеографическая табл. к очерку 4 главы II. Фрагмент хозяйственной надписи из Херсонеса (IX—X вв. н. э. Крым)

СИРИЙСКО-НЕСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО		СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
ⲁ	р (ṛ)	ⲁ	ф
ⲃ	h	ⲃ	и (ə)
ⲅ	(ajin)	ⲅ	х
ⲇ	h	ⲇ	ѡ
		ⲉ	х

РИС. 1.

РИС. 2. ⲁ 1 ⲃ 1 ⲅ 1 ⲇ 1 ⲉ

Табл. XVI, 1
Фотоснимки с горшочка к очерку 5 главы II.



Табл. XVIII, 1
Палеографическая таблица к очерку 7 главы II. Аланские слова и буквенные меты на альчиках салтовского могильника (IX—X вв. Харьковская обл.)

САЛТОВСКОЕ ПИСЬМО		МАЯЦКОЕ ПИСЬМО		ТАЛАССКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО		СИРО-ИСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО		АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
А, <	а н	А, >	а н	>	а н			Λ	а	Ⲁ	а
Б, Δ	а	Б	а					Δ, Δ	а	Ⲁ	а
Г, Т	у, в							Г, Т	и н	Ⲁ	и н
Д, Т	ж							Д, Т	и н	Ⲁ	и н
Е, Т	и							Е, Т	и н	Ⲁ	и н
Ж, Т	и							Ж, Т	и н	Ⲁ	и н
З, Т	и							З, Т	и н	Ⲁ	и н
И, Т	и							И, Т	и н	Ⲁ	и н
К, Т	и							К, Т	и н	Ⲁ	и н
Л, Т	и							Л, Т	и н	Ⲁ	и н
М, Т	и							М, Т	и н	Ⲁ	и н
Н, Т	и							Н, Т	и н	Ⲁ	и н
О, Т	и							О, Т	и н	Ⲁ	и н
П, Т	и							П, Т	и н	Ⲁ	и н
Р, Т	и							Р, Т	и н	Ⲁ	и н
С, Т	и							С, Т	и н	Ⲁ	и н
Т, Т	и							Т, Т	и н	Ⲁ	и н
У, Т	и							У, Т	и н	Ⲁ	и н
Ф, Т	и							Ф, Т	и н	Ⲁ	и н
Х, Т	и							Х, Т	и н	Ⲁ	и н
Ц, Т	и							Ц, Т	и н	Ⲁ	и н
Ч, Т	и							Ч, Т	и н	Ⲁ	и н
Ш, Т	и							Ш, Т	и н	Ⲁ	и н
Щ, Т	и							Щ, Т	и н	Ⲁ	и н
Ъ, Т	и							Ъ, Т	и н	Ⲁ	и н
Ы, Т	и							Ы, Т	и н	Ⲁ	и н
Э, Т	и							Э, Т	и н	Ⲁ	и н
Ю, Т	и							Ю, Т	и н	Ⲁ	и н
Я, Т	и							Я, Т	и н	Ⲁ	и н

Табл. XVIII, 2

Табл. XIX

Фрагмент граффити с городища Титчиха (X в. н. э. Среднее Подонье).
Очерк 8 главы II

Палеографическая табл. к очерку 8, гл. II. Фрагмент граффити с городища Титчиха (X в. н. э. Среднее Подонье)

IK
иш
ФЕ₄ = 10 F₆ >
и х б а у р э
Λ Δ
æ в / б / д

IK
N 33

ФЕ₄
N 7

Λ Δ
N 12

N 1 IK = Λ Γ = ант / - ирон. æнт [ыст], диг. æнт [æст] - удача /

N 2 IK = 7 IX = нис / - диг. нис [ан] - цель /

N 4 IK = ан / - ирон. æн [тыст], диг. æн [тæст] - удача

N 6 IK = ин / - ирон. ин [гæн] - могила /

N 8 IK = н / б / и / ш / - ирон. н / б / с / ан /, диг. н / и / с [ан] - цель /

N 10 IK = з / - ирон. з [ын], диг. з [ин] - тягота /

N 11 IK = н / диг. н [ивæ], ирон. н [ыв] - счастье /

IK
N 1

IK
N 2

IK
N 4

IK
N 6

IK
N 8

IK
N 10

IK
N 11

IK
и б
и рон. и пп-
недостаток,
порок /

IK
N 13

IK
т / ирон. т [ых]
- сила, мощь /

IK
N 14



Рис. 1.



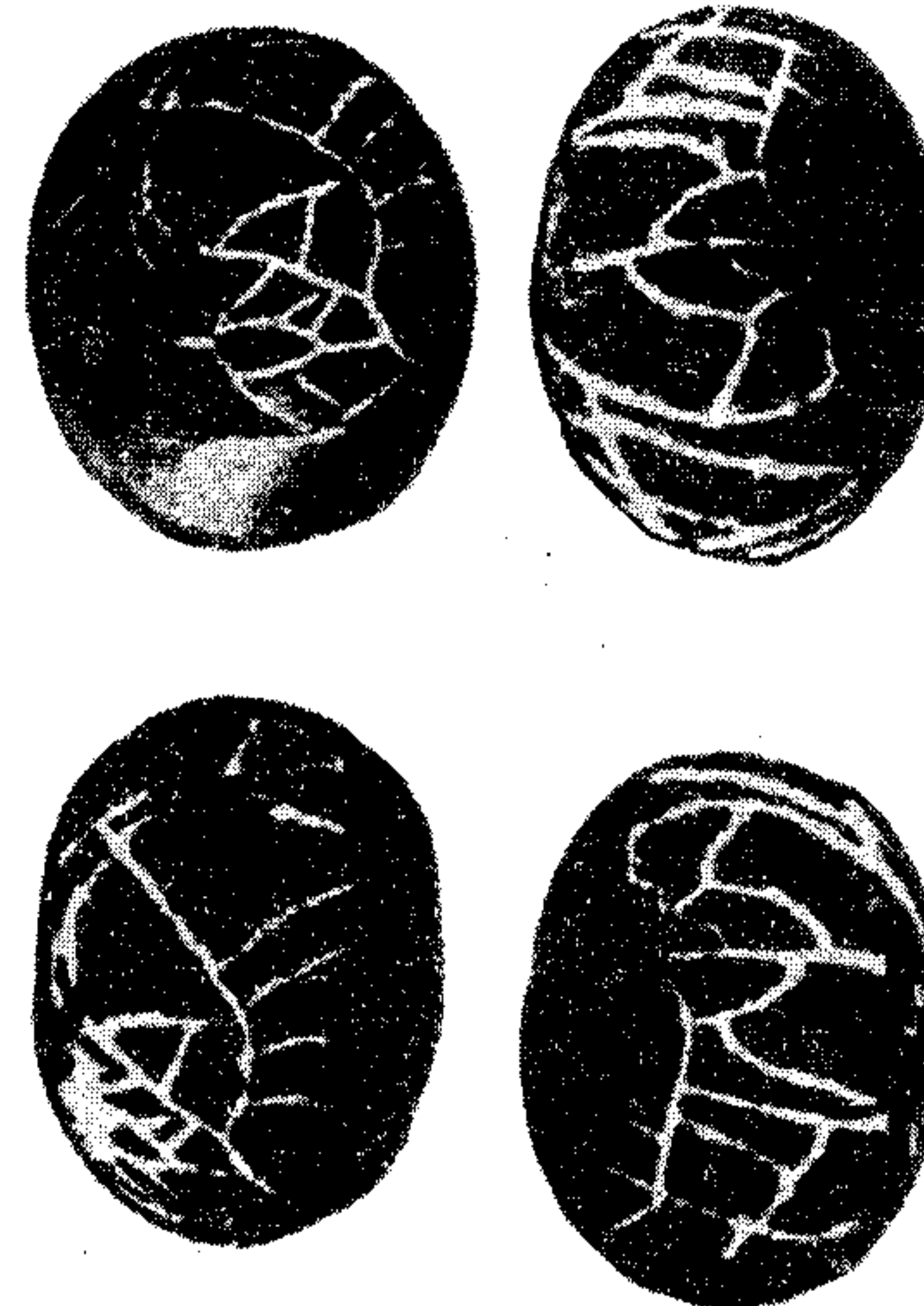
РИС. 3.



РИС. 2.

СИРО-НЕСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО		СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
 1574	m		м
	h		и (и _л)
  1612	s	 	х, х
 1560	а	 	сс, с
		 	а

Янтарная бусина с надписью с Рим-горы. Очерк 9 главы II. Палео-графическая табл. к очерку 9 главы II. Надпись на бусине с Рим-горы (IX—X вв. С. Кавказ).



DMC 5

ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	АРАБЕЙСКОЕ ПИСЬМО		СИРИЙСКО- ВЕСТИАНСКОЕ ПИСЬМО		ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ГЛАГОЛИЧ. СЛАВЯНСКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕ- ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО		СРЕДНЕВЕ- КОВЫЕ ОСЕТИ- НСКОЕ ПИСЬМО		ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
	ФОРМА БУКВ	ФОРМА ПИСЬМО	ФОРМА ПИСЬМО	ФОРМА БУКВ		ФОРМА ПИСЬМО	ФОРМА БУКВ	ФОРМА ПИСЬМО	ФОРМА БУКВ			
а			ا					1	1	1	и	
м			م						м	м	а	
э			э						э	э	и	
ч			چ						ч	ч	и	
р			ر						р	р	и	
э			э						э	э	и	
т			ت						т	т	и	
д			د						д	д	и	
т			т						т	т	и	
а			ا						а	а	и	
и			и						и	и	и	



PMC 6.

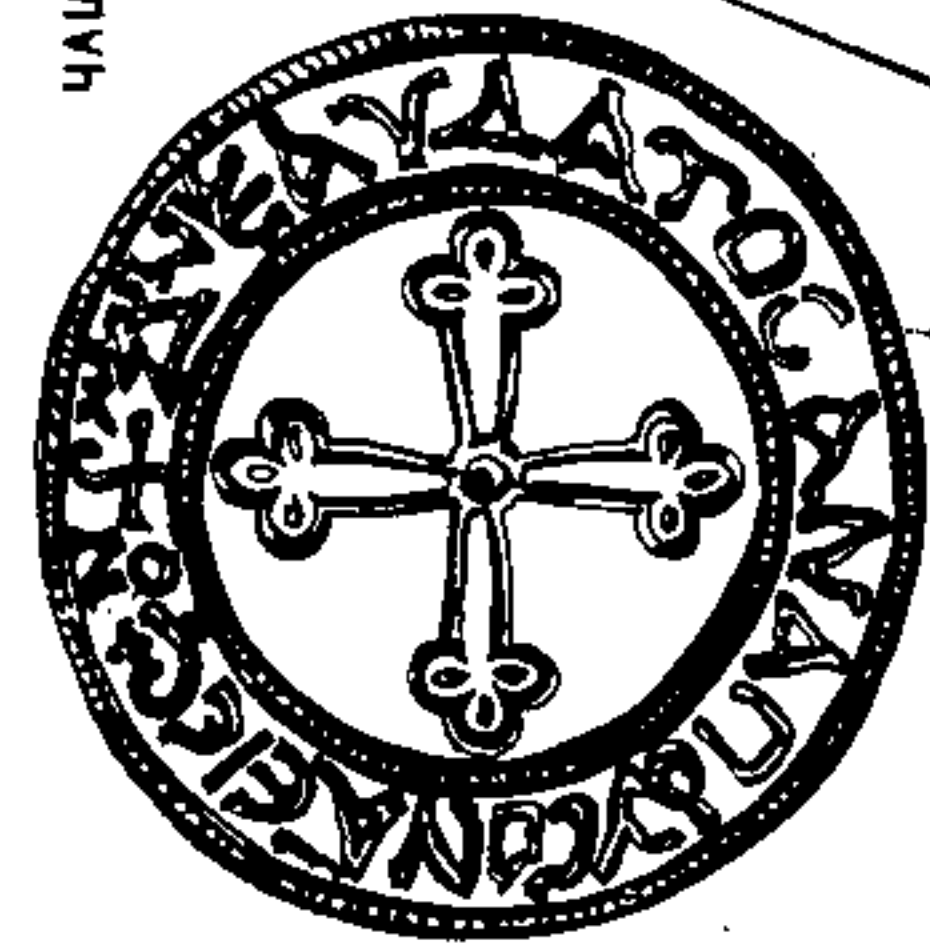
Табл. XXI
Надписи, граффити и рисунки сосудов из Надь-Сен-Миклоша (X в. н. э. Южная Венгрия). Очерк 10 главы II

Чаша №9

рис.1



Чаша №10



Надпись рис.3

Чаша №8

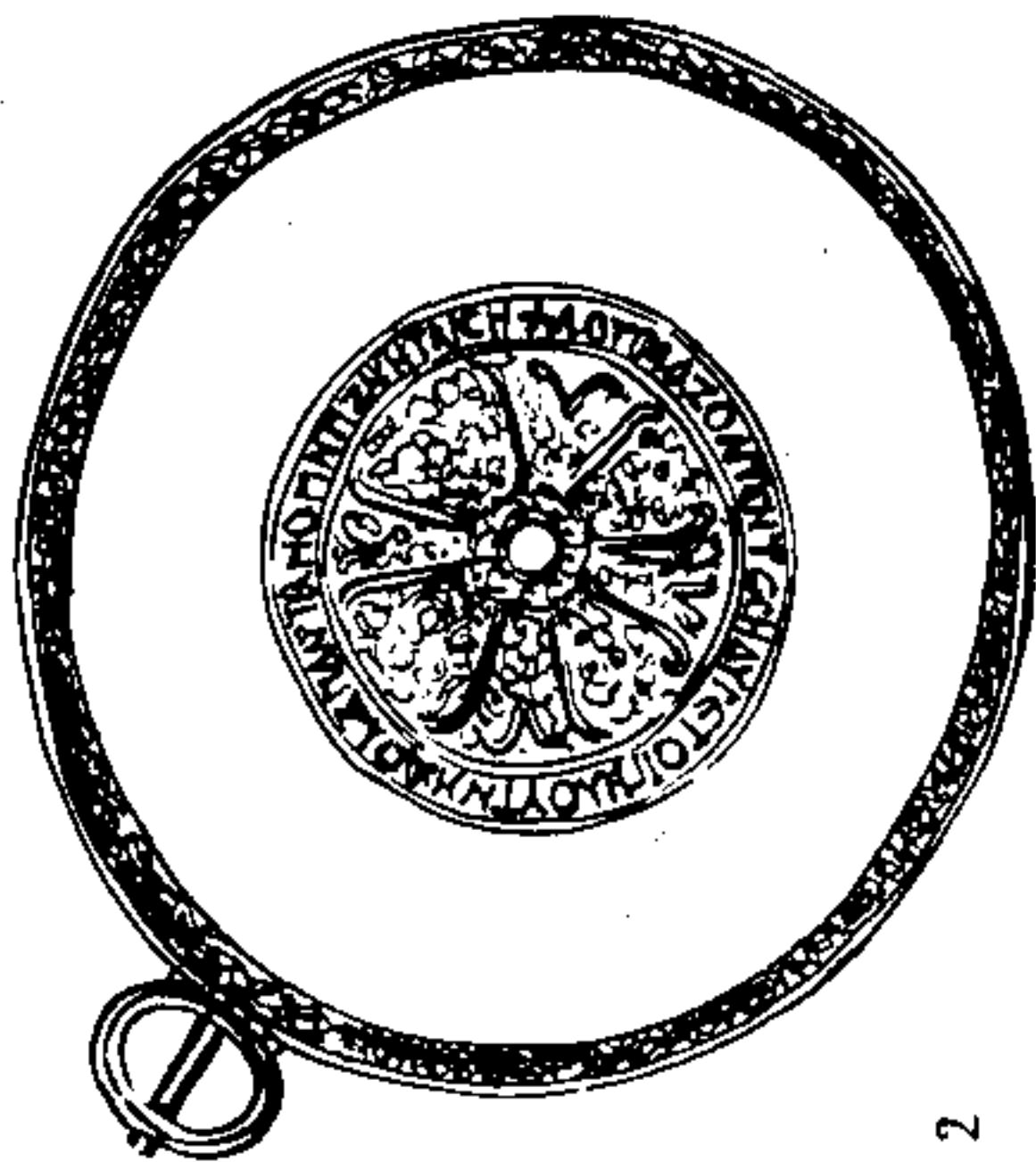
Чаша №8

Надпись рис.3



Чаша №21

рис.2

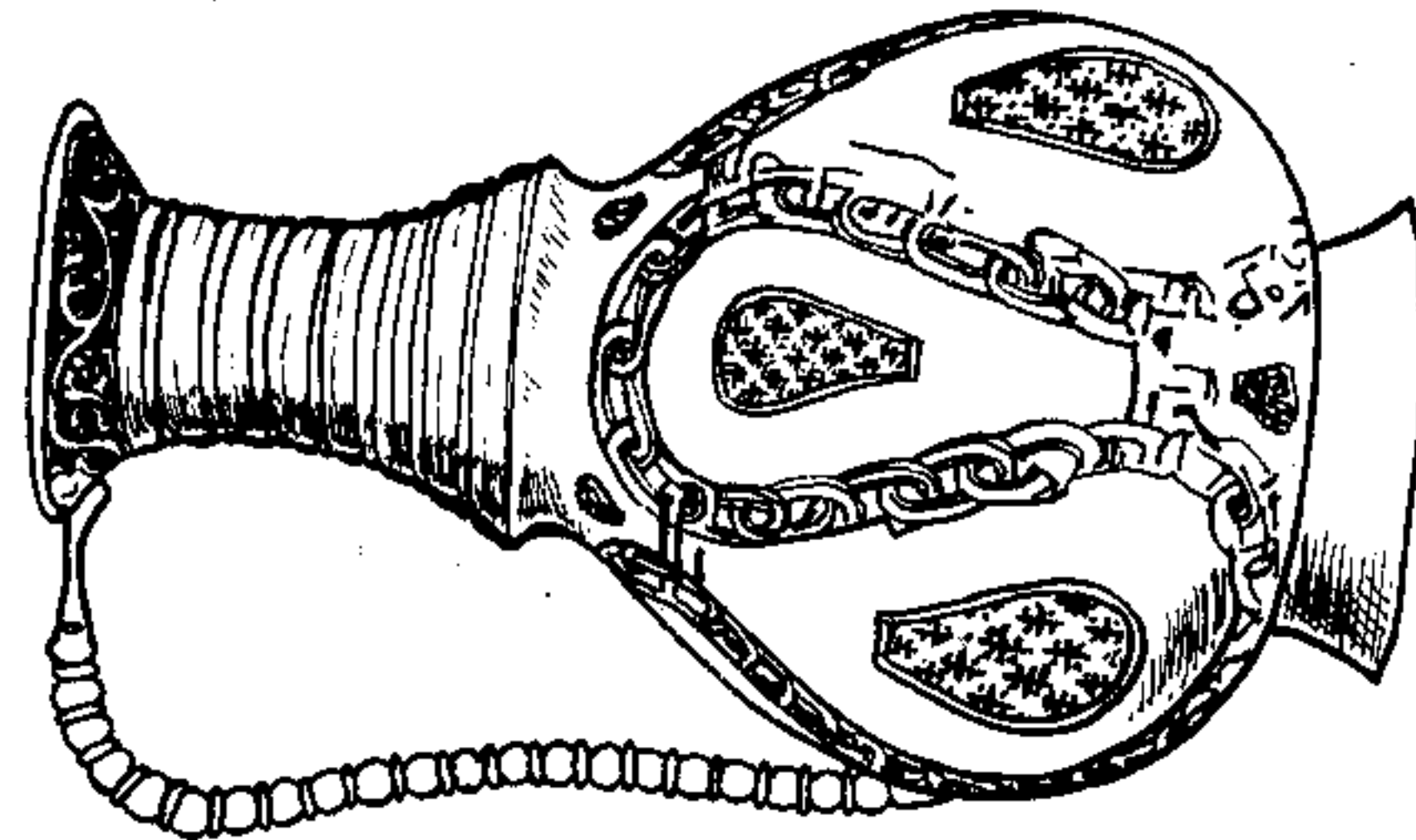


Чаша №9 / Надпись рис.6 /
Такая же чаша №9 с надписью рис.5

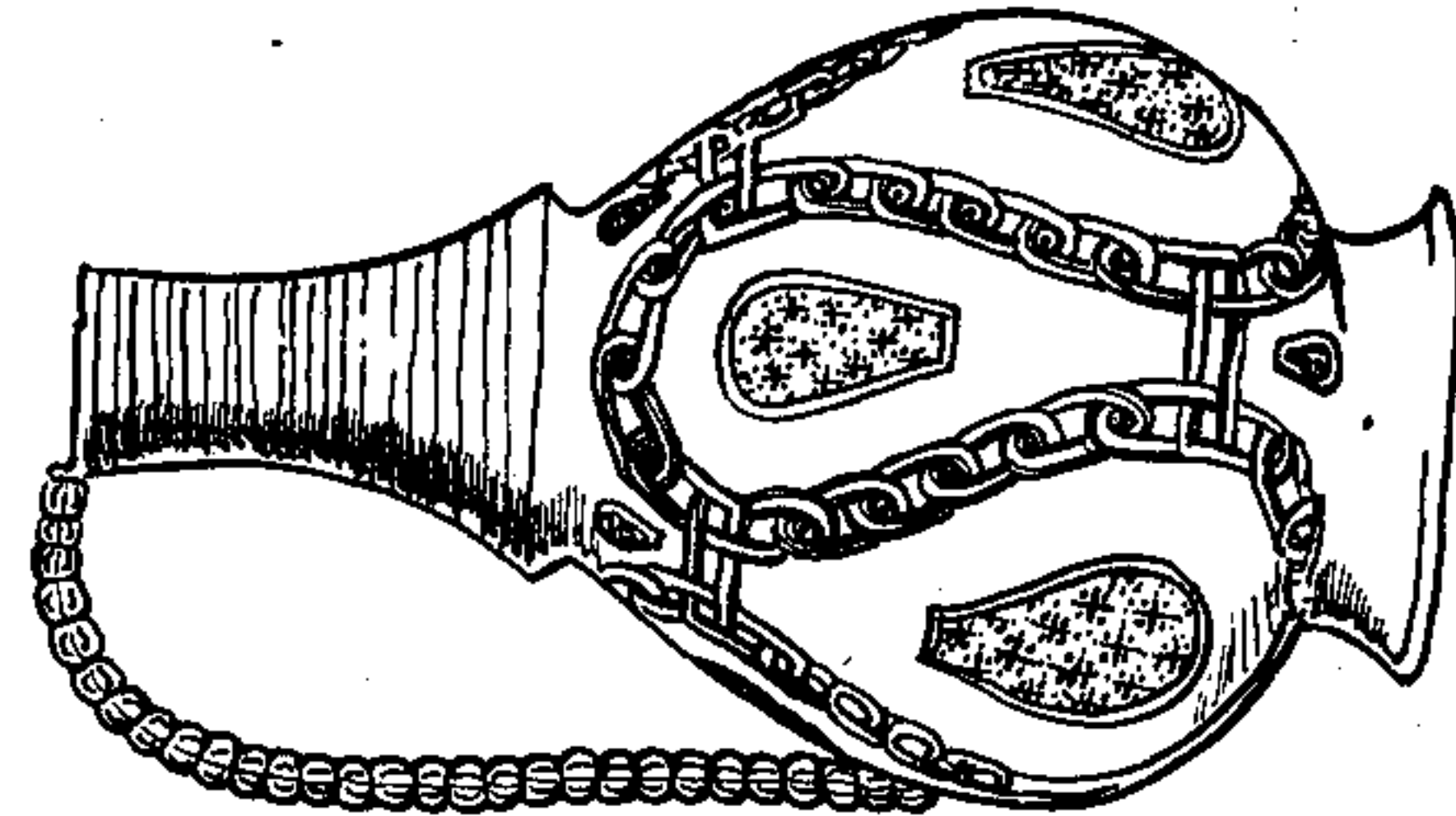
рис.5 / чаша №9 /

рис.6 / чаша №10 /

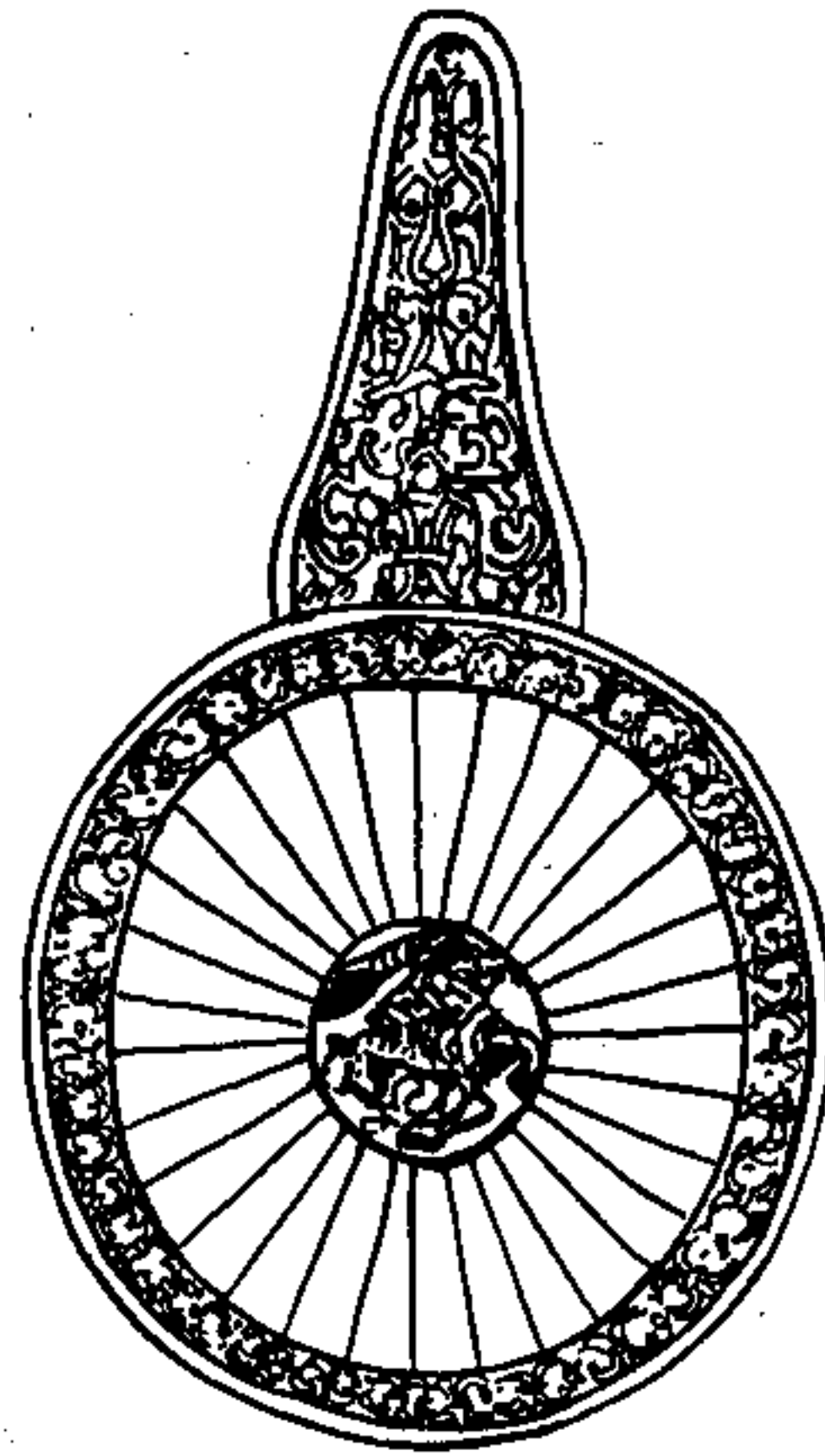
Табл. XXI,1



сосуда №3 / Надпись №10 /



сосуда №4 / рис.10-б /



Чаша №15 и №16 / Надпись рис.11 и 11а /

рис.11а / чаша №16 /

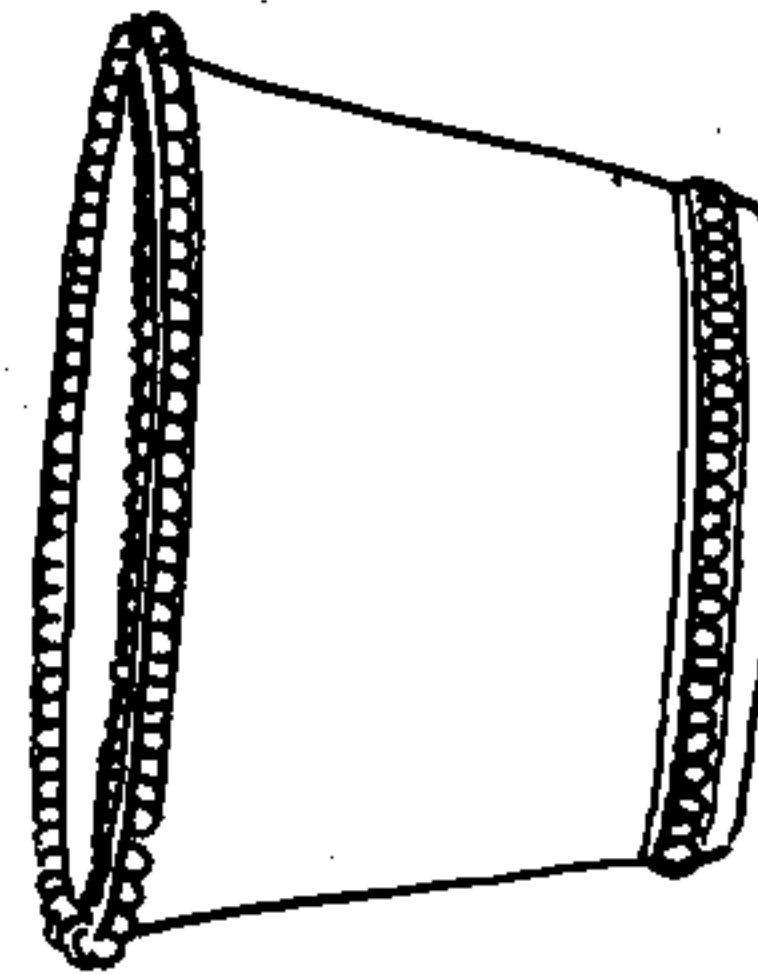


рис.10 / сосуда №3 /

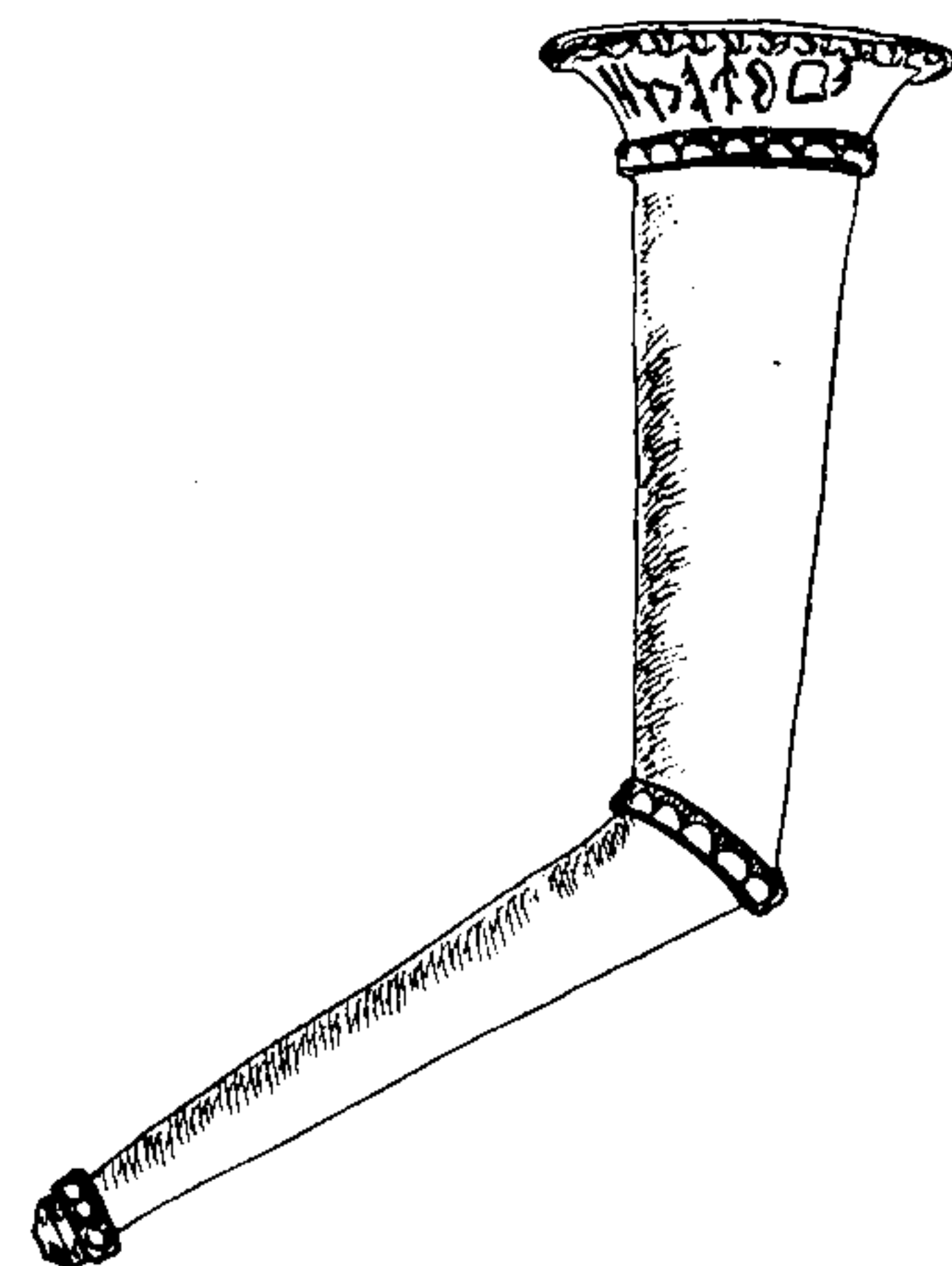
рис.10а / сосуда №4 /

рис.11 / чаша №5 /

Кружка №11 / Надпись рис.13 /

𐤒𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕

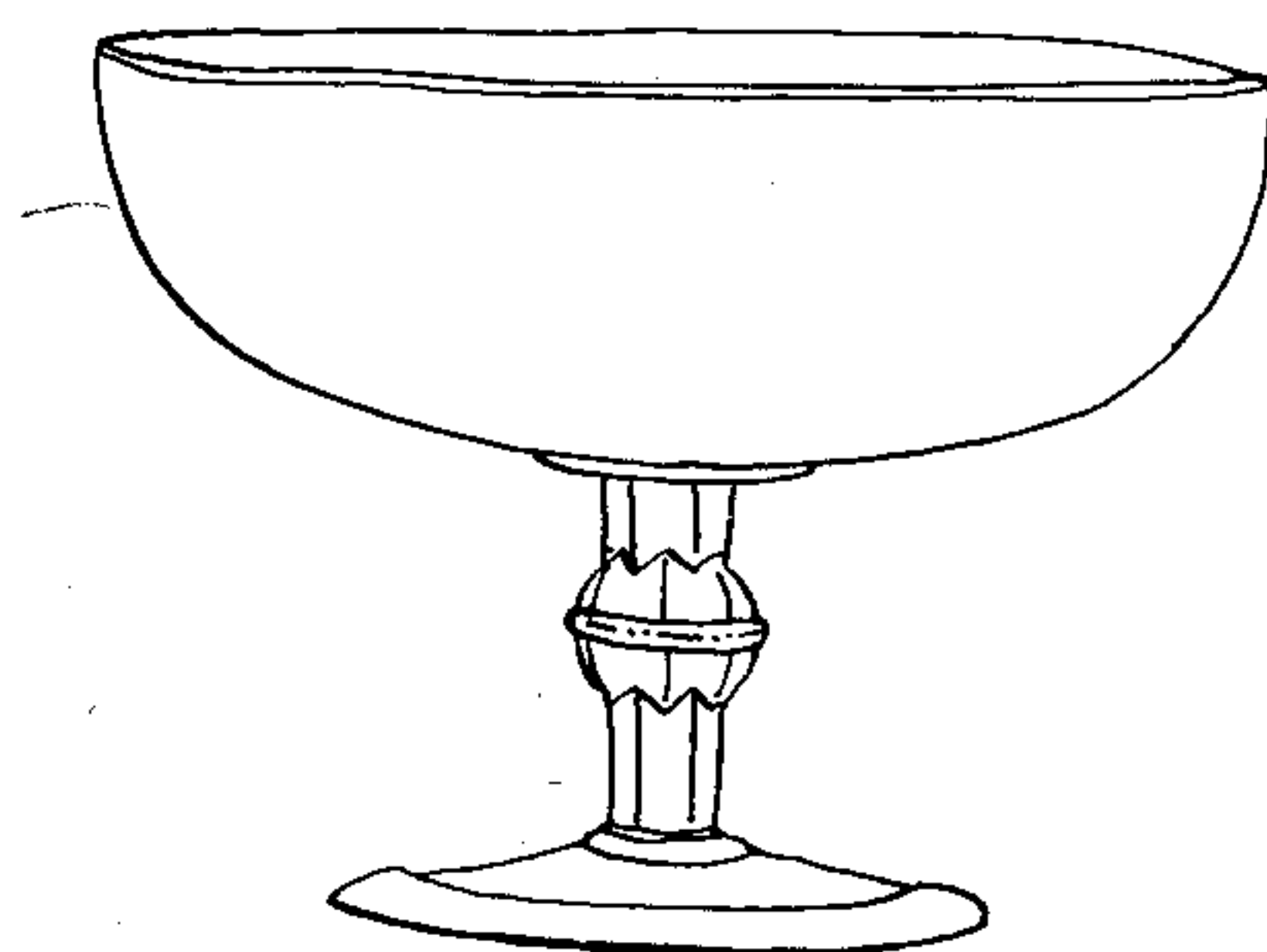
НАДПИСЬ НА ПИТЬЕВОМ РОГЕ / № 17 /
РИС. 4



ПИТЬЕВОЙ РОГ № 17 / НАДПИСЬ РИС. 4 /

𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕

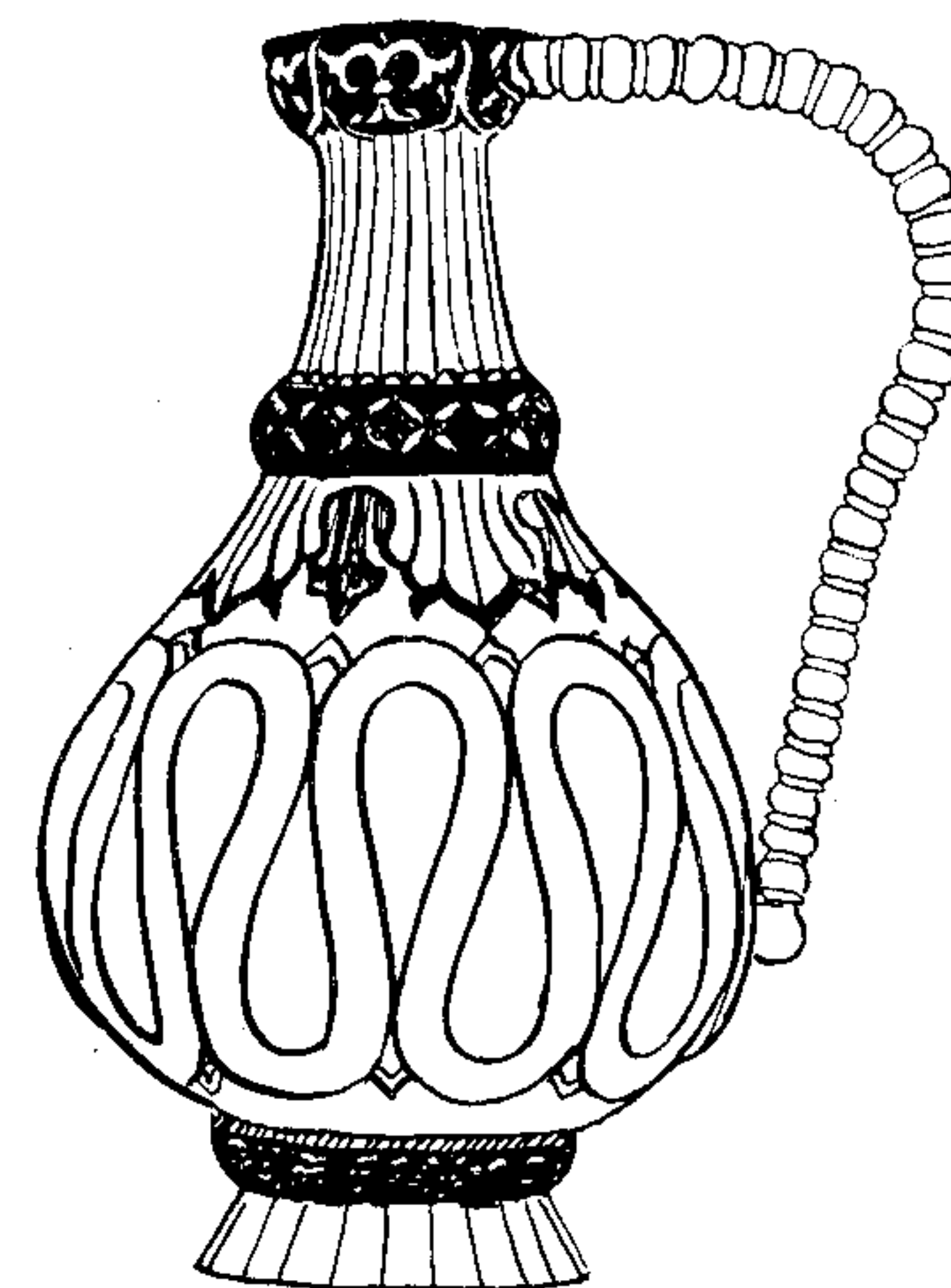
РИС. 7 / НАДПИСЬ НА КУБКЕ № 22 /



КУБОК № 22 / И ТАКОЙ ЖЕ № 23 /
НАДПИСЬ РИС. 8 И 7

𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕𐤕

РИС. 8 / КУБОК № 23 /



СОСУД № 6

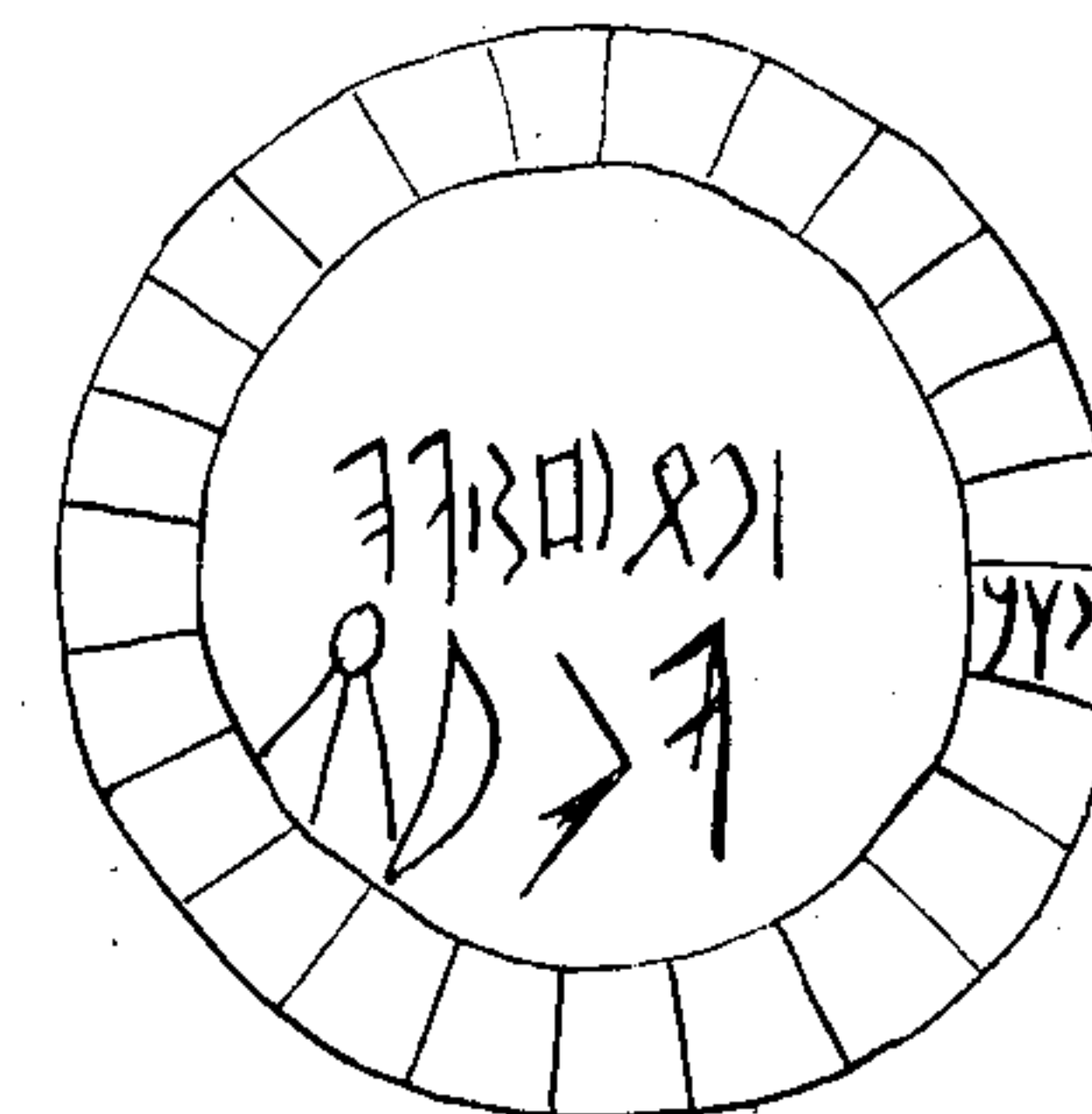
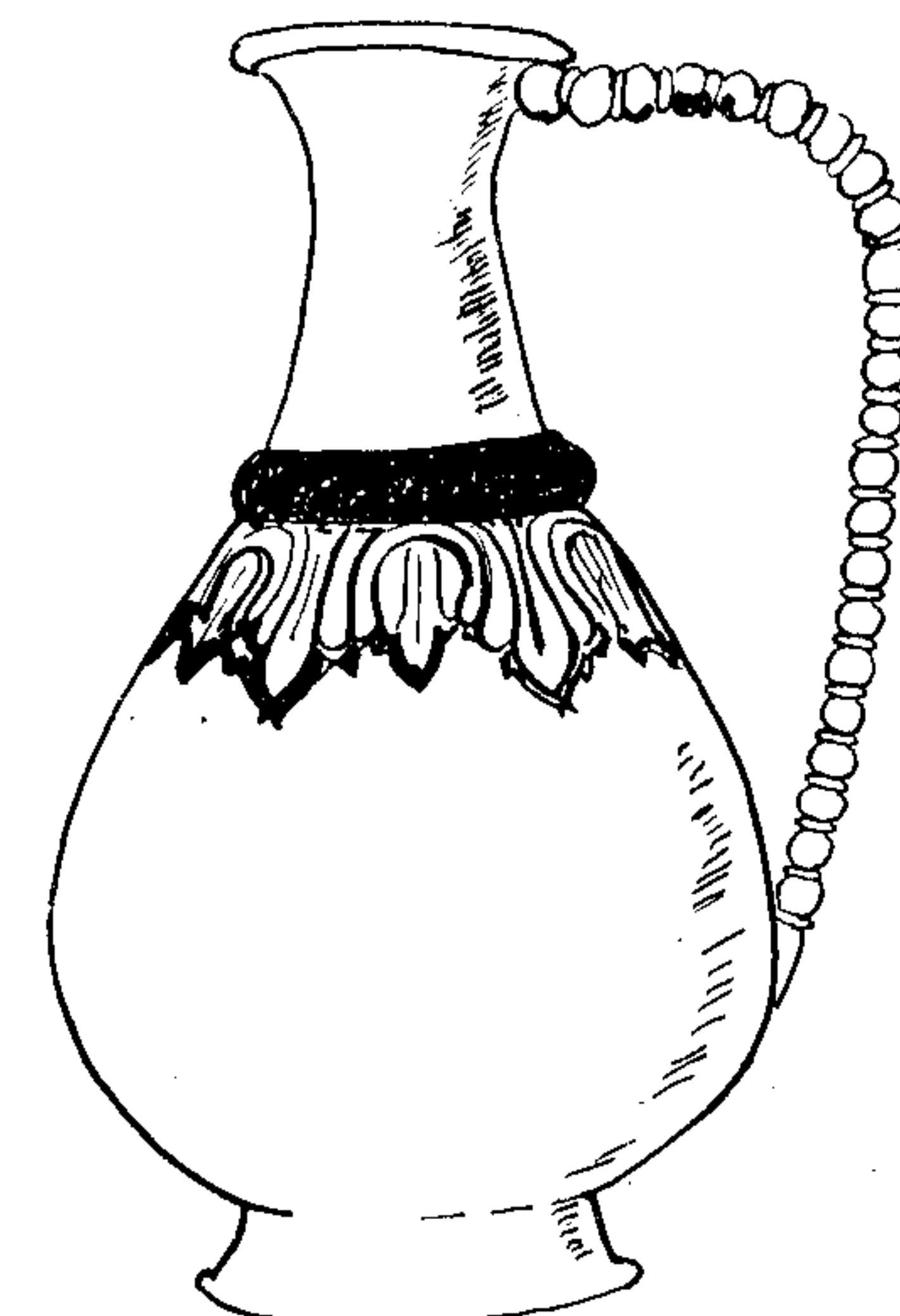


РИС. 9 / СОСУД № 6 /

𐤕𐤕𐤕

𐤕𐤕𐤕

РИС. 12.



СОСУД № 5 / НАДПИСЬ РИС. 12 /

Табл. XXI, 4
Палеографическая таблица к очерку 10- главы II. Надписи и граффити на сосудах из Надь-Сен-Миклоша (X в. н.э. Южная Венгрия)

3

БУКВЫ НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОГО ПИСЬМА АРАМЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ									
НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОЕ ПИСЬМО	МАЯЦКОЕ ПИСЬМО	ТААССКОЕ ПИСЬМО	АААНСКОЕ ПИСЬМО	АААНСКАЯ НАВУСИНЬ НА РИМ-ТОРЬ	ЗНАЧЕНИЕ АААНСКИХ БУКВ	АРАМЕЙСКАЯ	Валутена	ЗНАЧЕНИЕ АРАМЕЙСКИХ БУКВ И ТААДЖИР-СКИХ БУКВ	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅	𐤆	𐤇	𐤈	𐤉
𐤊	𐤋	𐤌	𐤍	𐤎	𐤏	𐤐	𐤑	𐤒	𐤓
𐤔	𐤕	𐤖	𐤗	𐤘	𐤙	𐤚	𐤛	𐤜	𐤝
𐤞	𐤟	𐤠	𐤡	𐤢	𐤣	𐤤	𐤥	𐤦	𐤧
𐤨	𐤩	𐤪	𐤫	𐤬	𐤭	𐤮	𐤯	𐤰	𐤱
𐤲	𐤳	𐤴	𐤵	𐤶	𐤷	𐤸	𐤹	𐤺	𐤻
𐤼	𐤽	𐤾	𐤿	𐥀	𐥁	𐥂	𐥃	𐥄	𐥅
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋	𐥌	𐥍	𐥎	𐥏	𐥐
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕	𐥖	𐥗	𐥘	𐥙	𐥚
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟	𐥠	𐥡	𐥢	𐥣	𐥤
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋	𐥌	𐥍	𐥎	𐥏	𐥐
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕	𐥖	𐥗	𐥘	𐥙	𐥚
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟	𐥠	𐥡	𐥢	𐥣	𐥤

2

БУКВЫ НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОГО ПИСЬМА СИРИЙСКО-НЕСТОРИАНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ					
НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОЕ ПИСЬМО	МАЯЦКОЕ ПИСЬМО	ТААССКОЕ ПИСЬМО	ЗНАЧЕНИЕ АААНСКИХ БУКВ	СИРИЙСКО-НЕСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО	ЗНАЧЕНИЕ СИРИЙСКО-НЕСТОРИАНСКИХ БУКВ
1	2	3	4	5	6
𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄	𐤅
𐤊	𐤋	𐤌	𐤍	𐤎	𐤏
𐤔	𐤕	𐤖	𐤗	𐤘	𐤙
𐤞	𐤟	𐤠	𐤡	𐤢	𐤣
𐤨	𐤩	𐤪	𐤫	𐤬	𐤭
𐤲	𐤳	𐤴	𐤵	𐤶	𐤷
𐤼	𐤽	𐤾	𐤿	𐥀	𐥁
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋	𐥌
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕	𐥖
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟	𐥠
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋	𐥌
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕	𐥖
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟	𐥠

3

ОСОВЫЕ БУКВЫ НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОГО ПИСЬМА И ПАРАЛЛЕЛИ К НИМ В ДРУГИХ АААНСКОГО ДУКТА ПИСЬМЕННОСТЯХ				
НАДЬ-СЕН-МИКЛОШСКОЕ ПИСЬМО	МАЯЦКОЕ ПИСЬМО	ТААССКОЕ ПИСЬМО	ТААССКОЕ ПИСЬМО	ЗНАЧЕНИЕ
1	2	3	4	5
𐤀	𐤁	𐤂	𐤃	𐤄
𐤊	𐤋	𐤌	𐤍	𐤎
𐤔	𐤕	𐤖	𐤗	𐤘
𐤞	𐤟	𐤠	𐤡	𐤢
𐤨	𐤩	𐤪	𐤫	𐤬
𐤲	𐤳	𐤴	𐤵	𐤶
𐤼	𐤽	𐤾	𐤿	𐥀
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟
𐥇	𐥈	𐥉	𐥊	𐥋
𐥑	𐥒	𐥓	𐥔	𐥕
𐥛	𐥜	𐥝	𐥞	𐥟

Табл. XXII
Надпись на пряслице с городища Уллу-Дурбала (XIII—XIV вв. Северный Кавказ). Очерк 11 главы II

СИРИЙСКО-НЕСТОРИАНСКОЕ ПИСЬМО Семиречья		СРЕДНЕВЕКОВОЕ ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО	
ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ
m	𐤌 1566	м	𐤌
'(ajin)	𐤊 1574 𐤋 1575	æ	𐤊 𐤋
w	𐤗 1583	o	𐤗 𐤘
s	𐤔 350-400 𐤕 1612	c	𐤔 𐤕
j	𐤊 1560 𐤋 1609	и	𐤊 𐤋
l	𐤌 1561	л	𐤌
n	𐤎 1575	н	𐤎
'a	𐤀 1569	a	𐤀



Рис. 1.

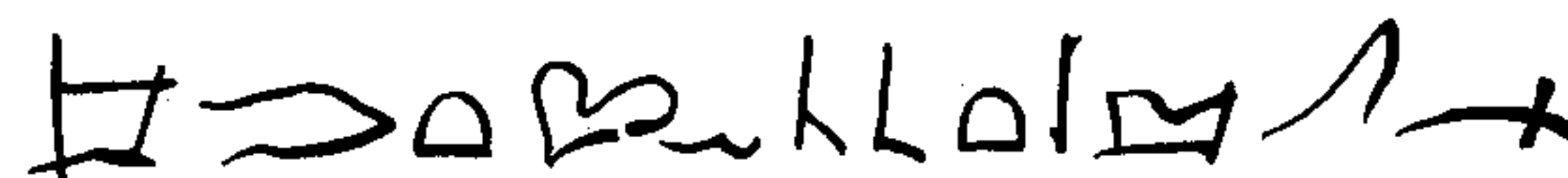


Рис. 2.

Табл. XXIII
Иронская надпись греческого письма из Эрмигатажа (IV в. н. э. Абхазия). Очерк 1 главы III

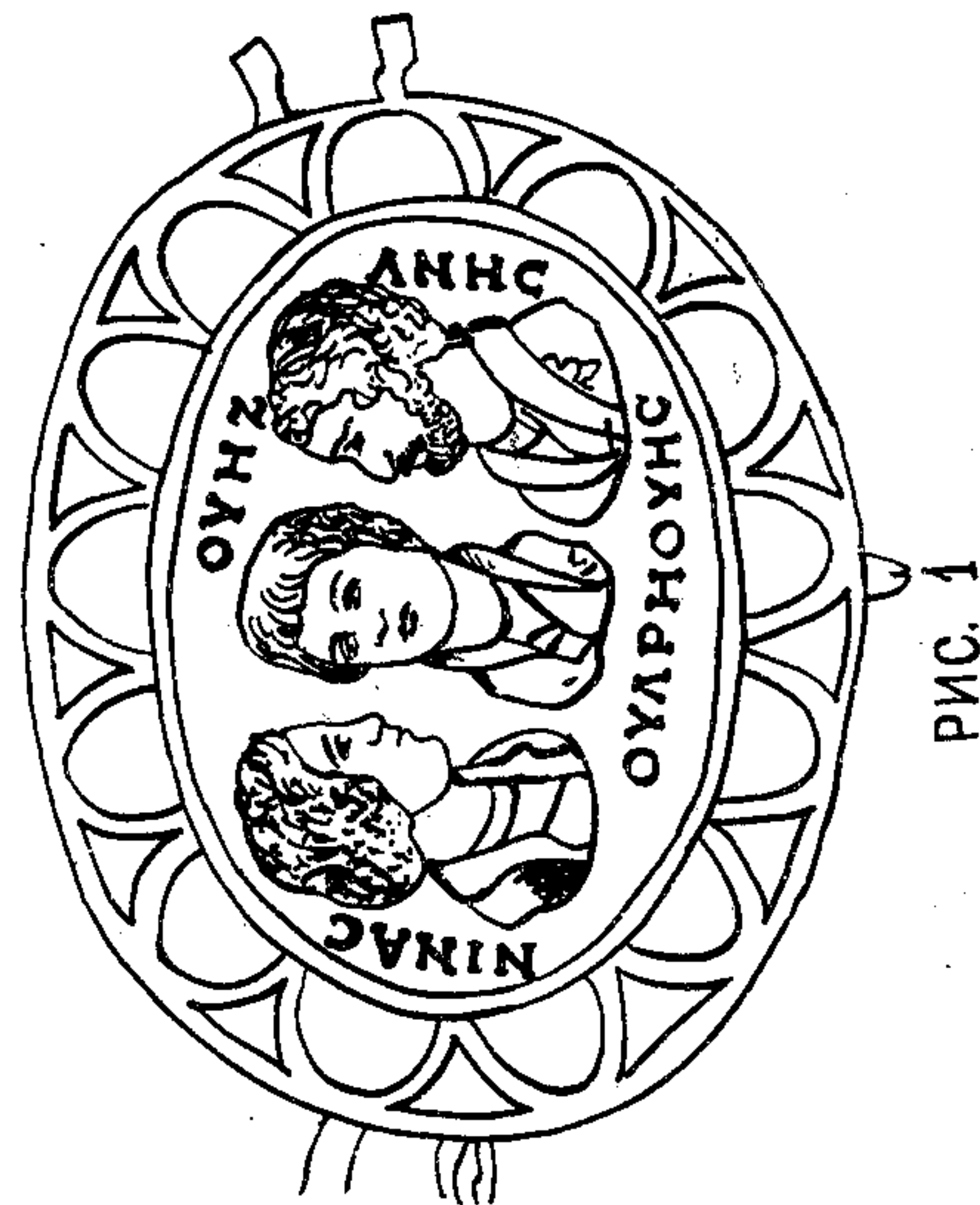


РИС. 1

ΝΙΝΑΣ — Νινᾶς = Nina is
ΟΥΝΖΑΝΗΣ — ουνζανης = oul zan is
ΟΥΛΡΗΟΥΝΣ — ουλρηουης = oul riou is

РИС. 2.

Табл. XXIV
Зеленчукская надпись в новом чтении (X в. (941 г.) н. э. Северный Кавказ). Очерк 2 главы III

13
X3
odulos
v[]xola
os
caχ η
p[]p[](u)(do)
xob[]
cto(p)p[]
oupe
παχα
δερπα
καδα(p)γ
poupe
avka
λανα(v)πα
λανγφ
oupe
λακα
v[]εζηp
δε(λ)·οδελ

РИС. 1

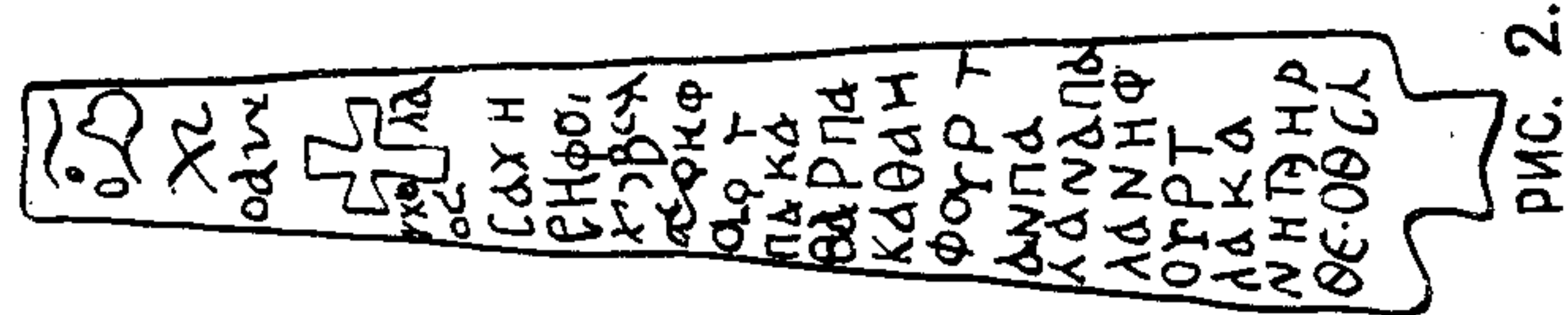


РИС. 2.

Табл. XXV
Палеографическая таблица к очерку 1 главы IV. Тюркоязычные (хазарские) надписи аланского письма из Саркела (IX—X вв. Подонье)

НАДПИСИ САРКЕЛА		СИРО-НЕСТО-РИАНСКОЕ ПИСЬМО		МАЯЦКОЕ АЛАНСКОЕ ПИСЬМО		НАДПИСИ НАДЬ-СЕН-МИКЛОША		ТАЛАССКАЯ НАДПИСЬ АЛАНСКОГО ПИСЬМА		АЛАНСКИЕ НАДПИСИ РИМ-ГОРЫ И ИЗ-ПОД С. ОБИЛЬНОГО	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
М	УТ, УТ							М	УТ		
У	И							У	И		
Х	С			Х	С(СШ)			Х, Х	С		
И	И(Ы)			И	И						
Ш	И	К	З							К	Ш(Обил.)
А	А	Д	В	Д	У	Д	А	Д	У	Д	А(Обил.)
У	А										
А	М	У	М							А	А(Рим-гора)
И	И	У	И							И	М(Рим-гора)
Н	Н	У	И								



РИС. 1

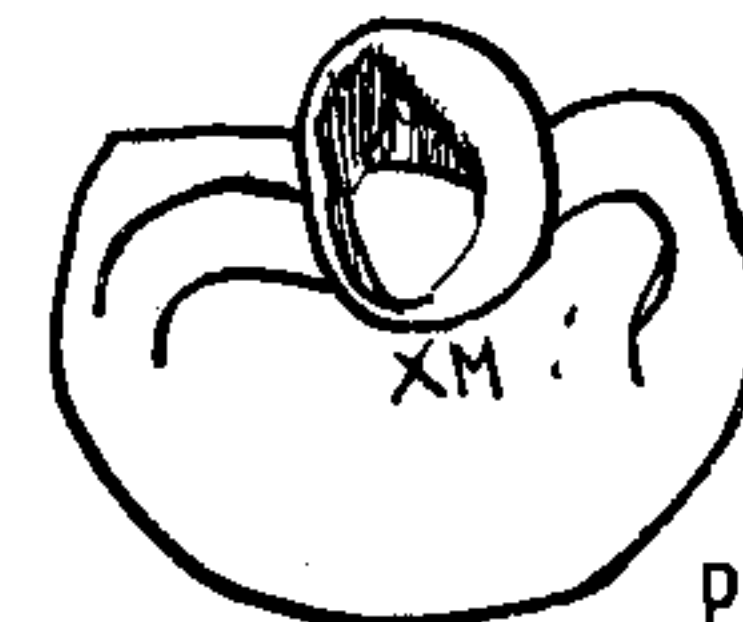


РИС. 2.

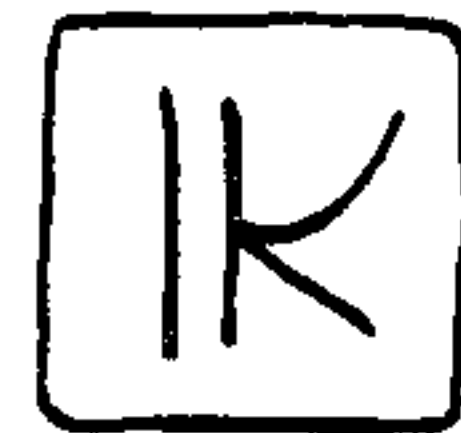


РИС. 3.



РИС. 4.



РИС. 5.



РИС. 6

Табл. XXVI,1
Палеографическая таблица к очерку 2 главы IV. Восточнославянские памятники аланского письма на Рязанщине.
1. Надписи на пряслице с селища Борки (начало X в.)

НАДПИСЬ НА ПРЯСЛИЦЕ			ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ							
			ДР. ЕВР. ПИСЬМО		СИРО-НЕСТОР. ПИСЬМО		МАЯЦКОЕ ПИСЬМО		АЛЕКАНОВ. НАДПИСЬ	
ФОРМА БУКВ	ФОРМА ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ ИЛИ ЦИФР	ФОРМА ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ ЦИФР	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ
—	У	900	У	900						
—	П	8	П	8						
—	—	а	—	—	А	а				
—	—	н	—	—	—	н				
—	—	ѣ	—	—	—	ѣ				
—	—	и	—	—	—	и				
—	—	900	—	900	—	—				
—	—	10	—	10	—	—				
—	—	8	—	8	—	—				
—	—	а	—	—	—	—	У	а		
—	—	ѣ	—	—	—	—	—	—		
—	—	т	—	—	—	т				
—	—	а	—	—	—	а				

Табл. XXVI,2
Палеографическая таблица к очерку 2 главы IV. Восточнославянские памятники аланского письма на Рязанщине.
2. Надпись на горшке из погребения с. Алканова (1007 г.)

НАДПИСЬ НА ГОРШКЕ				ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ							
АЛАНСКОЕ ПИСЬМО		ДРЕВНЕ-ОСЕТИНСКОЕ ПИСЬМО		АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО		СИРО-НЕСТОРИАН. ПИСЬМО		СЛАВЯНСКОЕ ПИСЬМО			
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ И ЦИФР	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ И ЦИФР	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕНИЕ БУКВ		
Х	с	Х	с					Ѡ	а		
х	л	х	л					Ѣ	ѣ		
†	а	—	—					Ѧ	и		
†	ѣ	—	—						и(ѣ)		
†	и	—	—						и(ѣ)		
†	т	—	—								
†	и	—	—								
†	ѣ	—	—								
†	а	—	—								
†	1000	—	—								
†	5	—	—								
†	2	—	—								

ТАЛАССКАЯ НАДПИСЬ		АРАМЕЙСКОЕ ПИСЬМО		СИРО-НЕСТО- РИАНСКОЕ ПИСЬМО		МАЯЦКОЕ АЛАНСКОЕ ПИСЬМО		НАДПИСИ НАДЬ-СЕН- МИКЛОША		ХАЗАРСКИЕ НАДПИСИ ИЗ САРКЕЛА	
ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ	ФОРМА БУКВ	ЗНАЧЕ- НИЕ БУКВ
Δ	т(ʈ)			Δ, Δ	ʈ(t)						
>	к			>	к	>	к	>	к		
□	кʙ(q)			□	q(к)			□	q(хʙ)		
)	н			)	н			)	н		
χ, χ	с					χ	с(сш)			χ	с
ξ	с	з	с			ξ	ш	ξ	с		
ϕ	с	ϕ	с(сир)								
ψ	ш			ψ	ш						

КРОМЕ СЕГО ВСТРЕТИЛИСЬ БУКВЫ ТЮРКСКОГО РУНИЧЕСКОГО
ПИСЬМА: > - а, ξ - о/у.

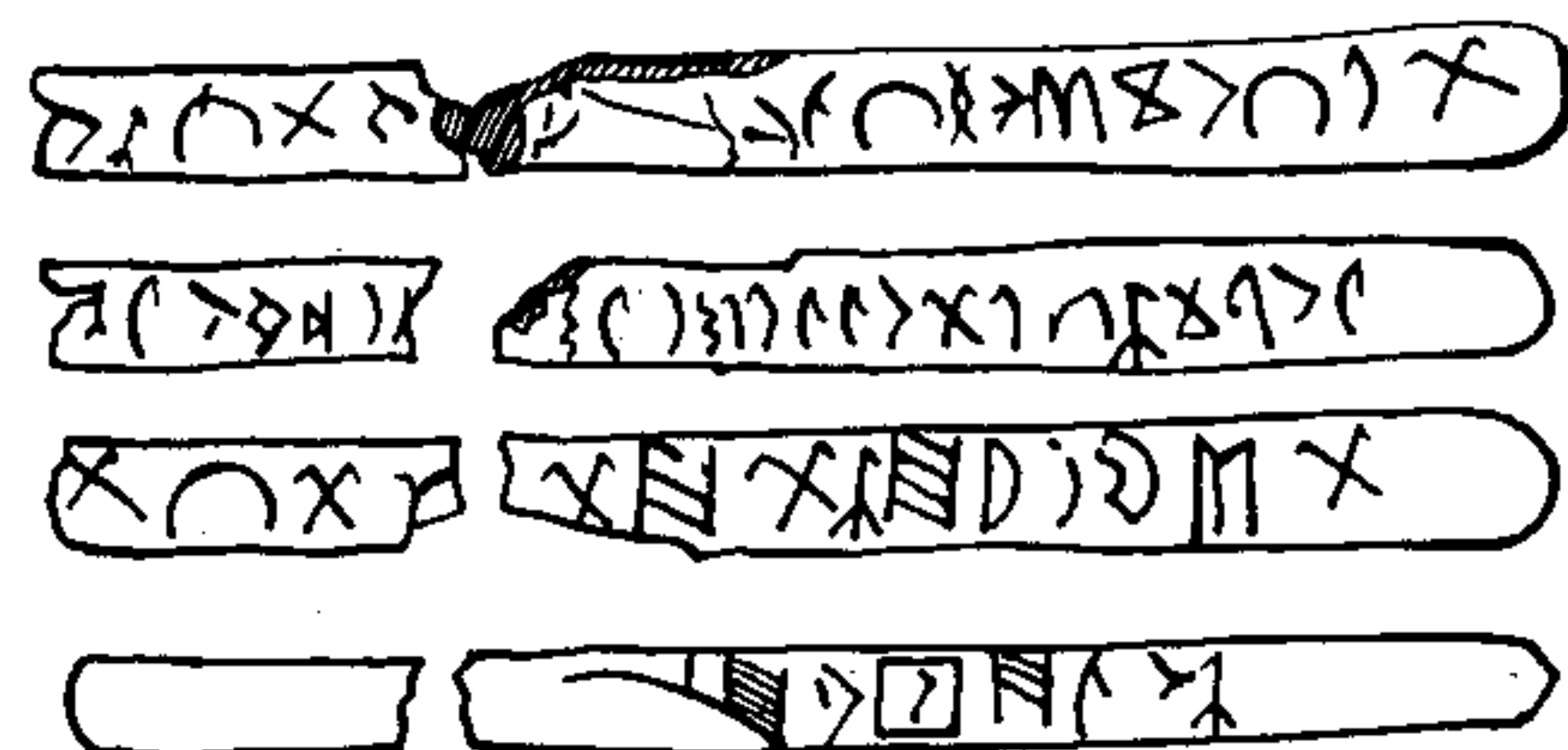


рис. 1.

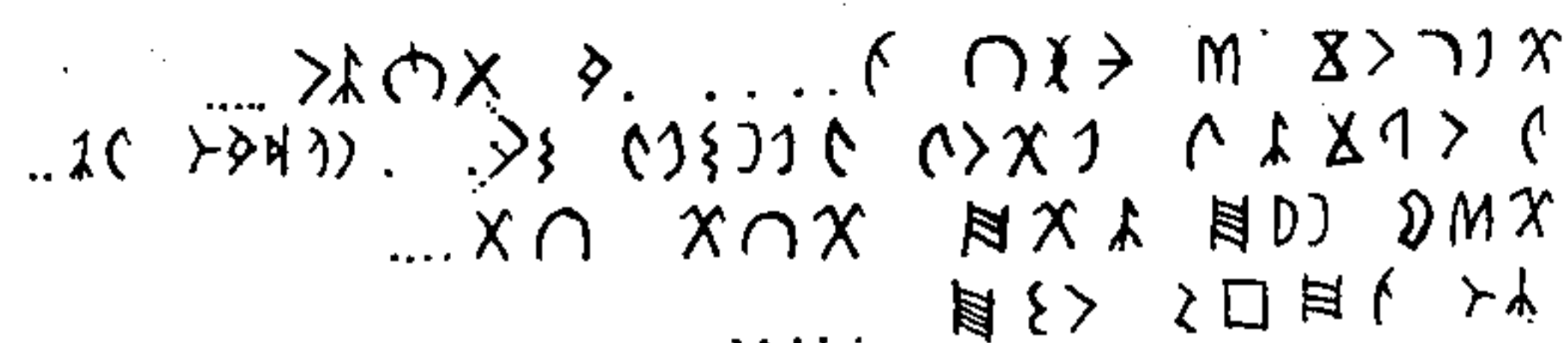


рис. 2.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	3
Введение	5

Глава 1. Древние осетинские надписи собственного письма	38
---	----

О черк 1. Надпись на острореберном сосуде с поселения близ д. Мало-Красноярки на протоке Иртыша, (VIII в. до н. э. Восточный Казахстан)	36
О черк 2. Надпись на баночном сосуде из срубного погребения близ с. Горная Пролейка (вторая половина VI в. до н. э. Нижнее Поволжье)	39
О черк 3. Надпись на баночном сосуде из погребения близ с. Рубцы (V — начало IV в. до н. э. Северное Причерноморье)	43
О черк 4. Надпись на горшочке с поселения эпохи поздней бронзы близ г. Умани (V в. до н. э. Украина)	46
О черк 5. Надпись на сосуде из погребения с Золотой Косы близ г. Таганрога (V в. до н. э. Северное Причерноморье)	49
О черк 6. Надпись на баночном сосуде из погребения близ д. Переездной (V в. до н. э. Украина)	51
О черк 7. Фрагмент надписи на баночном сосуде из погребения у с. Константиновка Запорожской обл. (V в. до н. э., Северное Причерноморье)	53
О черк 8. Фрагмент надписи на венчике сосуда с горы Крестовой в г. Кисловодске (V в. до н. э. Северный Кавказ)	56
О черк 9. Хозяйственная запись на остраке из древней Тире (II в. н. э. Северо-Западное Причерноморье)	58
О черк 10. Глиняное пряслице с двухстрочной надписью из Одесской области (II в. н. э. Украина)	60
О черк 11. Надписи красной краской на амфорах из Танаиса, из-под Одессы и с поселения на р. Ингулец (II—III вв. н. э. Северное Причерноморье)	64

Глава II. Средневековые осетинские (аланские) надписи собственного письма 70

ТАЛАСКАИ НАДПИС	
ФОРМА БУКВ	ЗНА Н БУ
Δ	т(
>	к
□	к
)	!
χ, χ	
ξ	
λ	
у	

кр

О чер к 1. Фрагмент аланского граффито на обломке амфоры из Херсонеса (VII в. (689—690 гг.) н. э. Крым)	—
О чер к 2. О языке надписей на камнях Маяцкого городища и на флягах из Новочеркасского музея (VIII—X вв. н. э. Подонье)	78
О чер к 3. Аланская надпись на амулете из Донецкой области (IX в. н. э. Подонье)	102
О чер к 4. Фрагмент хозяйственной надписи на обломке сосуда из Херсонеса (IX—X вв. н. э. Крым)	106
О чер к 5. Надписи на глиняном горшочке из-под с. Обильного на р. Куме (IX—XI вв. Северный Кавказ)	107
О чер к 6. «Податная» запись на остраке из Саркела (X в. Подонье)	110
О чер к 7. Аланские слова и буквенные меты на альчиках салтовского могильника (IX—X вв. н. э. Харьковская обл.)	114
О чер к 8. Фрагменты аланских граффити с городища Титчиха (X в. н. э. Среднее Поволжье)	118
О чер к 9. Надпись на янтарной бусине из аланского могильника у Рим-горы близ г. Кисловодска (IX—X вв. Северный Кавказ)	123
О чер к 10. Аланские надписи и граффити на сосудах из Надь-Сен-Миклоша (X в. н. э. Южная Венгрия)	129
О чер к 11. Надпись на пряслице с городища Уллу-Дурбала близ г. Кисловодска (XIII—XIV вв. Северный Кавказ)	151

Глава III. Средневековые надписи осетинского языка чужого (несобственного) письма 155

О чер к 1. Иронская надпись греческого письма на инталии из Эрмитажа (IV в. н. э. Абхазия)	—
О чер к 2. Зеленчукская надпись — памятник ясского диалекта осетинского языка (X в. (941 г.) Северный Кавказ)	164

Глава IV. Иноязычные надписи средневекового осетинского письма 168

О чер к 1. Тюркоязычные (хазарские) надписи на обломках керамики из Саркела (IX—X вв. Подонье)	—
О чер к 2. Восточнославянские памятники аланского письма на Рязанщине (X—XI вв.)	173
О чер к 3. Тюркоязычная надпись осетинского письма на деревянной палочке из Таласа (XII в. Киргизская СССР)	184
Список сокращений	200
Таблицы и рисунки I—XXVII	201